Д. ФЛЕТЧЕРЪ.

О Государствѣ Русскомъ,

или

ОБРАЗЪ ПРАВЛЕНІЯ РУССКАГО ЦАРЯ

(обыкновенно называемаго царемъ московскимъ).

СЪ ОПИСАНІЕМЪ НРАВОВЪ И ОБЫЧАЕВЪ ЖИТЕЛЕЙ ЭТОЙ СТРАНЫ.

въ лондонѣ, печатано т. д-мъ для томаса чарда, 1591 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1906.

Ея Высокому Королевскому Величеству.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Бывъ отправленъ Вашимъ Величествомъ по дѣламъ службы къ Русскому Царю, я наблюдалъ положеніе и обычаи его земли, а по возвращеніи оттуда, приведя въ нѣкоторый порядокъ мои замѣтки, осмѣлился поднесть ихъ въ настоящемъ небольшомъ сочиненіи Вашему Высокому Королевскому Величеству. Цѣль моя при этомъ была та, чтобы записать для себя предметы болѣе важные, нежели забавные, и преимущественно истинные, а не странные. Въ образѣ тамошняго правленія Ваше Величество изволите усмотрѣть не только весьма удивительную, но и дѣйствительно существующую форму государства тираническаго, далеко не сходную съ образомъ Вашего правленія, безъ истиннаго познанія о Богѣ, безъ письменныхъ законовъ, безъ общаго правосудія, кромѣ того, которому источникомъ служитъ законъ изустный, то-есть правительственныя власти, имѣющія сами крайнюю нужду въ законѣ для того, чтобы обуздать ихъ собственную несправедливость. Поступки ихъ, въ какой степени они тягостны и бѣдственны для несчастнаго угнетеннаго народа, населяющаго эту страну, въ такой же мѣрѣ могутъ подать мнѣ и другимъ вѣрноподданнымъ Вашего Величества справедливый поводъ признать себя счастливыми и благодарить Бога за истинно-королевское и милостивое правленіе Вашего Величества, Вамъ же доставить болѣе утѣшенія и радости тѣмъ, что въ Вашемъ Королевствѣ Вы повелѣваете не рабами, а подданными, которые исполняютъ свои обязанности изъ любви, а не изъ страха. Отецъ Всемогущій да наградитъ Ваше Величество долговременнымъ и счастливымъ правленіемъ въ сей жизни, а въ жизни будущей да пріиметъ Васъ Іисусъ Христосъ въ свое Царствіе!

Вашего Величества
всепокорнѣйшій подданный и слуга

Д. Флетчеръ.

СОДЕРЖАНІЕ ВСЕГО СОЧИНЕНІЯ.

О РУССКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Описаніе Россіи, широта и длина ея и названія областей.

Россія нѣкогда называлась Сарматіею. Названіе свое перемѣнила она, по мнѣнію нѣкоторыхъ, отъ раздробленія на разныя мелкія, но самостоятельныя, области, независимыя и не подвластныя одна другой, ибо слово р о з на языкѣ русскомъ значитъ то же, что и разъединить или раздѣлить. Русскіе разсказываютъ, что четыре брата—Труворъ, Рюрикъ, Синеусъ иВарягъ—раздѣлили между собой сѣверныя части этой страны, между тѣмъ какъ южныя находились также въ рукахъ другихъ трехъ братьевъ: Кія, Щека, Хорива и ихъ сестры Лыбеди; каждый изъ нихъ назвалъ свою область по своему имени. Отъ этого раздѣленія вся страна получила названіе Россіи, около 860 года отъ Р. Х. Что касается до предположенія, найденнаго мною у нѣкоторыхъ космографовъ, что русскіе заимствовали свое имя отъ роксолановъ и составляли съ нимъ одинъ и тотъ же народъ, то оно не заслуживаетъ вѣроятія, какъ по словопроизводству, которое очень натянуто, такъ въ особенности по мѣсту жительства роксолановъ, находившагося, по свидѣтельству Страбона, между двумя рѣками Танаисомъ и Борисѳеномъ, совершенно въ противоположной сторонѣ, чѣмъ Россія.

Въ то время, когда эта земля называлась Сарматіей, она раздѣлялась на двѣ главныя части: Бѣлую и Черную. Бѣлая Сарматія заключала въ себѣ все пространство, лежащее къ сѣверу и со стороны Ливоніи, какъ-то: области, называемыя теперь Двинскою, Важскою, Устюжскою, Вологодскою, Каргопольскою, Новгородскою и проч., коихъ столицею, или главнымъ городомъ, былъ Новгородъ Великій. Черною Сарматіею называлась вся страна, лежащая на югъ къ морю Евксинскому, или Черному, какъ-то княжества: Владимірское, Московское, Рязанское и проч. Нѣкоторые полагали, что названіе Сарматіи было первоначально заимствовано отъ одного Сармата, котораго Моисей и Іосифъ называютъ Сармоѳомъ, сына Іектанова и племянника Эвера, изъ поколѣнія Симова; но это, кажется, одна догадка, основанная на сходствѣ съ именемъ Сармоѳъ, потому что мѣсто жительства всего Іектанова потомства, по описанію Моисея, находилось между Мешою, или Маси (горою Амонитской) и Сафиромъ, близъ рѣки Евфрата. Вотъ почему невѣроятно, чтобы Сармоѳъ основалъ какія-нибудь колоніи такъ далеко въ странахъ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ. Россія граничитъ къ сѣверу съ Лапоніею и Сѣвернымъ Океаномъ; къ югу—съ землею татаръ, называемыхъ крымскими; съ восточной стороны живутъ татары нагайскіе, владѣющіе всѣмъ краемъ на востокъ отъ Волги къ Каспійскому морю; на западной и юго-западной границѣ лежатъ Литва, Ливонія и Польша.

Вся страна, находясь теперь подъ правленіемъ одного Государя, заключаетъ въ себѣ слѣдующія главныя княжества, или области: Владимірскую, которая занимаетъ первое мѣсто въ титулѣ Царей, потому что Домъ ихъ происходитъ отъ князей этой области, Московскую, Нижегородскую, Псковскую, Смоленскую, Новагорода Великаго (или Новагорода низовскія земли), Ростовскую, Ярославскую, Бѣлозерскую, Рязанскую, Двинскую, Каргопольскую, Мещерскую, Важскую, Устюжскую, Галицкую. Это коренныя области, принадлежащія Россіи; но онѣ гораздо болѣе и обширнѣе англійскихъ шировъ, хотя менѣе населены. Прочія области и земли, завоеванныя Русскими Царями и присоединенныя ими недавно къ другимъ владѣніямъ, суть слѣдующія: Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская, Черниговская, Удорская, Обдорская, Кондійская, съ значительною частію Сибири, коихъ жители хотя и не коренные русскіе, однако повинуются Русскому Царю, управляются законами его земли и платятъ подати и налоги наравнѣ съ его собственнымъ народомъ. Сверхъ того ему подвластны царства Казанское и Астраханское, недавно завоеванныя. Что же касается до всѣхъ владѣній его въ Литвѣ, коихъ до 30-ти значительныхъ городовъ и болѣе, съ Нарвою и Дерптомъ въ Ливоніи, то они совсѣмъ утрачены, будучи отняты въ послѣдніе годы королями Польскимъ и Шведскимъ. Всѣ эти княжества или области подведены подъ четыре управленія, называемыми четвертями, то-есть тетрархіями или четвертными частями. О нихъ мы будемъ говорить въ главѣ о провинціяхъ и образѣ ихъ управленія.

Вся страна занимаетъ большое пространство въ длину и ширину. Отъ сѣвера къ югу, если мѣрить отъ Колы до Астрахани, что будетъ нѣсколько по направленію къ востоку, она простирается въ длину на 4.260 верстъ или миль. Кромѣ того, Русскій Царь имѣетъ много владѣній къ сѣверу, далеко за Колу, до рѣки „Tromschua", которая протекаетъ 1.000 верстъ, далеко за Пешенгу, къ Варгузу, но они не принадлежатъ ему исключительно, и границы ихъ не опредѣлены еще ясно, потому что короли Шведскій и Датскій имѣютъ тамъ, такъ точно, какъ и русскіе, нѣсколько городовъ, которые между собою перемѣшаны, почему каждый изъ нихъ объявляетъ свое притязаніе на всѣ эти сѣверныя области. Широта, если идти отъ той части, которая лежитъ далѣе на западъ со стороны Нарвы и до тѣхъ мѣстъ Сибири на востокѣ, гдѣ находится царская пограничная стража, простирается на 4.400 верстъ или около того. Верста, по ихъ счисленію, содержитъ въ себѣ 1.000 шаговъ, четвертью менѣе англійской мили. Если бы всѣ владѣнія Русскаго Царя были обитаемы и заселены такъ, какъ заселены нѣкоторыя мѣста, то едва ли бы могъ онъ удержать ихъ подъ своей властью или же переселилъ бы всѣхъ сосѣдственныхъ Государей.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О почвѣ и климатѣ.

Почва въ Россіи большею частью песчана, но весьма разнообразна для земныхъ произведеній. Въ сѣверной части, къ пристани св. Николая и Колѣ, и въ сѣверо-восточной, къ Сибири, вся земля, по самому климату и чрезвычайной стужѣ, зимою безплодна и покрыта непроходимыми лѣсами. Пространство вдоль рѣки Волги, между царствами Казанскимъ и Астраханскимъ, гдѣ, однако, почва весьма плодородна, также не заселено, за исключеніемъ той части на Волгѣ по западному берегу, гдѣ Царь имѣетъ нѣсколько крѣпостей съ пограничною стражею. Причиною тому крымскіе татары, которые сами не строятъ городовъ для житья (ибо ведутъ дикую и кочевую жизнь) и не позволяютъ русскимъ, коихъ военная сила весьма отдалена, населять эти страны. Отъ Вологды, лежащей почти въ 1.700 верстахъ отъ пристани св. Николая, до Москвы и далѣе, на югъ, къ границѣ Крыма (пространство одинаковое, вмѣщающее въ себѣ также 1.700 верстъ или около того), почва весьма плодородная и страна пріятная: въ ней много пастбищъ, хлѣбородныхъ полей, лѣса и воды въ большомъ изобиліи. То же должно сказать о пространствѣ между Рязанью, лежащей на юго-востокъ отъ Москвы, и Новгородомъ и самою отдаленною частью Пскова (Vobsko), на сѣверо-западъ. Между Москвою и Смоленскомъ (на юго-западъ къ Литвѣ) почва также весьма плодородна и мѣстоположеніе пріятное.

Различныя времена года здѣсь все измѣняютъ, и нельзя не

удивляться, смотря на Россію зимою и лѣтомъ. Зимою все бываетъ покрыто снѣгомъ, который идетъ безпрестанно и выпадаетъ иногда на одинъ или два ярда; такой снѣгъ больше бываетъ на сѣверѣ. Рѣки и другія воды замерзаютъ на одинъ ярдъ или болѣе въ толщину, какъ бы ни были быстры или широки. Зима продолжается обыкновенно пять мѣсяцевъ, именно, отъ начала ноября и до конца марта, когда снѣгъ начинаетъ уже таять. Отъ одного взгляда на зиму въ Россіи можно почувствовать холодъ. Въ это время морозы бываютъ такъ велики, что вода, выливаемая по каплямъ или вдругъ, превращается въ ледъ, не достигнувъ еще земли. Въ самый большой холодъ, если возьмете въ руки оловянное, или другое какое металлическое блюдо, или кувшинъ, разумѣется, не въ комнатѣ, гдѣ устроены печи, пальцы ваши тотчасъ примерзнутъ, и, отнимая ихъ, вы сдерете кожу. Когда вы выходите изъ теплой комнаты на морозъ, дыханіе ваше спирается, холодный воздухъ душитъ васъ. Не одни путешествующіе, но и люди на рынкахъ и на улицахъ, въ городахъ, испытываютъ надъ собою дѣйствіе мороза: одни совсѣмъ замерзаютъ, другіе падаютъ на улицахъ; многихъ привозятъ въ города сидящими въ саняхъ и замерзшими въ такомъ положеніи; иные отмораживаютъ себѣ носъ, уши, щеки, пальцы, ноги и прочее. Часто случается, что медвѣди и волки, когда зима очень сурова, побуждаемые голодомъ, стаями выходятъ изъ лѣсовъ, нападаютъ на селенія и опустошаютъ ихъ: тогда жители принуждены бываютъ спасаться бѣгствомъ. Напротивъ, лѣтомъ все принимаетъ совершенно другой видъ: лѣса, большею частью сосновые и березовые, такъ свѣжи, луга и нивы такъ зелены (и это выше юга), такое множество разнообразныхъ цвѣтовъ и птицъ (по большей части соловьевъ, которые здѣсь, кажется, голосистѣе и разнообразнѣе, нежели гдѣ-либо), что трудно отыскать другую страну, гдѣ бы можно было путешествовать съ большимъ удовольствіемъ.

Такой быстрый переходъ отъ зимы къ веснѣ происходитъ, кажется, отъ благодѣтельнаго вліянія снѣга: всю зиму лежитъ онъ на землѣ бѣлымъ покровомъ и защищаетъ ее отъ мороза, а весною, когда солнце начнетъ грѣть и превращаетъ его въ

воду, проникаетъ и увлажаетъ землю, отчасти песчаную, такъ глубоко, что травы и растенія, отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, показываются и всходятъ въ короткое время во множествѣ и въ большомъ разнообразіи. Какъ холодна зима, такъ лѣто чрезвычайно жарко, въ особенности въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ: здѣсь оно гораздо жарче, чѣмъ въ Англіи.

Вся страна повсюду обильно орошается ключами, рѣками и озерами. Въ изобиліи водъ виденъ промыслъ Божій, ибо, если нѣкоторыя внутреннія области и находятся на разстояніи 1.000 миль или болѣе отъ моря, то множество рѣкъ, которыя, впадая одна въ другую, всѣ текутъ въ море, замѣняютъ этотъ недостатокъ. Озеръ также много, и они весьма значительны; нѣкоторыя, при соразмѣрной ширинѣ, имѣютъ въ длину 60, 80, 100 и 200 миль.

Главныя рѣки: 1. Волга, которая беретъ начало у корня ольховаго дерева въ 200 верстахъ отъ Ярославля, гдѣ, отъ слиянія другихъ рѣкъ, такъ увеличивается, что имѣетъ въ ширину одну англійскую милю или болѣе, и изливается въ Каспійское море, протекая 2.800 верстъ или миль.

2. Борисѳенъ (теперь называется Днѣпромъ), которая, отдѣляя Россію отъ Литвы, впадаетъ въ Евксинское море.

3. Танаисъ или Донъ (древняя граница между Европою и Азіею) выходитъ изъ озера Рязанскаго и, протекая чрезъ землю крымскихъ татаръ, впадаетъ въ большое морское озеро или болото (называемое Меотійскимъ), близъ города Азова. По рѣкѣ Дону, какъ увѣряютъ русскіе, можно изъ города Москвы доѣхать водою до Константинополя и во всѣ части свѣта, перетаскивая только лодку, по обычаю ихъ, чрезъ небольшой перешеекъ или узкую полосу земли. Впрочемъ, это недавно было доказано однимъ посланникомъ, отправленнымъ въ Константинополь, который плылъ сперва Москвою-рѣкою, потомъ вошелъ въ другую, называемую Окою, тутъ перетащилъ лодку свою на Донъ, а отсюда уже всю дорогу плылъ водою.

4-я называется Двиною; она имѣетъ нѣсколько сотъ верстъ въ длину и на сѣверѣ впадаетъ въ заливъ св. Николая. У береговъ ея къ морю возвышаются большія алебастровыя скалы.

5-я. Двина, впадающая близъ города Риги, въ Балтійское море.

6-я. Онега, которая впадаетъ въ заливъ близъ Соловковъ, въ 90 верстахъ отъ пристани св. Николая. Подъ городомъ Каргополемъ эта рѣка встрѣчается съ рѣкою Волоксою (Volock), которая, близъ города Ями, изливается въ Финскій заливъ. Слѣдовательно, изъ пристани св. Николая до Финскаго залива и потомъ до Зунда можно плыть все водою, чему русскіе и дѣлали опытъ.

7-я. Сухона, впадающая въ Двину, которая идетъ въ Сѣверный океанъ.

8-я. Ока, которая беретъ начало на границѣ Крыма и изливается въ Волгу.

9-я. Москва, протекающая чрезъ городъ Москву, который получилъ отъ нея свое названіе.

Далѣе слѣдуетъ Вычегда, также весьма широкая и длинная рѣка: она беретъ начало въ Пермской области и впадаетъ въ Волгу. Всѣ эти рѣки протекаютъ весьма значительное пространство, и развѣ самую малую изъ нихъ по широтѣ можно сравнить съ Темзою, но длиною онѣ всѣ превосходятъ ее. Кромѣ этихъ рѣкъ, есть еще много другихъ. Москва находится подъ 55 градусами и 10 минутами, а пристань св. Николая къ сѣверу подъ 63 градусами и 50 минутами.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Естественныя произведенія Россіи.

Изъ плодовъ здѣсь родятся яблоки, груши, сливы, вишни, красныя и черныя (впрочемъ, послѣднія растутъ безъ прививки), дыня, похожая на тыкву, но слаще и пріятнѣе вкусомъ, огурцы, арбузы, малина, земляника, брусника и много другихъ ягодъ въ каждомъ лѣсу и огородѣ. Хлѣбныя же растенія суть: пшеница, рожь, ячмень, овесъ, горохъ, греча, просо, которое почти одинаковаго вкуса съ рисомъ. Всѣ эти роды хлѣба произрастаютъ въ весьма достаточномъ количествѣ, даже въ избыткѣ, такъ что пшеница продается иногда по два алтына или по десяти пенсовъ стерлингъ четверть, которая равняется почти тремъ англійскимъ бушелямъ.

Рожь сѣется осенью, а весь прочій зерновой хлѣбъ весною, и большею частью въ маѣ. Пермяки и другіе народы, живущіе на сѣверѣ и въ странахъ пустынныхъ, получаютъ хлѣбъ изъ странъ, лежащихъ къ югу. Иногда они принуждены бываютъ печь себѣ хлѣбъ изъ корня (называемаго „Vaghnoy") и изъ средней коры сосноваго дерева. Если бываетъ дороговизна (какъ въ прошедшемъ 1588 году, когда пшеница и рожь продавались по 13 алтынъ или 5 шиллинговъ и 5 пенсовъ стерлингъ четверть), то это меньше зависитъ отъ неурожаевъ, нежели отъ дворянства, которое, по временамъ, слишкомъ возвышаетъ цѣны на хлѣбъ.

Естественныхъ произведеній, употребляемыхъ самими жителями и отправляемыхъ въ большомъ количествѣ за границу

для обогащенія казны царской и народа, очень много, и они весьма важны: во-первыхъ, мѣха всякаго рода. Здѣсь виденъ также Божій промыслъ, даровавшій жителямъ средства къ защитѣ отъ холоднаго климата. Главные мѣха суть: чернобурые лисьи, собольи, рысьи, бурой лисицы, куньи, горностаевые, сѣрые бѣличьи, бобровые, мѣха россомахи, шкуры большой морской крысы, имѣющей запахъ выхухоли, бѣличьи, сѣрые и красные, и лисьи, красные и бѣлые. Кромѣ внутренняго употребленія въ государствѣ въ большомъ количествѣ, ибо въ продолженіе всей зимы всѣ носятъ мѣховую одежду, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какъ слышалъ я отъ торговцевъ, купцы турецкіе, персидскіе, бухарскіе, грузинскіе, армянскіе и разные промышленники христіанскаго міра вывезли мѣховъ на четыреста или на пятьсотъ тысячъ рублей. Лучшіе собольи мѣха добываются въ областяхъ Печорской, Югорской (Momgosorckoy) и Обдорской, а низшихъ сортовъ въ Сибири, Перми и другихъ мѣстахъ. Черныя и красныя лисицы идутъ изъ Сибири, а бѣлыя и бурыя изъ Печоры, откуда получаютъ также бѣлые волчьи и бѣлые медвѣжьи мѣха; лучшіе мѣха россомахи вывозятъ оттуда и изъ Перми, а лучшіе куньи изъ Сибири, Кадома, Мурома, Перми и Казани. Лучшіе рысьи, бѣличьи и горностаевые мѣха идутъ изъ Галича и Углича, много также изъ Новгорода и Перми. Лучшаго сорта бобры водятся въ Мурманскѣ, близъ Колы. Другіе пушные звѣри родятся во многихъ мѣстахъ, а нѣкоторые изъ нихъ даже вездѣ.

Второе произведеніе воскъ, котораго ежегодно отправляли въ чужіе края, какъ слышалъ я отъ людей знающихъ, до 50,000 пудовъ, считая каждый пудъ въ 40 фунтовъ, а теперь вывозятъ ежегодно только до 10,000 пудовъ.

Третье произведеніе медъ, который, кромѣ того, что въ значительномъ количествѣ употребляется самими жителями для напитковъ, заключающихся въ медахъ разнаго рода, и для прочаго, вывозится въ довольно большомъ количествѣ за границу. Медъ преимущественно получается изъ Мордвы и Кадома, близъ земли черемисскихъ татаръ, также въ большомъ коли-

чествѣ изъ областей: Сѣверской, Рязанской, Муромской, Казанской, Дорогобужской и Вяземской.

Четвертое—сало. Его приготовляютъ весьма много для вывоза за границу, не только по значительному количеству земли, удобной для пастбищъ и скотоводства, но и по причинѣ многихъ постовъ и другихъ постныхъ дней; частью же и потому, что люди зажиточные употребляютъ на свѣчи воскъ, а тѣ, которые бѣднѣе и изъ низшаго класса, жгутъ березу, высушенную въ печахъ и расщепанную вдоль на мелкія части, которыя называютъ лучиною. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ сала вывозилось ежегодно до 100,000 пудовъ, теперь не болѣе 30,000 или около того. Лучшее сало добывается въ областяхъ: Смоленской, Ярославской, Углицкой, Новгородской, Вологодской, Тверской и Городецкой.

Не менѣе важную отрасль промышленности составляетъ выдѣлка лосиныхъ и коровьихъ кожъ. Первыя очень хороши и велики, а воловьи и коровьи меньше, ибо кожи бычачьи у нихъ не выдѣлываются. Прежде иностранные купцы вывозили за границу до 100,000 кожъ, теперь количество это уменьшилось до 30,000 или около того. Притомъ моремъ отправляютъ за границу значительное количество козьихъ кожъ. Лоси самой крупной породы водятся около Ростова, Вычегды, Новгорода, Мурома и Перми, а мелкой въ царствѣ Казанскомъ.

Важную отрасль промышленности составляетъ также ворвань, или рыбій жиръ. Я считаю не излишнимъ сказать здѣсь о способѣ ловить тюленей, изъ которыхъ добывается ворвань. Это дѣлается такъ. Къ концу лѣта (передъ наступленіемъ холодовъ) рыбаки отправляются на судахъ въ пристань св. Николая, къ мысу, называемому Куконосомъ (Cusconesse или Foxnose), гдѣ они оставляютъ эти суда до весны. Когда солнце начнетъ грѣть, а ледъ еще не совсѣмъ растаялъ въ заливѣ, они опять возвращаются, переносятъ суда по морскому льду и употребляютъ ихъ вмѣсто домовъ для отдыха и жительства. Обыкновенно отправляются на 17-ти или 18-ти широкихъ судахъ и раздѣляются на нѣсколько артелей, отъ 5-ти и до 6-ти лодокъ въ каждой. Первые, которые найдутъ притонъ звѣря, зажигаютъ свѣточъ, нарочно для того взятый; когда сторожевые въ прочихъ артеляхъ замѣтятъ это, то всѣ собираются, окружаютъ тюленей, грѣющихся на солнцѣ, лежа на льду, обыкновенно въ числѣ 4-хъ или 5,000, и нападаютъ на нихъ, каждый съ дубиною въ рукахъ. Если удается ударить животное по носу, то оно скоро издыхаетъ; если же по боку или по спинѣ, то переноситъ ударъ и нерѣдко, схвативъ дубину зубами, преклоняетъ ее къ землѣ; тогда попавшійся принужденъ кричать товарищамъ и просить о помощи. Когда тюлени увидятъ себя окруженными, то собираются всѣ въ кучу, надавливаютъ ледъ и стараются проломить его; отъ такого напора вода нерѣдко выступаетъ, и рыбаки погружаются въ воду на одинъ футъ и болѣе. Убивши тѣхъ тюленей, которыхъ можно было перебить, рыбаки приступаютъ къ дѣлежу, такъ что каждая лодка дѣлитъ свою часть на равныя доли. Съ собой они берутъ только содранную кожу съ приставшимъ къ ней жиромъ, а прочее оставляютъ на мѣстѣ; потомъ идутъ на берегъ и, вырывъ здѣсь ямы, глубиною сажени въ полторы или около того, бросаютъ туда отдѣляемое отъ кожи сало или жиръ и кладутъ раскаленные камни для растопки сала. Лучшая и очищенная ворвань продается и употребляется на смазываніе шерсти для суконъ, а изъ худшаго сорта, который бываетъ краснаго цвѣта, дѣлается мыло.

Икру добываютъ въ большомъ количествѣ на рѣкѣ Волгѣ изъ рыбъ: бѣлуги, осетра, севрюги и стерляди. Купцы французскіе и нидерландскіе, отчасти и англійскіе, отправляютъ много икры въ Италію и Испанію.

Льномъ и пенькой, по увѣренію купцовъ, ежегодно нагружалось въ Нарвской пристани до 100 большихъ и малыхъ судовъ, теперь не болѣе 5. Причиною упадка и уменьшенія требованій на это и на другія произведенія, которыя прежде отправляемы были за границу гораздо въ большемъ количествѣ, полагаютъ закрытіе Нарвской пристани со стороны Финскаго залива, который находится теперь въ рукахъ и во владѣніи шведовъ; другая причина заключается въ пресѣченіи сухопут-

наго сообщенія чрезъ Смоленскъ и Полоцкъ, по случаю войнъ съ Польшею, отчего промышленники запасаютъ и приготовляютъ всѣхъ товаровъ менѣе и не могутъ продавать ихъ столько, сколько продавали прежде. Такой упадокъ въ торговлѣ отчасти зависитъ и отъ того, что купцы и мужики (такъ называется простой народъ) съ недавняго времени обременены большими и невыносимыми налогами. Не будучи обезпечены въ собственности, они поэтому мало заботятся о бережливости и ничѣмъ не запасаются, зная, что нерѣдко подвержены опасности лишиться не только имущества, но и жизни. Ленъ растетъ почти въ одной только Псковской области и ея окрестностяхъ; пеньку доставляютъ Смоленскъ, Дорогобужъ и Вязьма.

Соли въ этой странѣ весьма много. Лучшая соль и въ большомъ количествѣ добывается въ Старой Русѣ, гдѣ устроено много солеваренъ въ 250 верстахъ отъ моря. Въ Астрахани соль осаждается сама собою изъ морской воды; она скопляется большими пластами, которые срываются и развозятся купцами и другими промышленниками. Пошлинъ они платятъ по три русскихъ деньги со ста фунтовъ вѣсу. Соль добывается и во многихъ другихъ мѣстахъ, а именно: въ Перми, Вычегдѣ, Тотьмѣ, Кинешмѣ, Соловкахъ, Оконѣ (Осопа), „Bobasey“ и Ненoксѣ, притомъ все изъ соляныхъ копей, за исключеніемъ Соловковъ, лежащихъ близъ моря.

Деготь гонится въ большомъ количествѣ изъ сосновыхъ деревьевъ въ областяхъ Двинской и Смоленской; его много отправляютъ за границу. Кромѣ этихъ произведеній, весьма важныхъ и выгодныхъ въ торговлѣ, есть различныя другія, свойственныя этой странѣ, хотя менѣе значительныя, а именно: рыбьи зубы, употребляемые самими жителями и вывозимые персіянами и бухарцами за границу для дѣланія четокъ, ножей, сабельныхъ рукоятокъ, назначаемыхъ для лицъ высшаго сословія, и другихъ вещей. Нѣкоторые употребляютъ тертый изъ нихъ порошокъ (подобно роговому порошку единорога), какъ противоядіе. Рыбы, снабженныя этими зубами, называются моржами и ловятся близъ Печоры. Есть зубы длиною почти въ 2 фута, а вѣсомъ въ одиннадцать и двѣнадцать фунтовъ.

Въ области Корельской и на рѣкѣ Двинѣ къ Сѣверному морю есть мягкая скала, называемая слюдой. Ее разрубаютъ и потомъ раздѣляютъ на тонкіе слои, годные сами по себѣ и употребляемые вмѣсто стекла, рога и т. п. Слюда пропускаетъ свѣтъ изнутри и снаружи прозрачнѣе и чище, нежели стекло, и потому еще заслуживаетъ преимущество передъ стекломъ и рогомъ, что не трескается, какъ первое, и не горитъ, какъ послѣдній.

Селитру изготовляютъ во многихъ мѣстахъ, какъ-то: въ Угличѣ, Ярославлѣ, Устюгѣ; а сѣру добываютъ въ небольшомъ количествѣ на рѣкѣ Волгѣ, но не умѣютъ очищать ее.

Здѣшнее желѣзо нѣсколько ломко, но его весьма много добывается въ Кореліи, Каргополѣ и Устюгѣ Желѣзномъ. Другихъ рудъ нѣтъ въ Россіи.

Особаго рода животныя суть: лось, олень, дикая лошадь, медвѣдь, россомаха, или лѣсная собака, рысь, боберъ, соболь, куница, черная и темная лисица, бѣлый медвѣдь, водящійся у морскихъ береговъ близъ Печоры, горностай, сѣрая бѣлка. Есть также родъ бѣлки, у которой на спинѣ клокъ волосъ, очень похожій на перья, а хвость шире, нежели у другихъ бѣлокъ; перескакивая съ одного дерева на другое, она расправляетъ его и дѣйствуетъ имъ какъ будто крыломъ, прыгаетъ на большое пространство и, повидимому, летаетъ, почему и называютъ ее летучею векшею. Зайцы и бѣлки лѣтомъ одного цвѣта съ нашими; зимою шкура зайца становится бѣлою, молочнаго цвѣта, а бѣлки дѣлаются сѣрыми.

Дикихъ оленей и козъ весьма много. Лошади малорослы, но очень быстры на бѣгу и выносливы; на нихъ ѣздятъ безъ подковъ зимою и лѣтомъ по всякой дорогѣ. Овцы малы, шерсть ихъ груба и жестка. Птицы очень разнородны; много ястребовъ, есть орлы, кречеты, соколы, коршуны и проч., но ястребовъ всего болѣе.

Изъ другихъ птицъ главныя: лебедь, ручной и дикій (ихъ весьма много), цапля, журавль, тетеревъ, одного цвѣта съ фазаномъ, но болѣе его и живетъ въ сосновыхъ лѣсахъ; фазановъ и куропатокъ также много; совы весьма велики, на

взглядъ хуже нашихъ совъ, съ широкимъ рыломъ и ушами, похожими на человѣческiя.

Изъ рыбъ, живущихъ въ прѣсныхъ водахъ, кромѣ рыбы обыкновенной, какъ-то: карпа, щуки, окуня, линя, плотвы и проч., есть много другихъ породъ рыбы, весьма хорошей и очень вкусной, какъ-то: бѣлуга или бѣлужина, въ четыре или пять аршинъ длиною, осетрина, севрюга и стерлядь, видомъ и вкусомъ нѣсколько похожая на осетрину, но не такъ толста и велика. Эти четыре рыбы водятся въ Волгѣ; ихъ ловятъ во множествѣ и разсылаютъ отсюда на продовольствiе всего государства. Изъ яицъ ихъ заготовляютъ большiе запасы икры, какъ сказано было выше.

Въ рѣкѣ Волгѣ водится еще рыба, называемая бѣлорыбицею, что есть бѣлая семга, которая, по мнѣнiю русскихъ, вкуснѣе красной семги; послѣдняя также во множествѣ водится въ сѣверныхъ рѣкахъ: Двинѣ, Колѣ и проч. Въ озерѣ, находящемся близъ города, называемаго Переяславлемъ, недалеко отъ Москвы, ловится небольшая рыба, извѣстная подъ именемъ свѣжей сельди, видомъ и отчасти вкусомъ похожая на морскую сельдь.

Города, замѣчательные по рыбной ловлѣ, суть: Ярославль, Бѣлоозеро, Новгородъ, Астрахань и Казань. Всѣ они, за право производить рыбный промыселъ, ежегодно платятъ значительную пошлину въ царскую казну. Рыбною ловлею занимаются лѣтомъ, а зимою уже разсылаютъ во всѣ концы государства наловленную и замороженную рыбу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Главные города въ Россiи.

Главные города въ Россiи суть: Москва, Новгородъ, Ростовъ, Владимiръ, Псковъ, Смоленскъ, Ярославль, Переяславль, Нижнiй Новгородъ, Вологда, Устюгъ, Холмогоры, Казань, Астрахань, Каргополь, Коломна.

Москва считается городомъ весьма древнимъ, хотя основатель ея не извѣстенъ русскимъ. Она, кажется, получила свое названiе отъ рѣки, протекающей черезъ городъ по одной сторонѣ. Халдеецъ Бероза, въ своей пятой книгѣ, разсказываетъ, что Немвродъ, который въ другихъ свѣтскихъ сочиненiяхъ именуется Сатурномъ, послалъ Ассура Мадая, Мосоха и Магога въ Азiю, чтобъ они основали тамъ поселенiя, и что Мосохъ основалъ ихъ и въ Азiи и въ Европѣ. Отъ него, вѣроятно, и городъ, или скорѣе рѣка, на коей онъ построенъ, получили названiе Москвы. Эта догадка объясняется климатомъ и положенiемъ Москвы, находящейся въ самой отдаленной странѣ Европы, на границѣ Азiи. Городъ значительно распространенъ Иваномъ или Iоанномъ, сыномъ Данiила, который первый присвоилъ себѣ, вмѣсто княжескаго титула, титулъ короля; преемники его, однакожъ, не именовались такъ оттого, что титулъ короля онъ получилъ въ 1246 году отъ папскаго легата (папою въ то время былъ Иннокентiй IV), что весьма не понравилось русскимъ, которые принадлежатъ къ церкви восточной или греческой. Съ того времени названiе Москвы сдѣлалось славнымъ и болѣе извѣстнымъ свѣту, такъ что Московiею нѣ-

которые стали называть не одно княжество, но всю Россію, по имени ея столицы. Видъ этого города имѣетъ очертаніе кругловатое съ тремя большими стѣнами, окружающими одна другую, между коими проведены улицы. Самая внутренняя стѣна и заключающіяся въ ней строенія, лежащія здѣсь столь же безопасно, какъ сердце въ тѣлѣ, будучи омываемы Москвой-рѣкой, которая протекаетъ близъ самой стѣны, называются въ своей цѣлости царскимъ замкомъ. Число домовъ, какъ сказывали мнѣ, во всемъ городѣ по исчисленію, сдѣланному по царскому повелѣнію (незадолго до сожженія его крымцами), простиралось до 41.500. Со времени осады города татарами и произведеннаго ими пожара, что случилось въ 1571 году, земля во многихъ мѣстахъ остается пустою, тогда какъ прежде она была заселена и застроена, въ особенности же на южной сторонѣ города, гдѣ незадолго до того Царь Василій построилъ дома для солдатъ своихъ, позволивъ имъ пить медъ и пиво въ постные и завѣтные дни, когда другіе русскіе должны пить одну воду, и по этой причинѣ назвалъ новый городъ Налейка, т.-е. наливайка. Такимъ образомъ, теперь Москва не много болѣе Лондона. Ближайшій къ ней городъ по величинѣ и почти столько же обширный есть Новгородъ, гдѣ, по сказанію русскихъ, происходила достопамятная война, о которой такъ много повѣствуютъ въ исторіяхъ, именно, война Скифскихъ рабовъ, поднявшихъ оружіе на господъ своихъ, которую разсказываютъ слѣдующимъ образомъ. Бояре новгородскіе и окрестныхъ странъ (по туземному обычаю, они одни только отправляютъ военную службу) были заняты войною съ татарами. Кончивъ ее со славою, они возвращались домой, но на пути узнаютъ, что оставленные ими дома холопи ихъ, или рабы, въ отсутствіе ихъ, овладѣли ихъ городами, помѣстьями, домами, женами и всѣмъ прочимъ. Такая новость нѣсколько удивила ихъ, и, презирая гнусный поступокъ своихъ рабовъ, они поспѣшили возвратиться домой; но недалеко отъ Новгорода встрѣтились съ рабами, выступившими противъ нихъ въ боевомъ порядкѣ. Собрали совѣтъ и положили идти на холопей не съ оружіемъ, а съ кнутьями (по тамошнему обычаю, всякій, кто ѣдетъ верхомъ, беретъ кнутъ съ собою), чтобъ напомнить имъ объ ихъ рабскомъ состояніи, устрашить ихъ и отнять у нихъ смѣлость. Идя такимъ образомъ впередъ и размахивая кнутьями, они на нихъ устремились. Это показалось рабамъ столь страшнымъ и дало имъ такое понятіе о значеніи кнута, дѣйствіе котораго они и прежде испытывали на себѣ, что всѣ бросились бѣжать, какъ овцы, гонимыя пастухомъ. Съ тѣхъ поръ, въ память этой побѣды, новгородцы выбили монету, которая называется новгородскою деньгою и ходитъ по всей Россіи, съ изображеніемъ всадника съ поднятымъ и размахнутымъ кнутомъ. Эти оба города отличаются своимъ пространствомъ передъ другими. По укрѣпленіямъ же въ особенности замѣчательны города: Псковъ, Смоленскъ, Казань и Астрахань, какъ города пограничные. Но по мѣстоположенію Ярославль далеко превосходитъ прочіе: кромѣ получаемыхъ имъ произведеній отъ богатыхъ пажитей и плодоносныхъ полей, онъ лежитъ на славной рѣкѣ, Волгѣ, и расположенъ на высокомъ и весьма красивомъ берегу, отчего и получилъ свое названіе Ярославль, что на русскомъ языкѣ значитъ красивый или славный берегъ. Здѣсь, какъ можно судить по имени, жилъ русскій князь Владиміръ, по прозванію Ярославъ, который женился на дочери Гаральда, короля Англійскаго, чрезъ посредство датчанина Свена, какъ видно изъ датской исторіи, около 1067 года.

Другіе города не имѣютъ ничего замѣчательнаго, кромѣ нѣкоторыхъ развалинъ въ ихъ стѣнахъ, доказывающихъ упадокъ русскаго народа при теперешнемъ правленіи. На улицахъ, вмѣсто мостовыхъ, лежатъ обтесанныя сосновыя деревья, одно подлѣ другого. Дома ихъ деревянные, безъ извести и камня, построены весьма плотно и тепло изъ сосновыхъ бревенъ, которыя кладутся одно на другое и скрѣпляются по угламъ связями. Между бревнами кладутъ мохъ (его собираютъ въ большомъ изобиліи въ лѣсахъ) для предохраненія отъ дѣйствія наружнаго воздуха. Каждый домъ имѣетъ лѣстницу, ведущую въ комнаты со двора или съ улицы, какъ въ Шотландіи. Деревянная постройка для русскихъ, повидимому, гораздо удобнѣе,

нежели каменная или кирпичная, потому что въ послѣднихъ больше сырости и они холоднѣе, чѣмъ деревянные дома, особенно изъ сухого сосноваго лѣсу, который больше даетъ тепла. Провидѣніе наградило ихъ лѣсами въ такомъ изобиліи, что можно выстроить порядочный домъ рублей за двадцать, или за тридцать, или немного болѣе, даже тамъ, гдѣ мало лѣсу. Неудобны же деревянныя строенія особенно тѣмъ, что подвергаются опасности сгорѣть; пожары тамъ случаются очень часто и бываютъ очень страшны по причинѣ сухости и смолы, заключающейся въ деревѣ, которое, разъ загорѣвшись, пылаетъ подобно факелу, такъ что трудно бываетъ потушить огонь, пока все не сгоритъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О домѣ или родѣ русскихъ царей.

Царскій домъ въ Россіи имѣетъ прозваніе Бѣлаго. Названіе его, какъ предполагаютъ, происходитъ отъ королей Венгерскихъ, и это кажется тѣмъ вѣроятнѣе, что короли Венгерскіе нѣкогда дѣйствительно такъ назывались, какъ пишутъ Бонфиній и другіе историки этой страны. Именно въ 1059 году упоминается объ одномъ Бѣлѣ, который наслѣдовалъ брату своему Андрею, обратившему венгровъ въ христіанскую вѣру, отъ коей онъ отступили, по безбожію и внушенію турковъ. Второй того же имени прозывался Бѣлою слѣпымъ, и нѣкоторые изъ его преемниковъ носили то же названіе.

Иванъ Васильевичъ, отецъ теперешняго Царя, часто гордился, что предки его не русскіе, какъ бы гнушаясь своимъ происхожденіемъ отъ русской крови. Это видно изъ словъ его, сказанныхъ одному англичанину, именно, его золотыхъ дѣлъ мастеру. Отдавая слитки, для приготовленія посуды, Царь велѣлъ ему хорошенько смотрѣть за вѣсомъ. „Русскіе мои всѣ воры“, сказалъ онъ. Мастеръ, слыша это, взглянулъ на Царя и улыбнулся. Тогда Царь, человѣкъ весьма проницательнаго ума, приказалъ объявить ему, чему онъ смѣется. „Если Ваше Величество простите меня,—отвѣчалъ золотыхъ дѣлъ мастеръ,—то я вамъ объясню. Ваше Величество изволили сказать, что русскіе всѣ воры, а между тѣмъ забыли, что вы сами русскій“. „Я такъ и думалъ,—отвѣчалъ Царь,—но ты ошибся: я не русскій, предки мои германцы“ (русскіе полагаютъ, что вен-

герцы составляютъ часть германскаго народа, тогда какъ они происходятъ отъ гунновъ, занявшихъ насильно ту часть Панноніи, которая теперь называется Венгріею).

Какимъ образомъ Цари присвоили себѣ княжество Владимірское (первый шагъ къ распространенію Россіи), посредствомъ ли завоеванія, чрезъ бракъ, или другими какими способами, я не могъ узнать съ достовѣрностью. Но всѣмъ извѣстно и всѣ помнятъ, что съ пріобрѣтеніемъ этого небольшого княжества, которое, несмотря на то, имѣло у себя независимое управленіе, подобно другимъ княжествамъ или областямъ въ Россіи, домъ Бѣлы распространился и сдѣлался властителемъ всей страны. Главные Государи этого дома, увеличившіе силу его и распространившіе владѣнія, были три послѣдніе, занимавшіе престолъ до вступленія на него нынѣшняго Государя, именно: Иванъ, Василій и Иванъ, отецъ теперешняго Царя. Изъ нихъ Василій, отецъ Ивана и дѣдъ нынѣшняго Государя, первый принялъ титулъ и названіе Царя, тогда какъ прежде они довольствовались титуломъ Великихъ Князей Московскихъ. Что сдѣлалъ каждый изъ нихъ и насколько каждый увеличилъ свои первоначальныя владѣнія завоеваніями или иначе, можно видѣть въ главѣ о распространеніяхъ или завоеваніяхъ. Что касается до продолженія царскаго рода, то домъ Бѣлы теперь точно въ такомъ положеніи, въ какомъ находятся многіе изъ самыхъ знаменитѣйшихъ домовъ христіанскаго міра, имѣя представителями цѣлаго рода одно, два или весьма немногихъ лицъ той же крови. Кромѣ нынѣшняго Государя, у котораго нѣтъ дѣтей (и едва ли будетъ, сколько можно судить по его тѣлосложенію и неплодію жены послѣ нѣсколькихъ лѣтъ брака), есть еще одинъ только членъ этого дома, именно: дитя шести или семи лѣтъ, въ которомъ заключается вся надежда и все будущее поколѣніе царскаго рода. Другой старшій братъ изъ трехъ, и лучшій изъ нихъ, умеръ отъ головного ушиба, нанесеннаго ему отцомъ его въ припадкѣ бѣшенства палкою, или, какъ нѣкоторые говорятъ, отъ удара острымъ концомъ ея, глубоко вонзившимся въ голову. Неумышленность его убійства доказывается скорбью и мученіями по смерти сына,

которыя никогда не покидали его до самой могилы. Здѣсь видно правосудіе Божіе, наказавшее его жажду къ пролитію крови убійствомъ сына собственною его рукою и прекратившее въ одно время и жизнь его и тиранство тою ужасною скорбью, которая свела его въ могилу послѣ такого несчастнаго и противоестественнаго поступка.

Младшій братъ Царя, дитя лѣтъ шести или семи, какъ сказано было прежде, содержится въ отдаленномъ мѣстѣ отъ Москвы, подъ надзоромъ матери и родственниковъ изъ дома Нагихъ, но, какъ слышно, жизнь его находится въ опасности отъ покушеній тѣхъ, которые простираютъ свои виды на обладаніе престоломъ въ случаѣ бездѣтной смерти Царя. Кормилица, отвѣдавшая прежде него какого-то кушанья, какъ я слышалъ, умерла скоропостижно. Русскіе подтверждаютъ, что онъ точно сынъ Царя Ивана Васильевича, тѣмъ, что въ молодыхъ лѣтахъ въ немъ начинаютъ обнаруживаться всѣ качества отца. Онъ, говорятъ, находитъ удовольствіе въ томъ, чтобы смотрѣть, какъ убиваютъ овецъ и вообще домашній скотъ, видѣть перерѣзанное горло, когда течетъ изъ него кровь, тогда какъ дѣти обыкновенно боятся этого, и бить палкою гусей и куръ до тѣхъ поръ, пока они не издохнутъ. Кромѣ лицъ мужского пола, есть еще вдова, имѣющая право на престолъ, сестра покойнаго и тетка теперешняго Царя, бывшая замужемъ за Магнусомъ, герцогомъ Голштинскимъ, братомъ короля Датскаго, отъ котораго была у нея дочь. Эта женщина, по смерти мужа, вызвана въ Россію людьми, жаждущими престола болѣе, нежели любящими ее, какъ оказалось впослѣдствіи, потому что сама она съ дочерью, тотчасъ же по возвращеніи въ Россію, была заключена въ монастырь, гдѣ дочь въ прошедшемъ году умерла (во время моего пребыванія тамъ), и, какъ предполагали, насильственною смертью. Мать пока все еще находится въ монастырѣ, гдѣ, какъ слышно, она оплакиваетъ свою участь и проклинаетъ день своего возвращенія въ Россію, куда была привлечена надеждою на новый бракъ и другими лестными обѣщаніями отъ имени Царя. Вотъ въ какомъ положеніи находится царскій родъ въ Россіи изъ дома

Бѣлы, который, повидимому, скоро пресѣчется со смертью особъ, нынѣ живущихъ, и произведетъ переворотъ въ Русскомъ Царствѣ. Если правленіе вслѣдствіе такого переворота сдѣлается хотя нѣсколько умѣреннѣе и благодушнѣе, то это послужитъ къ благоденствію несчастнаго народа, удрученнаго теперь невыносимымъ рабствомъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О короновaніи и мvропомазаніи русскихъ царей.

Торжественные обряды, совершаемые при короновaніи Русскихъ Царей, суть слѣдующіе. Въ большой церкви (Успенія) Пречистыя Богоматери, находящейся въ оградѣ царскаго зȧмка, устроено возвышенное мѣсто, на которомъ стоитъ аналой съ царскимъ вѣнцомъ и одѣяніемъ изъ дорогой матеріи. Въ день мvропомазанія собираются туда: патріархъ съ митрополитами, архіепископами, епископами, архимандритами и игумнами, всѣ богато одѣтые въ своихъ облаченіяхъ. Потомъ входятъ діаконы съ хоромъ пѣвчихъ, которые, при входѣ Царя въ церковь, начинаютъ пѣть многолѣтіе Царю Ѳеодору Ивановичу и проч., на что патріархъ и митрополитъ, съ прочимъ духовенствомъ, отвѣчаютъ гимномъ вродѣ молитвы, который поютъ всѣ вмѣстѣ и чрезвычайно громко. По окончаніи гимна, патріархъ съ Царемъ всходятъ на возвышеніе, гдѣ для Государя приготовленъ особый стулъ. Вслѣдъ за тѣмъ патріархъ приглашаетъ Царя сѣсть и самъ садится подлѣ него на другомъ стулѣ, нарочно для того поставленномъ, кланяется въ землю и читаетъ слѣдующую молитву: „Господи Боже нашъ, Царь царствующимъ и Господь господствующимъ, иже Самоиломъ пророкомъ избравъ раба своего Давида и помазавъ того во Цари надъ людми своими Израиля! Ты и нынѣ услыши молитву нашу недостойныхъ и виждь отъ святаго жилища Твоего благовѣрнаго раба своего, Царя и Великаго Князя, Ѳеодора, еже благоволилъ еси воздвигнути Царя въ языцѣ Твоемъ свя-

темъ, его же стяжалъ еси честною кровію единороднаго Ти Сына, помазати сподоби елеомъ возрадованія, одѣй того свыше силою, положи на главѣ его вѣнецъ отъ камене честна, даруй тому долготу дній, дай же въ десницы его скифетро Царствія, посади того на престолѣ правды, огради того всеоружествомъ Святаго Ти Духа, утверди того мышцу, покори ему вся языки варварскія, всѣй въ сердцы его страхъ Твой, и еже къ послушнымъ милостивное, соблюди того въ непорочней вѣрѣ, покажи того опасна хранителя Святыя Твоея соборныя церкве велѣніяхъ, да судитъ люди Твоя правдою и нищихъ Твоихъ, судомъ спасетъ сыны убогихъ и наслѣдникъ будетъ Ти небеснаго царствія". Эту молитву говоритъ онъ тихимъ голосомъ, а потомъ произноситъ громко: „яко Твоя держава и Твое есть царство, и сила, и слава, Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь". По окончаніи молитвы, патріархъ приказываетъ нѣкоторымъ архимандритамъ принести царское одѣяніе и вѣнецъ, что дѣлается весьма чинно и торжественно, а между тѣмъ произноситъ громко: „миръ всѣмъ". Потомъ начинаетъ онъ читать другую, относящуюся къ тому молитву: „Тебѣ единому Царю вѣкомъ, иже земное Царство Тобою ввѣренный, поклони выю съ нами, и молимъ Ти ся, Владыко всѣхъ, сохрани того подъ кровомъ Твоимъ, удержави того Царство, благоугодная Ти творити всегда того сподоби, возсіяй во днехъ его правду и множество мира, да въ тихости его тихо и безмолвно житіе поживемъ, во всякомъ благочестіи и чистотѣ". Эту молитву патріархъ произноситъ нѣсколько тихимъ голосомъ, а потомъ договариваетъ опять громко: „Ты бо еси Царь мірови и Спасъ душамъ нашимъ, и Тебѣ славу возсылаемъ, Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь". Потомъ, возлагая на Царя одѣяніе и вѣнецъ, благословляетъ его крестнымъ знаменіемъ и говоритъ: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа". То же самое дѣлаютъ и митрополиты, архіепископы и епископы, которые всѣ по порядку подходятъ къ царскому мѣсту и одинъ за другимъ благословляютъ Царя двумя первыми пальцами. Затѣмъ патріархъ читаетъ еще молитву, которая начинается такъ: „О пресвятая Госпоже Дѣво, Богородице", и проч. Послѣ этой молитвы одинъ изъ діаконовъ произноситъ сильнымъ, громкимъ голосомъ: „Благовѣрному и благородному и христолюбивому, Богомъ избранному и и Богомъ почтенному, и Богомъ возлюбленному и поставленному, и Богомъ вѣнчанному Царю и Великому Князю, Θеодору Ивановичу, Владимерьскому и Московскому... и всея Русіи Самодержьцу, многая лѣта!" на что прочіе священники и діаконы, стоящіе въ нѣкоторомъ отдаленіи, близъ алтаря или стола, поютъ въ отвѣтъ: „Многая лѣта, многая лѣта Царю Θеодору". То же самое повторяютъ священники и діаконы, стоящіе по правой и лѣвой сторонамъ церкви, послѣ чего всѣ вмѣстѣ поютъ громогласно: „Благовѣрному и благородному и христолюбивому, Богомъ избранному и Богомъ почтенному, и Богомъ возлюбленному и поставленному, и Богомъ вѣнчанному Царю и Великому Князю, Θеодору Ивановичу, Владимерьскому и Московскому... и всея Русіи Самодержьцу, многая лѣта!" По окончаніи торжества подходятъ къ Царю сперва патріархъ съ митрополитами, архіепископами и епископами, потомъ дворянство и всѣ присутствующіе по порядку и приносятъ ему поздравленія, преклоняя передъ нимъ голову и у ногъ его падая въ землю.

Титулъ, который получаетъ Царь при коронованіи, слѣдующій:

„Божіею милостью Царь и Великій Князь, Θеодоръ Ивановичъ, всея Русіи Самодержецъ, Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новгорода Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полоцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Лифляндскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій и всея Сибирскія земли и сѣверныя страны повелитель и... иныхъ многихъ Государствъ Государь и Обладатель".

Этотъ титулъ заключаетъ въ себѣ всѣ владѣнія Царя и являетъ все его величіе, по чему самому имъ весьма тщесла-

вятся и гордятся, заставляя не только туземцевъ, но и иностранцевъ, которые съ чѣмъ-либо обращаются къ Царю словесно или письменно, повторять его вполнѣ отъ начала до конца. Такое требованіе производитъ иногда большія непріятности и даже ссоры съ татарскими и польскими послами, которые не хотятъ употреблять названіе Царя, то-есть Императора, и повторять въ подробности весь его длинный титулъ. Я самъ, бывъ на аудіенціи у Царя, почелъ достаточнымъ привѣтствовать его только слѣдующими словами: „Царь всея Русіи, Великій Князь Владимірскій, Московскій и Новогородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій"; остальное же нарочно пропустилъ, зная, что они тщеславятся тѣмъ, что титулъ царскій длиннѣе титула королевы Англійской. Но это было такъ дурно принято, что канцлеръ, находившійся тогда при Царѣ съ прочими сановниками, громкимъ, сердитымъ голосомъ настаивалъ, чтобы я произнесъ весь титулъ. На его требованіе я отвѣчалъ, что титулъ царскій слишкомъ длиненъ и иностранцу трудно его запомнить, но что я сказалъ изъ него столько, что достаточно видно мое уваженіе къ остальному, и проч.: однако, все было напрасно, такъ что я, наконецъ, велѣлъ моему толмачу проговорить сполна весь титулъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Образъ правленія.

Образъ правленія у нихъ весьма похожъ на турецкій, которому они, повидимому, стараются подражать, сколько возможно, по положенію своей страны и по мѣрѣ своихъ способностей въ дѣлахъ политическихъ.

Правленіе у нихъ чисто тираническое: всѣ его дѣйствія клонятся къ пользѣ и выгодамъ одного Царя, и, сверхъ того, самымъ явнымъ и варварскимъ образомъ. Это видно изъ Sophismata или тайнъ ихъ образа правленія, описанныхъ ниже, и угнетенія дворянства и простого народа, безъ всякаго притомъ соображенія ихъ различныхъ отношеній и степеней, равно какъ изъ податей и налоговъ, въ коихъ они не соблюдаютъ ни малѣйшей справедливости, не обращая никакого вниманія какъ на высшее сословіе, такъ и на простолюдиновъ. Впрочемъ, дворянству дана несправедливая и неограниченная свобода повелѣвать простымъ или низшимъ классомъ народа и угнетать его во всемъ государствѣ, куда бы лица этого сословія ни пришли, но въ особенности тамъ, гдѣ они имѣютъ свои помѣстья, или гдѣ опредѣлены Царемъ для управленія. Простолюдинамъ сдѣлана также нѣкоторая маловажная уступка тѣмъ, что они могутъ передавать свои земли по наслѣдству любому изъ сыновей, въ чемъ они, обыкновенно, слѣдуютъ нашему Gauillkinde, и располагать имуществомъ своимъ произвольно, имѣя право дарить и завѣщать его по собственному желанію. Несмотря, однако, на это, оба класса, и дво-

ряне и простолюдины, въ отношеніи къ своему имуществу, суть не что иное, какъ хранители царскихъ доходовъ, потому что все нажитое ими рано или поздно переходитъ въ царскіе сундуки, какъ будетъ видно изъ средствъ, употребляемыхъ къ обогащенію его казны и способовъ взиманія налоговъ, которые излагаются ниже, въ главѣ о царскихъ податяхъ и доходахъ.

Что касается до главныхъ пунктовъ или статей, входящихъ въ составъ самодержавнаго правленія, какъ-то: изданія и уничтоженія законовъ, опредѣленія правительственныхъ лицъ, права объявлять войну и заключать союзы съ иностранными державами и права казнить и миловать, съ правомъ измѣнять рѣшенія по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, то всѣ они такъ безусловно принадлежатъ Царю и состоящей подъ нимъ Думѣ, что его можно назвать какъ верховнымъ правителемъ, такъ и самымъ исполнителемъ въ отношеніи ко всѣмъ исчисленнымъ предметамъ. Всякій новый законъ или постановленіе, касающіеся до государства, опредѣляются всегда прежде, нежели созывается по этому случаю какое-либо общее собраніе или совѣтъ. Кромѣ своей Думы, Царю не съ кѣмъ совѣтоваться о предметахъ, по которымъ уже предварительно сдѣлано было постановленіе, за исключеніемъ немногихъ епископовъ, архимандритовъ и монаховъ, и то для того только, чтобы воспользоваться суевѣріемъ народа (притомъ всегда къ его вреду), который считаетъ святымъ и справедливымъ все, что ни сдѣлано съ согласія ихъ епископовъ и духовенства. Вотъ почему Цари, пользуясь для своихъ выгодъ теперешнимъ упадкомъ церкви, потворствуютъ ему чрезвычайными милостями и привилегіями, дарованными епископіямъ и монастырямъ, ибо они знаютъ, что суевѣріе и лжевѣріе лучше всего согласуются съ тираническимъ образомъ правленія и особенно необходимы для поддержанія и охраненія его.

Во-вторыхъ, что касается до общественныхъ и правительственныхъ должностей въ государствѣ, то здѣсь нѣтъ ни одного наслѣдственнаго званія, какъ бы ни было оно высоко или низко, и, напротивъ, опредѣленіе къ той или другой долж-

ности зависитъ непосредственно отъ самого Царя, такъ что даже дьяки въ каждомъ главномъ городѣ большею частью назначаются имъ самимъ. Но теперешній Царь, чтобы свободнѣе предаваться благочестію, предоставилъ всѣ такого рода дѣла, относящіяся до управленія государствомъ, въ полное распоряженіе брата жены своей, боярина Бориса Ѳедоровича Годунова.

Въ-третьихъ, то же можно сказать о завѣдываніи дѣлами судебными, въ особенности касающимися до жизни и смерти. Здѣсь нѣтъ ни одного, кто бы имѣлъ судебную должность или власть, переходящую по наслѣдству или основанную на граматѣ, но всѣ опредѣляются по назначенію и волѣ Царя, и судьи такъ стѣснены въ отправленіи своей должности, что не смѣютъ рѣшить ни одного особеннаго дѣла сами собою, но должны пересылать его вполнѣ въ Москву, въ Царскую Думу. Чтобы показать власть свою надъ жизнью подданныхъ, покойный Царь Иванъ Васильевичъ во время прогулокъ или поѣздокъ приказывалъ рубить головы тѣмъ, которые попадались ему навстрѣчу, если ихъ лица ему не нравились, или если кто-нибудь неосторожно на него смотрѣлъ. Приказъ исполнялся немедленно, и головы падали къ ногамъ его.

Въ-четвертыхъ, что касается до верховной апелляціи и прощенія обличенныхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ, то это совершенно зависитъ отъ воли и милости царской. Также нынѣшняя Царица, будучи весьма милосерда и любя заниматься государственными дѣлами (по неспособности къ нимъ своего супруга), поступаетъ въ этомъ случаѣ совершенно неограниченно, прощая преступниковъ (особливо въ день своего рожденія и другіе торжественные праздники) отъ своего собственнаго имени, о чемъ объявляется имъ всенародно и не упоминается вовсе о самомъ Царѣ. Еще недавно были здѣсь нѣкоторыя лица изъ древняго дворянства, которыя владѣли по наслѣдству различными областями съ неограниченною властью и правомъ судить и рядить всѣ дѣла въ своихъ владѣніяхъ безъ апелляціи и не давая никакого отчета Царю; но всѣ эти права были уничтожены и отняты у нихъ Иваномъ Васильевичемъ, родителемъ нынѣшняго Государя.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

О засѣданіяхъ земскаго собора.

Самое высшее учрежденіе для публичныхъ совѣщаній по дѣламъ государственнымъ называется соборомъ, то-есть земскимъ собраніемъ. Чины и званія лицъ, бывающихъ въ такихъ собраніяхъ, по порядку ихъ, слѣдующіе: 1) самъ Царь, 2) нѣкоторые изъ дворянъ, числомъ до двадцати, которые всѣ принадлежатъ къ его Думѣ, 3) столько же извѣстныхъ духовныхъ лицъ. Что касается до горожанъ или другихъ представителей народныхъ, то ихъ не допускаютъ въ это собраніе, такъ какъ простой народъ считается тамъ не лучше рабовъ, которые должны повиноваться, а не издавать законы, и не имѣютъ права ничего знать о дѣлахъ общественныхъ до тѣхъ поръ, пока все не будетъ рѣшено и окончено.

Земское собраніе, называемое соборомъ, составляется слѣдующимъ образомъ. Царь приказываетъ созвать тѣхъ дворянъ, засѣдающихъ, какъ было сказано, въ его Думѣ, коихъ онъ самъ заблагоразсудитъ, вмѣстѣ съ патріархомъ, который приглашаетъ свое духовенство, то-есть обоихъ митрополитовъ, обоихъ архіепископовъ и тѣхъ изъ епископовъ, архимандритовъ и монаховъ, которые пользуются наибольшею извѣстностью и уваженіемъ. Когда всѣ соберутся на царскомъ дворѣ, то назначается день засѣданія, для чего обыкновенно избираютъ пятницу, по причинѣ святости этого дня.

Когда опредѣленный день наступитъ, то духовныя лица собираются прежде въ назначенное время и мѣсто, называемое столы.

Какъ скоро приходитъ Царь въ сопровожденіи своихъ сановниковъ, то всѣ встаютъ и встрѣчаютъ его въ сѣняхъ, слѣдуя за патріархомъ, который благословляетъ Царя двумя первыми пальцами, возлагая ихъ ему на чело и на обѣ стороны лица, потомъ цѣлуетъ его въ правое плечо. Послѣ того идутъ въ палату, назначенную для такихъ собраній, гдѣ садятся въ слѣдующемъ порядкѣ: Царь занимаетъ мѣсто на тронѣ по одну сторону комнаты. Неподалеку отъ него, за небольшимъ четвероугольнымъ столомъ, за которымъ могутъ помѣститься человѣкъ двѣнадцать или около того, садится патріархъ съ митрополитами, епископами и нѣкоторыми изъ знатнѣйшихъ лицъ Царской Думы, съ двумя дьяками
зываемыми думными дьяками), которые записываютъ все, что происходитъ. Прочіе садятся на скамьяхъ около стѣны комнаты, такъ что каждый занимаетъ мѣсто, соотвѣтствующее его званію. Потомъ одинъ изъ секретарей (въ качествѣ оратора) объявляетъ причину собранія и излагаетъ главные предметы или дѣла, о которыхъ слѣдуетъ разсуждать. Но предлагать билли по мнѣнію отдѣльныхъ лицъ, относительно какого-нибудь общеполезнаго дѣла, какъ это дѣлается въ Англіи, русскій земскій соборъ вовсе не дозволяетъ подданнымъ.

Когда дѣло предложено секретаремъ на разсмотрѣніе, то прежде всего желаютъ знать голосъ или мнѣніе патріарха и духовенства, на что каждый изъ нихъ отвѣчаетъ по порядку своего званія; но эти мнѣнія ихъ бываютъ всегда однообразны и произносятся безъ всякаго разсужденія, какъ бы затверженный урокъ. На всѣ дѣла у нихъ одинъ отвѣтъ, котораго обычное содержаніе то, что Царь и Дума его премудры, опытны въ дѣлахъ политическихъ и общественныхъ и гораздо способнѣе ихъ судить о томъ, что полезно для государства, ибо они занимаются только служеніемъ Богу и предметами, относящимися до вѣры, и потому просятъ ихъ самихъ сдѣлать нужное постановленіе, а они, вмѣсто совѣтовъ, будутъ вспомоществовать имъ молитвами по своей обязанности и должности, и проч. Такъ или почти такъ отвѣчаетъ каждый въ свою очередь, потомъ встаетъ кто-нибудь изъ архимандритовъ или братіи, ко-

торый посмѣлѣе другихъ (впрочемъ, уже заранѣе назначенный для формы), и проситъ Царя, чтобы онъ изволилъ приказать объявить имъ собственное мнѣніе Его Величества и какое будетъ угодно ему сдѣлать постановленіе по дѣлу, предложенному дьякомъ. На это означенный секретарь отъ имени Царя отвѣчаетъ, что Его Величество, вмѣстѣ съ членами Думы своей, по надлежащемъ и здравомъ обсужденіи, нашелъ, что предложенное дѣло весьма хорошо и полезно для государства: но что, несмотря на то, Его Величество требуетъ отъ нихъ, какъ отъ людей благочестивыхъ и знающихъ, что слѣдуетъ признавать справедливымъ, ихъ благоугоднаго мнѣнія и даже сужденія, для того, чтобы утвердить или исправить дѣло, предложенное на разсмотрѣніе, и потому вновь приглашаетъ ихъ откровенно объявить свое мнѣніе, и буде они одобрятъ сдѣланное предложеніе, то изъявили бы свое согласіе, дабы можно было приступить къ окончательному опредѣленію.

Вслѣдъ за тѣмъ, объявивъ свое согласіе (что дѣлается весьма скоро), духовенство удаляется, благословляя Царя, который провожаетъ патріарха до другой комнаты и потомъ возвращается на свое мѣсто, гдѣ остается, пока все будетъ окончено.

Дѣла, рѣшаемыя соборомъ, дьяки или секретари излагаютъ въ формѣ прокламацій, которыя разсылаютъ въ каждую область и главный городъ государства, гдѣ обнародываютъ ихъ князья и дьяки или секретари тѣхъ мѣстъ. По окончаніи засѣданія, Царь приглашаетъ духовенство на парадный обѣдъ, и затѣмъ всѣ расходятся по домамъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О дворянствѣ и средствахъ, употребляемыхъ къ ослабленію его согласно съ видами правительства.

Степени лицъ или званій въ Россіи, кромѣ власти верховной или самого Царя, по порядку ихъ слѣдующія: 1. Дворянство, которое раздѣляется на четыре степени. Самые знатные по роду, власти и доходамъ называются Удѣльными Князьями, то-есть князьями, выдѣленными или привилегированными. Они-то имѣли нѣкогда въ своихъ областяхъ особую расправу и неограниченную власть, подобно дворянамъ или чинамъ нѣмецкимъ; но впослѣдствіи, сохранивъ условно свои права, подчинились дому Бѣлы, когда онъ сталъ усиливаться и распространяться на счетъ сосѣдей. Сначала они были только обязаны служить Царю во время войны, выставляя извѣстное число конныхъ, но покойный Царь, Иванъ Васильевичъ, отецъ нынѣшняго Царя, человѣкъ высокаго ума и тонкій политикъ въ своемъ родѣ, желая болѣе усилить свое самодержавіе, началъ постепенно лишать ихъ прежняго величія и прежней власти, пока, наконецъ, не сдѣлалъ ихъ не только своими подчиненными, но даже холопами, т.-е. настоящими рабами или крѣпостными. Въ самомъ дѣлѣ, они сами не иначе себя называютъ, какъ въ государственныхъ бумагахъ, такъ и въ частныхъ просьбахъ, подаваемыхъ ими Царю, такъ что теперь они, относительно своей власти, своихъ владѣній, жизни и всего прочаго, зависятъ отъ воли Царя, наравнѣ съ другими подданными.

Средства и мѣры, употребляемыя для этого Царемъ, какъ противъ Князей Удѣльныхъ, такъ и другихъ дворянъ (сколько я могъ замѣтить, судя по разсказамъ о его дѣйствiяхъ), были слѣдующiя или тому подобныя: во-первыхъ, онъ посѣялъ между ними личное соперничество за первенство въ чинахъ и званiяхъ и съ этою цѣлью подстрекалъ дворянъ, менѣе знатныхъ по роду, стать выше или наравнѣ съ тѣми, которые происходили изъ домовъ болѣе знатныхъ. Злобу ихъ и взаимныя распри онъ обращалъ въ свою пользу, принимая клеветы и доносы касательно козней и заговоровъ, будто бы умышляемыхъ противъ него и противъ государства. Ослабивъ такимъ образомъ самыхъ сильныхъ и истребивъ однихъ съ помощью другихъ, онъ, наконецъ, началъ дѣйствовать открыто и остальныхъ принудилъ уступить ему права свои.

Во-вторыхъ, онъ раздѣлилъ своихъ подданныхъ на двѣ части или партiи, разъединивъ ихъ совершенно между собою. Одни изъ нихъ были названы имъ опричными или отборными людьми. Сюда принадлежали тѣ изъ лицъ высшаго сословiя и мелкихъ дворянъ, коихъ Царь взялъ себѣ на часть, чтобъ защищать и охранять ихъ, какъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ. Всѣхъ прочихъ онъ назвалъ земскими или общими. Земскiе были самый низкiй и простой классъ людей съ тѣми изъ дворянъ, которыхъ Царь думалъ истребить, какъ будто бы недовольныхъ его правленiемъ и имѣющихъ противъ него замыслы. Что касается до опричниковъ, то онъ заботился, чтобы они своимъ числомъ, знатностью, богатствомъ, вооруженiемъ и проч. далеко превосходили земскихъ, коихъ онъ, напротивъ, какъ бы лишилъ своего покровительства, такъ что, если кто изъ нихъ былъ ограбленъ или убитъ кѣмъ-нибудь изъ опричниковъ, которыхъ онъ причислялъ къ своей партiи, то нельзя уже было получить никакого удовлетворенiя ни судомъ, ни жалобою Царю. Тѣ и другiе по порядку были вносимы и записываемы въ книгу, почему всякiй зналъ, кто былъ земскимъ и кто принадлежалъ къ разряду опричниковъ. И эта свобода, данная однимъ грабить и убивать другихъ безъ всякой защиты судебными мѣстами или закономъ, продолжавшаяся семь лѣтъ, послужила къ обогащенiю первой партiи и царской казны и, кромѣ того, способствовала достиженiю того, что онъ имѣлъ при этомъ въ виду, т.-е. къ истребленiю дворянъ, ему ненавистныхъ, коихъ въ одну недѣлю и въ одномъ городѣ Москвѣ было убито до трехсотъ человѣкъ. Такiе тиранскiе его поступки, съ цѣлью произвести всеобщiй раздоръ и повсемѣстное раздѣленiе между подданными, произошли какъ должно думать, отъ чрезвычайной мнительности и безнадежнаго страха, возникшихъ въ немъ ко многимъ изъ туземнаго дворянства во время войны съ поляками и крымскими татарами, когда онъ впалъ въ сильное подозрѣнiе, родившееся въ немъ вслѣдствiе худого положенiя дѣлъ, что они состоятъ въ заговорѣ съ поляками и крымцами. На основанiи этого, нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ казнилъ, и означенное средство избралъ для того, чтобъ отдѣлаться отъ остальныхъ.

Столь низкая политика, и варварскiе поступки, хотя и прекратившiеся теперь, такъ потрясли все государство и до того возбудили всеобщiй ропотъ и непримиримую ненависть, что, повидимому, это должно окончиться не иначе, какъ всеобщимъ возстанiемъ.

3. Овладѣвъ всѣмъ ихъ наслѣдственнымъ имѣнiемъ и землями, лишивъ ихъ почти всѣхъ правъ и проч. и оставивъ имъ одно только названiе, онъ далъ имъ другiя земли на правѣ помѣстномъ (какъ оно здѣсь называется), владѣнiе коими зависитъ отъ произвола Царя и которыя находятся на весьма дальнемъ разстоянiи и въ другихъ краяхъ государства, и этимъ способомъ удалилъ ихъ въ такiя области, гдѣ бы они не могли пользоваться ни милостью, ни властью, не будучи тамошними уроженцами или хорошо извѣстными въ тѣхъ мѣстахъ; почему теперь знатнѣйшiе дворяне (называемые Удѣльными Князьями), сравнялись съ прочими, съ тою только разницею, что во мнѣнiи народа и относительно привязанности его къ нимъ они стоятъ выше, и что во всѣхъ общественныхъ собранiяхъ они постоянно занимаютъ свое первое мѣсто.

Средства, коими стараются препятствовать возвышенiю этихъ домовъ и возвращенiю себѣ прежняго значенiя, суть слѣдующiя, вмѣстѣ съ другими, имъ подобными: во-первыхъ, многимъ изъ

наслѣдниковъ не дозволяется вступать въ бракъ, дабы родъ прекратился вмѣстѣ съ ними. Иныхъ отправляютъ въ Сибирь, въ Казань и въ Астрахань, подъ предлогомъ службы, и тамъ умерщвляютъ или же сажаютъ въ темницу. Нѣкоторыхъ заключаютъ въ монастыри, гдѣ они постригаются въ монахи, подъ видомъ обѣта, даннаго добровольно и по собственному желанію, но на самомъ дѣлѣ по неволѣ, изъ опасенія, что ихъ обвинятъ въ какомъ-нибудь взведенномъ на нихъ преступленіи. Здѣсь они находятся подъ столь бдительнымъ надзоромъ особенной стражи и самихъ монаховъ, которые отвѣчаютъ головою за ихъ побѣгъ, что имъ не остается никакой надежды, какъ кончить дни свои въ заточеніи. Изъ числа такихъ лицъ многія принадлежатъ къ высшему дворянству. Какъ эти, такъ и другія подобныя имъ средства, придуманныя Царемъ Иваномъ Васильевичемъ, доселѣ еще употребляются Годуновыми, которые, возвысившись чрезъ бракъ Царицы, родственницы ихъ, правятъ и Царемъ и Царствомъ, въ особенности Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, братъ Царицы, стараясь всѣми мѣрами истребить или унизить все знатнѣйшее и древнѣйшее дворянство. Тѣхъ, которыхъ они почитали наиболѣе опасными для себя и способными противиться ихъ намѣреніямъ, они уже отдалили, какъ-то: Князя Андрея Куракина-Булгакова, человѣка знатнаго и родомъ и властью. Точно такъ же поступили они съ Петромъ Головинымъ (его посадили въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ), съ Княземъ Васильемъ Юрьевичемъ и Голицынымъ, съ Андреемъ Ивановичемъ Шуйскимъ, который почитался за человѣка чрезвычайно умнаго. Въ прошедшемъ году такимъ же образомъ лишенъ жизни въ монастырѣ, куда былъ посаженъ, нѣкто Князь Петръ Петровичъ Шуйскій, человѣкъ съ большими достоинствами и заслугами, который пять или шесть лѣтъ тому назадъ выдержалъ осаду города Пскова противъ польскаго короля Стефана Баторія, имѣвшаго у себя 100.000 человѣкъ войска, и весьма храбро отразилъ его, съ большою славою для себя и своего отечества и къ стыду поляковъ. Думали также, что Никита Романовичъ, дядя нынѣшняго Царя съ материнской стороны, умеръ отъ яда или другой насильственной смертью.

Названія знатнѣйшихъ дворянскихъ родовъ, по порядку ихъ, слѣдующія: первый родъ Князя Владиміра, который заключается теперь въ одной дочери, вдовѣ и бездѣтной, какъ упомянуто выше, нѣкогда бывшей въ замужествѣ за Гартокомъ Магнусомъ, братомъ короля Датскаго, а теперь заточенной въ монастырь. 2) Князъ Мстиславскій. Онъ также заключенъ въ монастырь, а единственному сыну его не дозволено вступать въ бракъ для пресѣченія ихъ рода. 3) Глинскіе. Изъ нихъ остался одинъ, и тотъ бездѣтный, за исключеніемъ только одной дочери. 4) Шуйскіе. Ихъ четыре брата, всѣ молодые люди и холостые. 5) Трубецкіе. Изъ этого дома остается въ живыхъ четверо. 6) Булгаковы. Теперь домъ этотъ имѣетъ названіе Голицыныхъ, коихъ пятеро въ живыхъ, но всѣ еще юноши. 7) Воротынскіе. Изъ этого дома осталось всего двое. 8) Одоевскіе. Также двое. 9) Телятевскіе. Одинъ. 10). Татевы. Ихъ трое. Вотъ названія главныхъ фамилій, извѣстныхъ подъ именемъ Удѣльныхъ Князей, которые въ самомъ дѣлѣ теперь все утратили, кромѣ одного титула и расположенія къ нимъ народа, готоваго со временемъ возстановить ихъ снова, если кто-нибудь изъ нихъ останется въ живыхъ.

Вторую степень дворянства составляютъ бояре. Сюда принадлежатъ тѣ, коихъ Царь (при дворянствѣ ихъ) удостоиваетъ названія совѣтниковъ. Эти оба класса дворянъ получаютъ доходъ съ земель, жалованныхъ имъ Царемъ и владѣемыхъ ими по его произволу, ибо наслѣдственныхъ осталось у нихъ весьма мало, какъ было сказано выше, который простирается до тысячи марокъ въ годъ, кромѣ денежнаго жалованья отъ Царя за службу ихъ на войнѣ, въ количествѣ около 700 рублей въ годъ, болѣе чего никто не получаетъ.

Нельзя, однако, сюда же причислить боярина Бориса Ѳедоровича, который, какъ временщикъ, не можетъ входить въ одинъ разрядъ съ другими, будучи свояокомъ Царя, правителемъ государства по его распоряженіямъ, а по власти и могуществу Царемъ Русскимъ. Ежегодный доходъ его съ помѣстьевъ, вмѣстѣ съ жалованьемъ, простирается до 93.700 рублей и болѣе, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ подробностей. Съ наслѣд-

ственнаго имѣнія въ Вязьмѣ и Дорогобужѣ, увеличеннаго имъ самимъ, онъ получаетъ 6.000 рублей въ годъ: за должность конюшаго 12.000 рублей или марокъ, взимаемыхъ съ конюшенныхъ слободъ или по особымъ преимуществамъ, присвоеннымъ этой должности, которыя заключаются во владѣніи нѣкоторыми землями и городами близъ Москвы. Кромѣ того, онъ беретъ въ свою пользу доходъ со всѣхъ пчельниковъ и луговъ по обѣимъ сторонамъ береговъ Москвы-рѣки на тридцать верстъ вверхъ и на сорокъ внизъ по теченію. Сверхъ жалованья по должности, ему дается еще по 15.000 рублей въ видѣ пенсіи отъ Царя. Съ области Важской ему предоставлено получать по особому преимуществу 32.000 рублей изъ Посольской четверти, кромѣ дохода отъ мѣховой промышленности, съ Рязани и Сѣверска (по другой особой статьѣ) 30.000 рублей, съ Твери и Торжка, другого привилегированнаго мѣста, 8.000 рублей, отъ бань и купаленъ въ Москвѣ 1.500 рублей, не говоря уже о помѣстьяхъ или земляхъ, коими онъ владѣетъ по волѣ Царя и которыя далеко превосходятъ количество земли, предоставленное прочему дворянству.

Есть еще другой изъ дома Глинскихъ, который получаетъ дохода съ земель и жалованья около 40.000 рублей въ годъ. Этимъ доходомъ ему дозволено пользоваться, потому что онъ женился на сестрѣ жены Борисовой; самъ же онъ очень простъ и почти полоумный. Управленіе имъ и имѣніемъ его ввѣрено Борису.

Къ третьему разряду принадлежатъ воеводы, или тѣ дворяне, которые въ настоящее время или прежде были главными начальниками на войнѣ. Званіе свое или титулъ они передаютъ потомству и занимаютъ мѣсто выше прочихъ князей и дворянъ, не принадлежащихъ къ первымъ двумъ разрядамъ, т.-е. Удѣльнымъ Князьямъ и боярамъ.

Эти три разряда дворянства, именно: Князья Удѣльные, бояре и воеводы имѣютъ то преимущество, что къ именамъ ихъ прибавляется вичъ, какъ-то: Борисъ Ѳедоровичъ и проч., что считается почестью, на которую другіе не имѣютъ права. Въ случаѣ же опущенія этого слога при наименованіи ихъ, они могутъ искать безчестіе, или штрафъ за неуваженіе, на тѣхъ, которые не такъ ихъ назвали.

Четвертую и низшую степень дворянства составляютъ лица, носящія названіе князей, но происходящія отъ младшихъ братьевъ главныхъ домовъ, будучи ихъ потомками чрезъ многія поколѣнія. Они не имѣютъ никакого родового наслѣдства, кромѣ одного пустого имени или титула князя, ибо у нихъ въ обычаѣ передавать свои званія и титулы равно всѣмъ дѣтямъ, несмотря на то, что бы они имъ ни оставляли, такъ что сыновья воеводы или главнаго начальника на войнѣ называются воеводами, хотя бы никогда не бывали въ сраженіи, а сыновья князя носятъ титулъ князей, хотя не имѣютъ у себя никакого наслѣдственнаго имѣнія, чѣмъ бы могли содержать себя. Послѣдняго рода дворянъ такъ много, что ихъ считаютъ за ничто, и вы нерѣдко встрѣтите князей, готовыхъ служить простолюдину за пять или шесть рублей или марокъ въ годъ; а при всемъ томъ они горячо принимаютъ къ сердцу всякое безчестіе или оскорбленіе правъ своихъ. Вотъ всѣ различные разряды дворянства.

Вторую степень лицъ вообще составляютъ сыновья боярскіе, или дѣти дворянъ, пользующіеся почетомъ и получившіе это названіе за службу на войнахъ царскихъ, принадлежа къ военному званію по самому своему состоянію и рожденію. Сюда же причисляются дьяки или секретари, которые состоятъ на службѣ у Царя въ каждомъ главномъ городѣ, находясь по назначенію при тамошнихъ князьяхъ.

Послѣднюю степень образуютъ простолюдины, называемые мужиками. Сюда причисляютъ также купцовъ и простыхъ ремесленниковъ. Самый же низшій классъ этого разряда, не относящійся ни къ какой степени, составляютъ сельскіе жители, называемые крестьянами. О сыновьяхъ боярскихъ, которые всѣ состоятъ въ военной службѣ, мы будемъ говорить въ статьѣ о военныхъ силахъ и военныхъ запасахъ; а что касается до мужиковъ, т.-е., ихъ состоянія и образа жизни, то скажемъ о нихъ въ главѣ о простомъ народѣ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Объ управленіи областями и княжествами.

Вся Россія, какъ было сказано выше, раздѣляется на четыре части, называемыя четвертями, или тетрархіями. Каждая четверть завѣдываетъ нѣсколькими областями и несетъ опредѣленную обязанность, отъ которой заимствуетъ свое названіе. Первая четверть, или тетрархія, называется Посольскою четвертью, или Приказомъ Посольскимъ, и находится, въ настоящее время, подъ вѣдѣніемъ главнаго секретаря, управляющаго посольскими дѣлами, Андрея Щелкалова. Онъ ежегодно получаетъ отъ Царя за службу 100 рублей или марокъ опредѣленнаго жалованья или оклада.

Вторая четверть называется Разрядною отъ Разряднаго, или верхняго констабля. Теперь это мѣсто по должности занимаетъ Василій Щелкаловъ, братъ канцлера, а управляетъ имъ нѣкто Сапунъ Абрамовъ. Жалованья получаетъ онъ 100 рублей въ годъ.

Третья четверть называется Помѣстною, по роду дѣлъ, сюда принадлежащихъ. Она ведетъ списокъ всѣмъ помѣстьямъ, жалуемымъ Царемъ за службу боярамъ, дворянамъ и инымъ, также выдаетъ и принимаетъ всякія на нихъ крѣпости. Ею завѣдываетъ въ настоящее время Елеазаръ Вылузгинъ. Оклада назначено ему 500 рублей въ годъ.

Четвертая извѣстна подъ именемъ Казанскаго Дворца, такъ какъ въ ея вѣдѣніи находятся царства Казанское и Астраханское съ другими городами, лежащими по рѣкѣ Волгѣ.

Теперь ею управляетъ нѣкто Дружина Пантелѣевъ, человѣкъ весьма замѣчательный между туземцами по уму и расторопности въ дѣлахъ политическихъ. Онъ получаетъ окладу 150 руб. въ годъ.

Въ составъ четвертей, или тетрархій, не входитъ наслѣдственное имѣніе Царя, или вотчина, какъ она здѣсь называется, потому что она искони принадлежитъ дому Бѣлы, т.-е. Царскому, носящему это имя по своему происхожденію. Сюда принадлежатъ 36 городовъ съ ихъ уѣздами или землями, кромѣ особыхъ участковъ, которые также исключены изъ вѣдомства означенныхъ четвертей, какъ, напримѣръ, област Важская, принадлежащая боярину Борису Ѳедоровичу Годунову, и другія подобныя.

Вотъ главные правители или власти областныя. Они не живутъ при своихъ мѣстахъ, а, напротивъ, сопровождаютъ Царя, когда онъ выѣзжаетъ, удерживая при этомъ вездѣ свою должность, которую, однако, большею частью исправляютъ въ Москвѣ, какъ главномъ мѣстопребываніи Царя.

Обязанность этихъ четырехъ правительственныхъ мѣстъ заключается въ принятіи всѣхъ жалобъ и дѣлъ всякаго рода, поступающихъ къ нимъ изъ отдѣльныхъ четвертей, и въ препровожденіи ихъ въ Царскую Думу. Они обязаны также давать приказы лицамъ, находящимся подъ ихъ вѣдѣніемъ въ приписанныхъ къ нимъ областяхъ, по всѣмъ дѣламъ, коихъ исполненіе въ мѣстахъ, ими управляемыхъ, возлагается на нихъ Царемъ и его Думой.

Для управленія каждою отдѣльною областью въ этихъ четырехъ четвертяхъ опредѣляется одинъ изъ тѣхъ князей, о коихъ упомянуто было выше, какъ принадлежащихъ къ низшей степени дворянства. Они имѣютъ пребываніе въ главныхъ городахъ означенныхъ областей. Къ каждому ихъ нихъ присоединяется дьякъ, или секретарь, назначенный ему въ помощники или, лучше сказать, руководители, ибо такой дьякъ завѣдываетъ всѣми дѣлами, относящимися до исполненія ихъ должности.

Обязанности ихъ на самомъ дѣлѣ состоятъ въ слѣдующемъ.

Во-первыхъ, они должны выслушивать и рѣшать всѣ гражданскія дѣла своей области. Съ этою цѣлью имъ подчинены нѣкоторые чиновники, какъ-то: губные старосты, или коронёрсы (coroners), которые, кромѣ производства слѣдствій о самоубійцахъ, обязаны преслѣдовать преступниковъ, и судьи, имѣющіе право сами выслушивать и рѣшать всѣ дѣла подобнаго рода между крестьянами въ своемъ округѣ или участкѣ, но съ тѣмъ, что, въ случаѣ неудовольствія той или другой стороны, они имѣютъ право апелляціи и могутъ жаловаться князю и дьяку, имѣющимъ пребываніе въ главномъ городѣ. Отсюда дѣло можно еще перевести въ Москву, въ Царскую Думу, какъ въ высшее судебное мѣсто, куда окончательно поступаютъ всѣ апелляціи. Далѣе имъ также подвластны сотскіе старосты, т.-е. олдермены или бэлифы сотенъ.

Во-вторыхъ, во всѣхъ дѣлахъ уголовныхъ, какъ-то: воровствѣ, убійствѣ, измѣнѣ и проч., они имѣютъ власть задержать, допросить и заключить въ тюрьму преступника; по окончаніи же всѣхъ справокъ и слѣдствія обязаны переслать дѣло, уже совершенно готовое и правильно изложенное, въ Москву къ управляющему четвертью, въ которой числится ихъ область, а послѣній передаетъ его на разсмотрѣніе Царской Думѣ. Но они не имѣютъ права ни рѣшать дѣла уголовныя, ни наказывать виновнаго.

Въ-третьихъ, имъ также вмѣняется въ обязанность отправленіе разныхъ общественныхъ дѣлъ въ ихъ областяхъ, какъто: обнародованіе законовъ или учрежденій посредствомъ прокламацій, сборъ податей и налоговъ въ пользу Царя, наборъ ратниковъ и отправленіе ихъ въ срокъ и мѣсто, назначенные Царемъ или Думой.

Князья и дьяки опредѣляются на мѣста самимъ Царемъ и въ концѣ каждаго года обыкновенно смѣняются, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, пользующихся особеннымъ благоволеніемъ или расположеніемъ, для коихъ этотъ срокъ продолжается еще на годъ или на два. Сами по себѣ они не могутъ похвалиться ни довѣріемъ, ни любовью народа, которымъ управляютъ, не принадлежа къ нему ни по рожденію, ни по воспитанію и не

имѣя притомъ собственнаго наслѣдственнаго имѣнія ни въ его округѣ, ни даже въ другомъ мѣстѣ. Только отъ Царя получаютъ они за свою службу по большей мѣрѣ около 100 марокъ въ годъ, а нѣкоторые только пятьдесятъ, другіе же всего тридцать. Народъ еще болѣе недовѣрчивъ къ нимъ и ненавидитъ ихъ за то, что, не имѣя никакой собственности и являясь каждый годъ свѣжіе и голодные, они мучаютъ и обираютъ его безъ всякой справедливости и совѣсти. Главные начальники четвертей не обращаютъ вниманія на такіе поступки, для того чтобъ въ свою очередь обирать ихъ самихъ и получить бо́льшую добычу, когда потребуютъ отъ нихъ отчета, что, обыкновенно, дѣлаютъ при истеченіи ихъ службы, извлекая, такимъ образомъ, свои выгоды изъ ихъ несправедливости и притѣсненій бѣднаго народа. Немногіе, однако, изъ нихъ доходятъ до пытки или кнута по окончаніи срока, въ который они, большею частью, уже сами по себѣ приступаютъ къ отчету. И потому во время своего управленія стараются они пріобрѣсть столько, чтобы можно было подѣлиться съ Царемъ и управляющимъ четвертью и, кромѣ того, оставить хорошую частичку и для себя.

Таковы всѣ правители областей, и только въ четыре самые важные пограничные города назначаются люди, заслуживающіе болѣе уваженія и довѣрія, и притомъ по два въ каждый городъ. Одинъ изъ нихъ бываетъ чаще всего изъ приближенныхъ къ Царю. Эти четыре пограничные города суть: Смоленскъ, Псковъ, Новгородъ и Казань, изъ коихъ три лежатъ на границахъ Польши и Швеціи, а одинъ сопредѣленъ съ отдаленною землею крымскихъ татаръ. Обязанностей у нихъ болѣе, чѣмъ у прочихъ областныхъ князей, о которыхъ я говорилъ выше, и имъ дана исполнительная власть въ дѣлахъ уголовныхъ. Такая мѣра почитается весьма полезною для государства, потому что на границахъ, находящихся въ такомъ отдаленномъ разстояніи, могутъ встрѣтиться чрезвычайные случаи, не терпящіе отлагательства для разрѣшенія каждаго особеннаго обстоятельства Царемъ и его Думой. Ихъ смѣняютъ всякій годъ (кромѣ случаевъ, о коихъ сказано выше), а жалованья получаютъ

они по большей мѣрѣ 700 рублей въ годъ, иные же только по 400. Въ настоящее время многія изъ этихъ важныхъ мѣстъ занимаютъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, правятъ почти всѣмъ государствомъ Годуновы и ихъ кліенты.

Городомъ Москвою, гдѣ имѣетъ постоянное пребываніе Царь, управляетъ одна Царская Дума. Всѣ производящіяся здѣсь дѣла, какъ гражданскія, такъ и уголовныя, выслушиваются и рѣшаются въ извѣстныхъ судахъ, гдѣ засѣдаютъ члены Думы, постоянно живущіе здѣсь. Только для рѣшенія дѣлъ самыхъ обыкновенныхъ (какъ-то: построекъ, поправокъ, содержанія улицъ въ опрятности и чистотѣ, сбора податей, налоговъ, и т. п.) опредѣлены два дворянина (Gentlemen) и два дьяка, или секретаря, составляющіе всѣ вмѣстѣ присутственное мѣсто для управленія подобнаго рода дѣлами, которое называется Земскимъ Дворомъ. Если кто изъ городскихъ обывателей подозрѣваетъ своего служителя въ воровствѣ или подобномъ преступленіи, то онъ можетъ привести его сюда для допроса посредствомъ пытки или другого истязанія. Кромѣ этихъ двухъ дворянъ и секретарей, завѣдывающихъ всѣмъ городомъ, есть еще старосты, или олдермены, въ каждой отдѣльной общинѣ. Такой старшина имѣетъ своихъ сотскихъ, или констаблей, а сотскій извѣстное число десятскихъ, или декуріоновъ, ему подчиненныхъ, изъ коихъ порученъ каждому надзоръ надъ десятью домами, отчего всякій безпорядокъ скорѣе обнаруживается, а общественная служба отправляется поспѣшнѣе. Всѣ граждане, бѣдные и богатые, раздѣляются на общины. Главные начальники (какъ-то: дьяки и дворяне) опредѣляются самимъ Царемъ, старосты—дворянами и дьяками, сотскіе—старостами, или олдерменами, а десятскіе—констаблями.

Если бы такой образъ управленія областями и городами былъ столько же полезенъ для безпристрастнаго правосудія ко всѣмъ жителямъ, сколько онъ удобенъ для предупрежденія нововведеній, удерживая дворянство въ порядкѣ, а простой народъ въ подчиненіи, то, повидимому, онъ былъ бы не дуренъ, даже въ политическомъ отношеніи, для государства, столь обширнаго и имѣющаго такое протяженіе въ длину и ширину, какова Россія. Но угнетеніе и рабство такъ явны и такъ рѣзки, что надобно удивляться, какъ дворянство и народъ могли имъ подчиниться, имѣвъ еще нѣкоторыя средства, чтобъ избѣжать ихъ, или же отъ нихъ освободиться, равно какъ и тому, какимъ образомъ Цари, утвердившись въ настоящее время на престолѣ такъ прочно, могутъ довольствоваться прежнимъ правленіемъ, соединеннымъ съ столь явною несправедливостью и угнетеніемъ ихъ подданныхъ, тогда какъ сами исповѣдуютъ вѣру христіанскую.

Изъ всего сказаннаго здѣсь видно, какъ трудно измѣнить образъ правленія въ Россіи въ настоящемъ ея положеніи. Во-первыхъ, тамъ нѣтъ никого въ числѣ дворянства, кто бы могъ стать во главѣ прочихъ. Сановники, управляющіе четвертями, или тетрархіями, не природные дворяне, а дьяки, пожалованные въ это званіе Царемъ, находящіеся въ полной зависимости отъ его милостей и собственно служащіе только ему. Что же касается до князей, управляющихъ подъ ними областями, то это люди важные только по названію, какъ было сказано выше, безъ всякой власти, силы и довѣрія, за исключеніемъ того значенія, которымъ пользуются по своей должности, пока ее занимаютъ. Но и здѣсь пріобрѣтаютъ они не любовь, а, напротивъ, ненависть народа, который видитъ, что они поставлены надъ нимъ не столько для того, чтобы оказывать ему справедливость и правосудіе, сколько съ тѣмъ, чтобы угнетать его самымъ жалкимъ образомъ и снимать съ него шерсть не одинъ разъ въ годъ, какъ каждый владѣлецъ со своей овцы, а, напротивъ, стричь его и обрывать въ продолженіе всего года. Кромѣ того, власть и права ихъ раздроблены на множество мелкихъ частей, потому что въ каждой большой области ихъ находится по нѣсколько человѣкъ, и притомъ время, на которое они назначаются, весьма ограниченно. Такимъ образомъ, имъ невозможно сколько бы то ни было усилиться или привести въ исполненіе какое-либо предпріятіе въ этомъ родѣ, если бы они даже возымѣли счастливое намѣреніе сдѣлать что-нибудь новое. Что касается до простого народа, какъ будетъ видно лучше изъ описанія его состоянія и свойствъ, излагаемыхъ ниже, то, кромѣ недостатка въ оружіи и неопытности въ ратномъ дѣлѣ, отъ котораго

удаляютъ его съ намѣреніемъ, у него безпрестанно отнимаютъ и бодрость духа и деньги (кромѣ другихъ способовъ), иногда подъ предлогомъ какого-нибудь предпріятія для общественнаго благосостоянія, а иногда вовсе даже не ссылаясь ни на какую потребность въ пользу государства или Царя. Итакъ, ни дворянство, ни простой народъ не имѣютъ возможности отважиться на какое-нибудь нововведеніе до тѣхъ поръ, пока войско, котораго число простирается по крайней мѣрѣ до 8.000 человѣкъ, получающихъ постоянное жалованье, не будетъ единодушно и безпрекословно подчинено Царю и настоящему порядку вещей, а оно, очевидно, должно быть усердно къ своей должности, какъ по самымъ свойствамъ солдатъ, такъ и потому, что они пользуются всюду полною свободою обижать и грабить простой народъ по своему произволу, что имъ нарочно дозволено для того, чтобъ имъ нравилось настоящее положеніе дѣлъ. Заговора между войскомъ и простымъ народомъ опасаться также нельзя, потому что цѣли ихъ слишкомъ между собою различны и противоположны. Это безнадежное состояніе вещей внутри государства заставляетъ народъ, большею частью, желать вторженія какой-нибудь внѣшней державы, которое, по мнѣнію его, одно только можетъ его избавить отъ тяжкаго ига такого тиранскаго правленія.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

О царской думѣ.

Русскіе Цари даютъ названіе совѣтниковъ нѣкоторымъ лицамъ изъ знатнаго дворянства болѣе для почести, нежели для пользы государственныхъ дѣлъ. Они именуются просто боярами и могутъ быть названы совѣтниками въ пространномъ значеніи, ибо на общій совѣтъ ихъ приглашаютъ весьма рѣдко или никогда. Принадлежащіе же на самомъ дѣлѣ къ собственному и тайному совѣту Царя (именно тѣ, которые ежедневно находятся при немъ для совѣщанія по дѣламъ государства) носятъ прибавочный титулъ думныхъ и называются думными боярами, а собраніе ихъ, или засѣданіе, Боярской Думой.

Имена ихъ въ настоящее время суть слѣдующія, по порядку: 1. Князь Θеодоръ Ивановичъ Мстиславскій; 2. Князь Иванъ Михайловичъ Глинскій; 3. Князь Василій Ивановичъ Шуйскій-Скопинъ. (Эти три боярина болѣе знатны родомъ, нежели замѣчательны по уму, и потому, сколько можно судить, назначены больше для того, чтобы сообщить мѣсту почетность и дѣлать честь своимъ присутствіемъ, нежели для совѣтовъ); 4. Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, который почитается умнѣе своихъ прочихъ однофамильцевъ; 5. Князь Θеодоръ Михайловичъ; 6. Князь Никита Романовичъ Трубецкой; 7. Князь Тимофей Романовичъ Трубецкой; 8. Князь Андрей Григорьевичъ Куракинъ; 9. Князь Димитрій Ивановичъ Хворостининъ; 10. Князь Θеодоръ Ивановичъ Хворостининъ; 11. Богданъ Ивановичъ Сабуровъ; 12. Князь Иванъ Васильевичъ; 13. Князь Θеодоръ Димитріевичъ Шестуновъ; 14. Князь Θеодоръ Михайловичъ Троекуровъ (Troyconioue); 15. Иванъ Бутурлинъ; 16. Димитрій Ивановичъ Годуновъ; 17. Борисъ Θеодоровичъ Годуновъ, братъ Царицы; 18. Степанъ Васильевичъ Годуновъ; 19. Григорій Васильевичъ Годуновъ; 20. Иванъ Васильевичъ

Годуновъ; 21. Ѳеодоръ Шереметевъ; 22. Андрей Петровичъ Клешнинъ; 23. Игнатій Петровичъ Татищевъ; 24. Романъ Михайловичъ Пивовъ; 25. Дементій Ивановичъ Черемисиновъ; 26. Романъ Васильевичъ Алферьевъ; 27. Андрей Щелкаловъ; 28. Василій Щелкаловъ; 29. Елеазаръ Вылузгинъ; 30. Дружина Пантелѣевъ; 31. Сапунъ Абрамовъ.

Четверо послѣднихъ называются думными дьяками, или государственными секретарями. Всѣ же они принадлежатъ собственно къ Думѣ Царской, хотя немногіе изъ нихъ приглашаются на какое-либо совѣщаніе, потому что всѣ дѣла обсуждаются и рѣшаются Борисомъ Ѳедоровичемъ Годуновымъ, братомъ Царицы, съ пятью или шестью другими лицами, коихъ заблагоразсудится ему призвать. На совѣтѣ приходится имъ болѣе слушать, нежели подавать мнѣнія, какъ они на самомъ дѣлѣ и поступаютъ. Внутреннія дѣла государства докладываются во время засѣданій управляющими четырехъ четвертей, или тетрархій, о коихъ упомянуто въ главѣ касательно управленія областями. Сюда представляютъ они всѣ бумаги, получаемыя ими отъ князей, дьяковъ, воеводъ и другихъ начальствующихъ городами и крѣпостями, принадлежащими къ четверти каждаго изъ нихъ, вмѣстѣ съ другими донесеніями, и докладываютъ о нихъ Думѣ.

Такое же право предоставлено и начальнику всякаго судебнаго мѣста. Онъ можетъ входить въ Думу и доносить обо всемъ, относящемся до его должности. Кромѣ дѣлъ государственныхъ, здѣсь разбираются многія частныя дѣла, поступающія по просьбамъ въ большомъ числѣ. Изъ нихъ нѣкоторыя разсматриваются и рѣшаются смотря по тому, какъ благопріятствуютъ имъ обстоятельства или средства. Другія отсылаются въ судебныя мѣста, куда они принадлежатъ на общемъ основаніи законовъ. Присутственные дни для обыкновенныхъ засѣданій суть: понедѣльникъ, среда и пятница, собираются же въ 7 часовъ утра. Въ чрезвычайномъ случаѣ, когда необходимо назначить совѣщаніе въ другой какой-либо день, разсылаются о томъ повѣстки писцомъ Думы, Дороѳеемъ Бушевымъ, который получаетъ приказъ изъ Разряда, или отъ верхняго коннстабля, чтобъ пригласить ихъ къ назначенному времени.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

О податяхъ и другихъ доходахъ царскихъ.

Для сбора податей и другихъ доходовъ, принадлежащихъ казнѣ, опредѣлено нѣсколько чиновниковъ, которые сдаютъ ихъ въ главное казначейство. Сюда принадлежатъ: во-первыхъ, Дворцовый Приказъ, завѣдывающій хозяйственною частью; во-вторыхъ, четверти, которыя я соединяю здѣсь въ одно мѣсто, хотя оно и раздѣляется на четыре части, какъ было сказано выше; въ-третьихъ, такъ называемый Большой Приходъ.

Что касается до перваго, т.-е. Дворцоваго Приказа, то онъ получаетъ всѣ доходы съ наслѣдственнаго имѣнія царскаго или казеннаго, называемаго вотчиною. Вотчины, или царскія имѣнія, заключаютъ въ себѣ 36 городовъ съ принадлежащими къ нимъ селеніями или волостями, изъ коихъ главные по доходу слѣдующіе: Александровская (слобода), Корельская, Тверь, Слободки (Slobodcy), Даниловское (Danielska), Мосальскъ (Moisailskoy), Хорь (Chara), Замошская (Sametska), Старая Руса, Воронцово (Bransoue) и проч. Одни изъ жителей или обывателей этихъ и другихъ городовъ платятъ подать деньгами, другіе опредѣленною поставкою (называемою оброкомъ), какъ-то: извѣстнымъ количествомъ четвертей, или мѣръ, зерноваго хлѣба, пшеницы, ржи, ячменя, овса или другими съѣстными припасами, какъ-то: быками, овцами, лебедями, гусями, зайцами, курами, дичью, рыбою, сѣномъ, дровами, медомъ. Иные обязаны засѣвать въ пользу Царя нѣсколько десятинъ земли и выставлять уже совершенно обдѣланный хлѣбъ для употребленія, за что имъ дается опредѣленное число десятинъ земли на ихъ собственное продовольствіе. Такой

запасъ для домашнихъ потребностей, въ особенности зерноваго хлѣба, доставляемый содержателями казенныхъ земель, гораздо значительнѣе количества, какое выходитъ для царскаго дома и отпускается на прислугу или для царской чести, въ видѣ опредѣленной дачи, называемой жалованьемъ, на что, впрочемъ, издерживается очень много, какъ хлѣбомъ, такъ и другими припасами. Этотъ излишекъ продается дворецкимъ за выгоднѣйшую цѣну, и деньги поступаютъ въ царскую казну. Во времена Ивана Васильевича, отца нынѣшняго Царя (который жилъ роскошнѣе и болѣе по-царски, нежели теперешній Государь), излишекъ зерноваго хлѣба и другихъ приходныхъ статей, поступающихъ въ Дворцовый Приказъ, доставлялъ казнѣ его не свыше 60,000 рублей ежегоднаго дохода; но теперь, при лучшемъ управленіи дворецкаго, Григорія Васильевича Годунова, онъ простирается до 230 тысячъ рублей въ годъ. И все это сдѣлалось черезъ посредство Царицы и ея родныхъ, въ особенности Бориса Өедоровича Годунова, которые считаютъ своею собственностью все, поступающее въ царскую казну. Значительная часть излишка отъ сбора припасами идетъ на жалованье дворцовымъ служителямъ, которыхъ весьма много какъ въ самомъ дворцѣ, такъ и внѣ дворца.

Второе мѣсто сбора податей называемое четвертями (оно раздѣлено на четыре отдѣльныя части, какъ было сказано выше), имѣетъ четырехъ главныхъ чиновниковъ, которые, кромѣ управленія и завѣдыванія областями, приписанными къ каждой четверти, обязаны еще собирать въ пользу Царя тягло и подать, получаемыя въ означенныхъ четырехъ четвертяхъ. Тягло есть годовой доходъ или окладъ, взимаемый съ каждой выти или опредѣленной мѣры какого бы ни было хлѣба, который собирается присяжными и доставляется въ Приказъ. Выть содержитъ въ себѣ шестьдесятъ четвертей, а каждая четверть три англійскихъ бушеля или нѣсколько менѣе. Подать есть положенный сборъ деньгами съ каждой сохи или извѣстнаго участка (Hundred) по всему государству.

Тягло и подать ежегодно доставляютъ четвертнымъ Приказамъ значительное количество денегъ, какъ можно видѣть изъ помѣщаемыхъ здѣсь подробностей. Городъ Псковъ съ его областью платитъ каждый годъ тягломъ и податью около 18,000 рублей, Новгородъ 35,000, Торжокъ и Тверь 8,000, Рязань 30,000, Муромъ 12,000, Холмогоры и Двина 8,000, Вологда 12,000, Казань 18,000, Устюгъ 30,000, Ростовъ 50,000, городъ Москва 40,000, Сибирь (Sibierskoy) 20,000, Кострома 12,000. Весь годовой итогъ простирается до 400,000 рублей или марокъ, вносимыхъ ежегодно въ казну перваго числа сентября мѣсяца, которое они считаютъ за первый день года.

Третье мѣсто, называемое Большимъ Приходомъ, принимаетъ всѣ пошлины, собираемыя со всѣхъ главныхъ городовъ по всему государству, и сверхъ того налоги и другіе сборы, взимаемые различными низшими мѣстами, которые всѣ поступаютъ въ этотъ Приказъ Большого Прихода. Главные города по торговлѣ, платящіе самую значительную пошлину, суть Москва, Смоленскъ, Псковъ, Новгородъ Великій, Старая Руса, Торжокъ, Тверь, Ярославль, Кострома, Нижній Новгородъ, Казань, Вологда. Эту пошлину, получаемую съ большихъ городовъ, тѣмъ вѣрнѣе и легче исчислить, что заранѣе уже опредѣлено и въ точности назначено, сколько имъ приходится платить ежегодно. Положенный окладъ они обязаны непремѣнно внести въ означенный Приказъ, хотя бы сами столько не собрали; если же получатъ болѣе, то излишекъ идетъ также въ пользу Царя.

Городъ Москва платитъ ежегодно пошлины 12,000 рублей, Смоленскъ 8,000, Псковъ 12,000, Новгородъ Великій 6,000, Старая Руса солью и другими произведеніями 18,000, Торжокъ 800 рублей, Тверь 700, Ярославль 1,200, Кострома 1,800, Нижній Новгородъ 7,000, Казань 11,000, Вологда 2,000, рублей. Пошлина съ другихъ торговыхъ городовъ бываетъ иногда болѣе, а иногда менѣе значительна, смотря по ихъ торговымъ оборотамъ и барышамъ въ теченіе года.

Можно сказать навѣрно, что эти три статьи доходовъ, поступающихъ въ Приказъ Большого Прихода, когда они наименѣе значительны, доставляютъ: первая 160,000 рублей, вторая

90,000, третья 70,000 рублей, такъ что Большой Приходъ съ этихъ и другихъ городовъ получаетъ дохода по крайней мѣрѣ, какъ видно изъ ихъ приходныхъ книгъ, до 340,000 рублей въ годъ. Кромѣ этого дохода съ торговыхъ городовъ, въ Приказъ Большого Прихода поступаютъ ежегодно пошлины съ простыхъ бань и кабаковъ или питейныхъ домовъ, принадлежащихъ Царю, которыя (хотя и неизвѣстно, какъ именно велика получаемая отъ нихъ сумма, но, судя по общей любви всѣхъ русскихъ къ банѣ и купанью) доставляютъ значительный доходъ царской казнѣ.

Кромѣ того, у нихъ берется извѣстный штрафъ или пеня въ пользу Царя съ каждаго рѣшенія или приговора, постановленнаго въ какомъ бы то ни было судебномъ мѣстѣ по всѣмъ дѣламъ гражданскимъ. Эта пеня или штрафъ заключается въ двадцати деньгахъ или пенсахъ съ каждаго рубля или марки и, слѣдовательно, въ десяти со ста; платитъ же ее сторона, обвиненная по закону. Далѣе, съ каждаго имени, упоминаемаго въ бумагахъ, выдаваемыхъ судебными мѣстами, въ пользу Царя берется по пяти алтынъ, а алтынъ равняется пяти пенсамъ стерлингъ или около того. Пошлины вносятъ въ то мѣсто, откуда выдается бумага; потомъ пересылается она въ мѣсто, гдѣ хранится меньшая печать, и здѣсь за нее платится еще столько же въ пользу Царя. Этотъ доходъ простирается, обыкновенно, до 3,000 рублей въ годъ или около того. Наконецъ, изъ Разбойнаго Приказа, завѣдывающаго всѣми дѣлами по преступленіямъ, берется въ пользу Царя половина всего имущества преступника; изъ остальной половины одна часть отдается доносчику, другая чиновникамъ.

Всѣ эти статьи поступаютъ въ Приказъ Большого Прихода, кромѣ излишка или остатка отъ поземельныхъ доходовъ, приписанныхъ къ разнымъ другимъ приказамъ, какъ-то: къ приказу, называемому Разрядомъ, который имѣетъ въ своемъ завѣдываніи земли и доходы, опредѣленные на ежегодную плату солдатамъ или конницѣ, которая содержится на постоянномъ жалованьѣ. Въ мирное время, когда войско остается на мѣстѣ, не употребляясь на службѣ, жалованье, обыкновенно, убавляется

и выдается только вполовину, а иногда еще менѣе, такъ что остающаяся въ Разрядѣ сумма, поступающая въ царскую казну, простирается, большею частью, ежегодно до 250,000 рублей.

Такимъ же образомъ (хотя въ меньшемъ количествѣ) употребляется излишекъ отъ доходовъ Стрѣлецкихъ Приказовъ, имѣющихъ свои собственныя земли, на жалованье стрѣльцамъ, какъ находящимся въ Москвѣ и составляющимъ царскую стражу (обыкновенно въ числѣ 12,000), такъ и на границахъ и въ другихъ городахъ и крѣпостяхъ. То же должно сказать относительно Приказа Иноземнаго (Prechase Sbisiuoy Nemshoy), имѣющаго въ своемъ завѣдываніи земли, опредѣленныя на содержаніе иноземныхъ наемныхъ солдатъ, какъ-то: поляковъ, шведовъ, голландцевъ, шотландцевъ и проч., равно какъ Пушкарскаго (которому предоставлены земли и доходы для снабженія войска орудіями, порохомъ, дробью, селитрою, сѣрою, свинцомъ и т. п.), гдѣ также къ концу года остается сумма, поступающая въ казну. Всѣ эти мѣста вносятъ излишки, оказывающіеся у нихъ въ концѣ года, въ Приказъ Большого Прихода, а отсюда ихъ пересылаютъ уже въ царскую казну, такъ что вся сумма, поступающая въ Приказъ Большого Прихода, какъ видно изъ книгъ этого Приказа, простирается до 800,000 рублей въ годъ или около того.

Всѣ приказы, какъ-то: Дворцовый, Четверти и Большой Приходъ передаютъ поступающіе въ нихъ доходы въ главное казначейство, которое находится въ оградѣ царскаго дворца или замка въ Москвѣ, гдѣ хранятся всѣ царскія деньги, драгоцѣнные камни, короны, скипетры, посуда и т. п., въ сундукахъ и мѣшкахъ, за собственною печатью Царей, которые сами ее прикладываютъ, хотя въ настоящее время бояринъ Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ и здѣсь замѣняетъ Царя, употребляя свою печать и наблюдая за ней, такъ точно какъ и во всемъ прочемъ. Второе мѣсто по этой должности занимаетъ теперь Степанъ Васильевичъ Годуновъ, двоюродный братъ означеннаго Бориса, который имѣетъ при себѣ еще двухъ приказныхъ для отправленія дѣлъ по службѣ.

Сумма, поступающая каждый годъ въ царскую казну одними деньгами, такова:

1. Изъ Дворцоваго Приказа, за расходами для дворца, 230,000 рублей.

2. Изъ четырехъ Четвертей сошныхъ и подушныхъ денегъ 400,000 рублей.

3. Изъ Приказа Большого Прихода пошлинъ и другихъ сборовъ на 800,000 рублей.

Итакъ, всего 1.430,000 рублей чистаго дохода, не включая сюда расходовъ на содержаніе дворца и постоянное жалованье войску, которые удовлетворяются другими способами.

Кромѣ дохода, вносимаго въ казну деньгами, Царь ежегодно получаетъ еще на значительную сумму изъ Сибири, Печоры, Перми и иныхъ мѣстъ мѣха и другія подати, которыя продаются или вымѣниваются для вывоза за границу на разныя иноземныя произведенія купцамъ турецкимъ, персидскимъ, армянскимъ, грузинскимъ и бухарскимъ, торгующимъ въ предѣлахъ этого государства, сверхъ купцовъ другихъ христіанскихъ державъ. Объ итогѣ (хотя нельзя опредѣлить его въ точности по причинѣ зависимости его отъ случайныхъ обстоятельствъ, смотря по тому, какой получится барышъ) можно судить по прошлогоднему сбору царской подати въ Сибири, который заключался въ 466 сорокахъ соболей, пяти сорокахъ куницъ и 180 чернобурыхъ лисицъ, не считая другихъ произведеній.

Къ доходамъ можно присовокупить также конфискаціи имуществъ тѣхъ, которые подвергаются опалѣ, простирающіяся на большую сумму, кромѣ другихъ чрезвычайныхъ налоговъ и поборовъ съ должностныхъ лицъ, монастырей и проч., не для какой-нибудь видимой надобности или потребности Царя и государства, но по одному произволу и обычаю, впрочемъ, подъ нѣкоторымъ предлогомъ скиѳской, т.-е. грубой и варварской, политики, какъ показываютъ немногіе софизмы, или ложныя политическія мѣры, употребляемыя Русскими Царями съ цѣлью грабить свой народъ и обогащать свою казну. По этому случаю покойный Царь Иванъ Васильевичъ обыкновенно говаривалъ, что народъ сходенъ съ его бородою: чѣмъ чаще стричь ее, тѣмъ гуще она будетъ расти, или съ овцами, которыхъ необходимо стричь, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ годъ, чтобъ не дать имъ совершенно обрасти шерстью.

О мѣрахъ къ обогащенію царской казны имуществомъ подданныхъ.

1.

Не препятствовать насиліямъ, поборамъ и всякаго рода взяткамъ, которымъ князья, дьяки и другія должностныя лица подвергаютъ простой народъ въ областяхъ, но дозволять имъ все это до окончанія срока ихъ службы, пока они совершенно насытятся; потомъ поставить ихъ на правежъ (или подъ кнутъ) за ихъ дѣйствія и вымучить изъ нихъ всю или большую часть добычи, какъ медъ высасывается пчелою, награбленной ими у простого народа, и обратить ее въ царскую казну, никогда, впрочемъ, не возвращая ничего настоящему владѣльцу, какъ бы ни была велика или очевидна нанесенная ему обида. Для этой цѣли чрезвычайно полезны бѣдные князья и дьяки, посылаемые въ области, которые смѣняются такъ часто, именно каждый годъ, несмотря на то, что какъ сами по себѣ, такъ и по свойствамъ народа, какъ было сказано выше, могли бы оставаться долѣе, не заставляя опасаться никакихъ нововведеній. Дѣйствительно, будучи всегда поставляемы вновь надъ простымъ народомъ, они сосутъ тѣмъ охотнѣе, подобно осамъ императора Тиверія, которыя прилетали всегда свѣжія на старую рану и съ коими онъ сравнивалъ, обыкновенно, своихъ преторовъ и другихъ областныхъ чиновниковъ.

2.

Показывать иногда публичный примѣръ строгости надъ должностными лицами, грабившими народъ, если кто изъ нихъ

особенно сдѣлается извѣстнымъ съ худой стороны, дабы могли думать, что Царь негодуетъ на притѣсненія, дѣлаемыя народу, и такимъ образомъ сваливать всю вину на дурныя свойства его чиновниковъ. Такъ, между прочимъ, поступилъ покойный Царь Иванъ Васильевичъ съ дьякомъ одной изъ своихъ областей, который, кромѣ многихъ другихъ поборовъ и взятокъ, принялъ жаренаго гуся, начиненнаго деньгами. Его вывели на торговую площадь въ Москвѣ, гдѣ Царь, находясь лично, самъ сказалъ рѣчь: „Вотъ, добрые люди, тѣ, которые готовы съѣсть васъ, какъ хлѣбъ, и проч.“; потомъ спросилъ у палачей своихъ, кто изъ нихъ умѣетъ разрѣзать гуся, и приказалъ одному изъ нихъ сначала отрубить у дьяка ноги на половину икръ, потомъ руки выше локтя, все спрашивая его, вкусно ли гусиное мясо, и, наконецъ, отсѣчь голову, дабы онъ совершенно походилъ на жаренаго гуся. Поступокъ этотъ могъ бы служить достаточнымъ примѣромъ правосудія (какъ понимаютъ правосудіе въ Россіи), если бы не имѣлъ въ виду хитрую цѣль прикрыть притѣсненія, дѣлаемыя самимъ Царемъ.

3.

Явно показывать нужду въ случаѣ предстоящей новой значительной подати или налога. Такъ теперешній Царь, Ѳеодоръ Іоанновичъ, поступилъ по совѣту нѣкоторыхъ приближенныхъ въ началѣ своего царствованія, когда, оставшись весьма богатымъ, какъ полагали, послѣ отца, онъ продалъ большую часть своего серебра и перелилъ нѣкоторую часть въ деньги, дабы показать, что нуждается въ нихъ. Вслѣдъ за тѣмъ было объявлено о новомъ налогѣ.

4.

Дозволять подданнымъ отказывать безпрепятственно имущество монастырямъ (что, по суевѣрію, дѣлаютъ весьма многіе, особенно въ духовныхъ завѣщаніяхъ) и вносить туда деньги и пожитки на сбереженіе. Все это дозволено безъ всякаго ограниченія и безусловно, какъ то было прежде и теперь еще про-

должается въ нѣкоторыхъ христіанскихъ государствахъ. Отъ такихъ взносовъ монастыри чрезвычайно обогащаются. Дозволяютъ же это для того, чтобы государственныя суммы хранились всѣ вмѣстѣ и были ближе къ рукамъ, если бы вздумалось взять ихъ, что дѣлается часто и безъ всякой тревоги, потому что монахи охотнѣе готовы отдать какую-либо часть (по мѣрѣ умноженія богатства), нежели лишиться всего вдругъ, а этому они нерѣдко подвергались въ царствованіе послѣдняго Государя.

Съ такою цѣлью покойный Царь Иванъ Васильевичъ прибѣгнулъ къ весьма странной мѣрѣ, которою бы весьма немногіе Государи воспользовались, даже въ особенной крайности. Онъ уступилъ царство одному Великому Князю Симеону, сыну Царя Казанскаго, какъ бы намѣреваясь удалиться отъ всѣхъ общественныхъ дѣлъ и вести покойную частную жизнь. Къ концу года заставилъ онъ новаго Государя отобрать всѣ граматы, жалованныя епископамъ и монастырямъ, коими послѣдніе пользовались уже нѣсколько столѣтій. Всѣ онѣ были уничтожены. Послѣ того, какъ бы недовольный такимъ поступкомъ и дурнымъ правленіемъ новаго Государя, онъ взялъ опять скипетръ и, будто бы въ угодность церкви и духовенству, дозволилъ возобновить граматы, которыя роздалъ уже отъ себя, удерживая и присоединяя къ казнѣ столько земель, сколько ему самому было угодно.

Этимъ способомъ онъ отнялъ у епископій и монастырей (кромѣ земель, присоединенныхъ имъ къ казнѣ) несмѣтное число денегъ: у однихъ 40, у другихъ 50, у иныхъ 100 тысячъ рублей, что было сдѣлано имъ съ цѣлью не только умножить свою казну, но также отстранить дурное мнѣніе объ его жестокомъ правленіи, показавъ примѣръ еще худшаго въ рукахъ другого Царя. Въ этомъ поступкѣ видна вся странность его характера; не взирая на то, что онъ былъ ненавидимъ своими подданными, что самъ зналъ очень хорошо, рѣшился онъ, однако, посадить на свое сѣдло другого, который могъ бы ускакать съ лошадью, оставивъ его пѣшимъ.

5.

Отправлять нарочныхъ въ области или княжества, гдѣ добываются особенныя произведенія, какъ-то: мѣха, воскъ, медъ

и проч., и тамъ забирать и захватывать цѣликомъ какое-либо одно произведеніе, а иногда два или болѣе по дешевымъ цѣнамъ, какія сами назначатъ, и потомъ продавать ихъ по высокой цѣнѣ какъ своимъ, такъ и иноземнымъ купцамъ, а если они будутъ отказываться отъ покупки, то принуждать ихъ къ тому силою.

Точно такъ же поступаютъ, когда какое-либо произведеніе, туземное или иностранное (какъ-то: парча, тонкое сукно и проч.), захваченное Царемъ и принятое въ казну, испортится отъ долгаго лежанія или по другой причинѣ, испорченное принуждаютъ купцовъ покупать волею или неволею, по цѣнѣ, назначенной Царемъ. Въ прошломъ 1589 году былъ забранъ весь воскъ въ государствѣ, такъ что никто не имѣлъ права торговать имъ, кромѣ Царя.

6.

Присвоивать иногда такимъ же образомъ иностранныя произведенія, какъ-то: шелковыя матеріи, сукно, свинецъ, жемчугъ и проч., привозимыя въ государство купцами турецкими, армянскими, бухарскими, польскими, англійскими и другими, и потомъ принуждать своихъ купцовъ покупать эти произведенія у царскихъ чиновниковъ по цѣнѣ, назначенной имъ самимъ.

7.

Обращать на нѣкоторое время въ монополію произведенія, вносимыя въ подать, и возвышать цѣну ихъ, какъ-то: мѣха, хлѣбъ, лѣсъ и проч. Въ продолженіе этого времени никто не можетъ продавать тотъ же товаръ до тѣхъ поръ, пока не распродастся весь товаръ царскій. Такимъ способомъ Царь получаетъ отъ оброчнаго хлѣба и другихъ припасовъ, какъ было сказано выше, около 200,000 рублей или марокъ въ годъ, а отъ оброчнаго лѣса, сѣна и проч., 30,000 рублей или около того.

8.

Въ каждомъ большомъ городѣ устроенъ кабакъ или питейный домъ, гдѣ продается водка, называемая здѣсь русскимъ виномъ, медъ, пиво и проч. Съ нихъ Царь получаетъ оброкъ, простирающійся на значительную сумму: одни платятъ 800, другіе 900, третьи 1.000, а нѣкоторые 2.000 или 3.000 рублей въ годъ. Тамъ, кромѣ низкихъ и безчестныхъ средствъ къ увеличенію казны, совершаются многія самыя низкія преступленія. Бѣдный работникъ и мастеровой часто проматываютъ все имущество жены и дѣтей своихъ. Нѣкоторые оставляютъ въ кабакѣ двадцать, тридцать, сорокъ рублей или болѣе, пьянствуя до тѣхъ поръ, пока всего не истратятъ. И это дѣлаютъ они, по словамъ ихъ, въ честь Господаря, или Царя. Вы нерѣдко увидите людей, которые пропили съ себя все и ходятъ голые (ихъ называютъ нагими). Пока они сидятъ въ кабакѣ, никто и ни подъ какимъ предлогомъ не смѣетъ вызвать ихъ оттуда, потому что этимъ можно помѣшать приращенію царскаго дохода.

9.

Заставлять нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ бояръ или дворянъ, пользующихся довѣріемъ Царя, у коихъ есть въ Москвѣ дома, дѣлать объясненіе, что они ограблены; потомъ посылать за земскими или ольдерменами города и отдавать имъ приказаніе, чтобы они отыскали похищенное; если же оно не найдется, брать или взыскивать съ города за худое ихъ управленіе 8, 9 или 10 тысячъ рублей вдругъ. Это дѣлается весьма часто.

10.

Чтобы показать свое самодержавіе при такихъ поборахъ, они употребляютъ иногда весьма простыя, но довольно странныя уловки. Вотъ какъ, наприм., поступалъ Иванъ Васильевичъ, отецъ нынѣшняго Царя. Онъ отправилъ въ Пермь за

нѣсколькими возами кедроваго дерева, зная, что оно тамъ не растетъ; когда же жители отвѣчали, что не могутъ найти такого дерева, то Царь велѣлъ взыскать съ нихъ 12,000 рублей, какъ будто бы они съ намѣреніемъ его скрываютъ. Въ другой разъ онъ послалъ въ Москву добыть ему колпакъ или мѣру живыхъ блохъ для лекарства. Ему отвѣчали, что этого невозможно исполнить, и если бы даже удалось наловить столько блохъ, то ими нельзя наполнить мѣру, оттого, что онѣ распрыгаются. За это Царь взыскалъ съ нихъ штрафъ, или выбилъ изъ нихъ правежомъ, 7.000 рублей.

Подобной же уловкой отнялъ онъ у своихъ бояръ 30,000 рублей за то, что, отправившись на охоту за зайцами, не изловилъ ничего, какъ будто бы бояре вытравили и перебили всѣхъ зайцевъ, а они, по обыкновенію, тотчасъ обратили этотъ правежъ на мужиковъ или простой народъ. Какъ ни страннымъ долженъ казаться такой забавный способъ грабить бѣдныхъ подданныхъ безъ основательнаго повода, но онъ совершенно согласенъ со свойствами тамошнихъ Царей и съ жалкимъ рабствомъ этого несчастнаго государства. Такіе-то и подобные способы употребляютъ Русскіе Цари для обогащенія казны своей.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

О простомъ или низшемъ классѣ народа въ Россіи.

О состояніи низшаго класса и простого народа можно имѣть нѣкоторое понятіе изъ того, что уже было сказано касательно образа правленія, состоянія дворянства и завѣдыванія областями и главными городами въ государствѣ. Во-первыхъ, о свободѣ ихъ, въ какой мѣрѣ они ею пользуются, можно судить по тому, что они не причислены ни къ какому разряду и не имѣютъ ни голоса, ни мѣста на соборѣ или въ высшемъ земскомъ собраніи, гдѣ утверждаются законы и публичныя постановленія, клонящіяся обыкновенно къ угнетенію простолюдиновъ, ибо остальные два класса, т.-е. дворянство и духовенство, которые имѣютъ голосъ въ такихъ собраніяхъ (хотя далеко не пользуются свободою, необходимою въ общихъ совѣщаніяхъ для блага всего государства, согласно съ значеніемъ и правами каждаго по его званію), довольствуются тѣмъ, чтобы все бремя лежало на простолюдинахъ и что могутъ облегчить сами себя, сваливая все на нихъ. Далѣе, до какого рабскаго состоянія они унижены не только въ отношеніи къ Царю, но и къ боярамъ и вообще дворянамъ, которые и сами суть не что иное, какъ рабы, особливо съ нѣкотораго времени, это можно видѣть изъ собственнаго сознанія ихъ въ просьбахъ и другихъ бумагахъ, подаваемыхъ кому-либо изъ дворянства или высшихъ правительственныхъ лицъ: здѣсь они сами себя называютъ и подписываются холопами, т.-е. ихъ крѣпостными людьми или рабами, такъ точно, какъ, въ свою очередь, дворяне признаютъ себя холопами Царя. Можно поистинѣ сказать, что нѣтъ слуги или раба, который бы болѣе

боялся своего господина, или который бы находился въ большемъ рабствѣ, какъ здѣшній простой народъ, и это вообще, не только въ отношеніи къ Царю, но и къ его дворянству, главнымъ чиновникамъ и всѣмъ военнымъ, такъ что если бѣдный мужикъ встрѣтится съ кѣмъ-либо изъ нихъ на большой дорогѣ, то долженъ отвернуться, какъ бы не смѣя смотрѣть ему въ лицо, и пасть ницъ, ударяя головою о земь, такъ точно, какъ онъ преклоняется предъ изображеніями своихъ святыхъ.

Во-вторыхъ, что касается до земель, движимаго имущества и другой собственности простого народа, то все это принадлежитъ ему только по названію и на самомъ дѣлѣ нисколько не ограждено отъ хищничества и грабежа какъ высшихъ властей, такъ даже и простыхъ дворянъ, чиновниковъ и солдатъ. Кромѣ податей, пошлинъ, конфискацій и другихъ публичныхъ взысканій, налагаемыхъ Царемъ, простой народъ подверженъ такому грабежу и такимъ поборамъ отъ дворянъ, разныхъ властей и царскихъ посыльныхъ по дѣламъ общественнымъ, особенно въ такъ называемыхъ ямахъ и богатыхъ городахъ, что вамъ случается видѣть многіе деревни и города, въ полмили, или въ цѣлую милю длины, совершенно пустые, народъ весь разбѣжался по другимъ мѣстамъ отъ дурного съ нимъ обращенія и насилій. Такъ, по дорогѣ къ Москвѣ, между Вологдою и Ярославлемъ (на разстояніи двухъ девяностыхъ верстъ, по ихъ исчисленію, немного болѣе ста англійскихъ миль) встрѣчается, по крайней мѣрѣ, до пятидесяти деревень, иныя въ полмили, другія въ цѣлую милю длины, совершенно оставленныхъ, такъ что въ нихъ нѣтъ ни одного жителя. То же можно видѣть и во всѣхъ другихъ частяхъ государства, какъ разсказываютъ тѣ, которые путешествовали въ здѣшней странѣ болѣе, нежели сколько дозволили мнѣ это время или случай.

Чрезвычайныя притѣсненія, которымъ подвержены бѣдные простолюдины, лишаютъ ихъ вовсе бодрости заниматься своими промыслами, ибо чѣмъ кто изъ нихъ зажиточнѣе, тѣмъ въ большей находится опасности не только лишиться своего имущества, но и самой жизни. Если же у кого и есть какая собственность, то старается онъ скрыть ее, сколько можетъ, иногда отдавая въ монастырь, а иногда зарывая въ землю и

въ лѣсу, какъ обыкновенно дѣлаютъ при нашествіи непріятельскомъ. Этотъ страхъ простирается въ нихъ до того, что весьма часто можно замѣтить, какъ они пугаются, когда кто изъ бояръ или дворянъ узнаетъ о товарѣ, который они намѣрены продать. Я нерѣдко видалъ, какъ они, разложа товаръ свой (мѣха и т. п.), все оглядывались и смотрѣли на двери, какъ люди, которые боятся, чтобъ ихъ не настигъ и не захватилъ какой-нибудь непріятель. Когда я спросилъ ихъ, для чего они это дѣлали, то узналъ, что они сомнѣвались, не было ли въ числѣ посѣтителей кого-нибудь изъ царскихъ дворянъ или какого сына боярскаго, и чтобъ они не пришли съ своими сообщниками и не взяли у нихъ насильно весь товаръ.

Вотъ почему народъ, хотя вообще способный переносить всякіе труды, предается лѣни и пьянству, не заботясь ни о чемъ болѣе, кромѣ дневного пропитанія. Отъ того же происходитъ, что произведенія, свойственныя Россіи, какъ было сказано выше, какъ-то: воскъ, сало, кожи, ленъ, конопель и проч., добываются и вывозятся за границу въ количествѣ, гораздо меньшемъ противъ прежняго, ибо народъ, будучи стѣсненъ и лишаемъ всего, что пріобрѣтаетъ, теряетъ всякую охоту къ работѣ. Однако, нельзя не замѣтить, что при всемъ этомъ стѣсненіи, еще въ послѣднее время, три брата изъ купцовъ торговали вмѣстѣ однимъ капиталомъ, котораго у нихъ, какъ полагали, было до 300.000 рублей наличными деньгами, кромѣ земель, скота и другого товара. Это отчасти должно приписать ихъ мѣстопребыванію, находящемуся въ дальнемъ разстояніи отъ Двора, именно въ Вычегдѣ, въ 1,000 миляхъ отъ Москвы или даже болѣе. Тѣ, которые знаютъ ихъ лично, подтверждаютъ, что въ продолженіе цѣлаго года у нихъ работали десять тысячъ человѣкъ, занимаясь добываніемъ соли, перевозомъ тяжестей на телѣгахъ и баркахъ, рубкою лѣса и т. п., кромѣ, по меньшей мѣрѣ, 5,000 душъ крестьянъ, жившихъ въ деревняхъ и обрабатывавшихъ землю ихъ.

У нихъ были свои лекаря, хирурги, аптекаря и всякіе ремесленники изъ голландцевъ и другихъ иноземцевъ. Говорятъ, что Царю платили они ежегодно до 23,000 рублей, почему

имъ и дозволено было производить торговлю, и кромѣ того содержали нѣсколько гарнизоновъ на Сибирской границѣ, близкой къ нимъ. Царь былъ доволенъ ихъ податью до тѣхъ поръ, пока они не пріобрѣли землю въ Сибири и не сдѣлали ее удобною къ населенію, истребивъ огнемъ и вырубкой лѣса отъ Вычегды до Перми, на разстояніи 1,000 верстъ: тутъ онъ насильно отнялъ у нихъ все. Зависть и негодованіе на богатство, несогласное съ тамошней политикой, въ чьихъ бы то ни было рукахъ, и въ особенности въ рукахъ мужика, побудили Царя отбирать у нихъ сначала по частямъ, иногда 20,000 рублей вдругъ, иногда болѣе, пока, наконецъ, въ настоящее время сыновья ихъ остались почти безъ капитала, удержавъ только весьма малую часть отцовскаго имущества, между тѣмъ какъ все прочее перешло въ царскую казну. Имена ихъ были: Яковъ, Григорій и Семенъ, сыновья Аники.

Что касается до другихъ качествъ простолюдиновъ, то, хотя и замѣтна въ нихъ нѣкоторая способность къ искусствамъ, какъ можно судить по природному здравому разсудку людей взрослыхъ и самыхъ дѣтей, однако они не отличаются никакимъ даже ремесленнымъ производствомъ, тѣмъ менѣе въ наукахъ или какими-либо свѣдѣніями въ литературѣ, отъ коихъ, такъ точно, какъ и отъ всѣхъ воинственныхъ упражненій, ихъ съ намѣреніемъ стараются отклонить, для того, чтобы легче было удержать ихъ въ томъ рабскомъ состояніи, въ какомъ они теперь находятся, и чтобы они не имѣли ни способности, ни бодрости рѣшиться на какое-либо нововведеніе. Съ тою же цѣлью имъ не дозволяютъ путешествовать, чтобы они не научились чему-нибудь въ чужихъ краяхъ и не ознакомились съ ихъ обычаями. Вы рѣдко встрѣтите русскаго путешественника, развѣ только съ посланникомъ или бѣглаго; но бѣжать отсюда очень трудно, потому что всѣ границы охраняются чрезвычайно бдительно, а наказаніе за подобную попытку, въ случаѣ, если поймаютъ виновнаго, есть смертная казнь и конфискація всего имущества. Учатся только читать и писать, и то весьма немногіе. По той же причинѣ не дозволено у нихъ иностранцамъ пріѣзжать въ ихъ государство изъ какой-либо образованной державы иначе, какъ по торговымъ

сношеніямъ, для сбыта имъ своихъ товаровъ и для полученія чрезъ ихъ руки произведеній чужеземныхъ.

Съ этою цѣлью, въ нынѣшнемъ 1589 году, они разсуждали между собою о переводѣ всѣхъ иностранныхъ купцовъ на постоянное жительство въ пограничные города, и чтобы на будущее время быть осмотрительнѣе относительно прочихъ иностранцевъ, которые будутъ пріѣзжать во внутреннія области государства, дабы они не завезли къ нимъ лучшіе обычаи и свойства, нежели какіе они привыкли видѣть у себя. Для того же самаго установлено законами, чтобы никто не выходилъ изъ своего сословія, такъ что сынъ мужика, ремесленника или земледѣльца остается навсегда мужикомъ, ремесленникомъ и проч. и не можетъ идти далѣе, кромѣ того, что, выучившись читать и писать, достигаетъ до повышенія въ священники или дьяки. Языкъ у нихъ одинаковый съ славянскимъ, который, какъ полагаютъ, скорѣе происходитъ отъ языка русскаго, нежели русскій отъ славянскаго. Извѣстно, что народъ, называемый славянами, получилъ свое начало въ Сарматіи и, вслѣдствіе побѣдъ своихъ, присвоилъ себѣ имя славянъ, т.-е. народа славнаго или знаменитаго, отъ слова слава, которое, на языкахъ русскомъ и славянскомъ, означаетъ то же, что и знаменитость или доблесть; но впослѣдствіи, когда онъ былъ покоренъ разными другими народами, итальянцы, жившіе съ нимъ въ сосѣдствѣ, дали этому слову другое противоположное значеніе, называя склавомъ (Sclave) всякаго слугу или крестьянина, такъ точно, какъ, по той же причинѣ, готы и сирійцы называли такъ римлянъ. Русскія буквы или письмена суть греческія, только отчасти переиначены.

О промыслахъ, пищѣ, одеждѣ и другихъ подобныхъ предметахъ мы будемъ говорить въ особой главѣ, относящейся до частной ихъ жизни. Законъ, обязывающій каждаго оставаться въ томъ состояніи и званіи, въ какомъ жили его предки, весьма хорошо придуманъ для того, чтобы содержать подданныхъ въ рабствѣ, и такъ сообразенъ съ этимъ и подобными ему государствами, чѣмъ менѣе онъ способствуетъ къ укорененію какой-либо добродѣтели или какого-либо особеннаго и замѣчательнаго качества въ дворянахъ или простомъ народѣ,

что никто не можетъ ожидать награды или повышенія, къ которымъ бы могъ стремиться, или же заботиться объ улучшеніи своего состоянія, а, напротивъ, подвергнетъ себя тѣмъ большей опасности, чѣмъ болѣе будетъ отличаться превосходными или благородными качествами.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Объ отправленіи правосудія и судопроизводство по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ.

Судебныя гражданскія мѣста по обязательствамъ и другимъ подобнымъ предметамъ суть трехъ родовъ, такъ что каждое изъ нихъ подчинено другому въ апелляціонномъ порядкѣ. Низшее судебное мѣсто (учрежденное, повидимому, для нѣкотораго облегченія подданныхъ) составляютъ губный староста, имѣющій то же значеніе, что и олдерменъ и сотскій староста, или бэлифъ каждой сохи или сотни, о коихъ я говорилъ выше, въ главѣ объ управленіи областями. Они могутъ рѣшать дѣла между жителями своей сохи или каждой отдѣльной сотни, гдѣ находятся подъ вѣдѣніемъ областныхъ князей и дьяковъ, къ которымъ тяжущіяся стороны могутъ переносить свое дѣло, если губный или сотскій старосты не успѣютъ помирить ихъ.

Второе судебное мѣсто составляютъ въ главныхъ городахъ каждой области или княжества упомянутые прежде князья и дьяки, подчиненные управляющимъ четырехъ Четвертей, какъ было сказано выше. Послѣ ихъ рѣшенія можно еще подавать на апелляцію и переносить дѣло въ высшій судъ, находящійся въ Москвѣ, гдѣ имѣютъ свое пребываніе лица, управляющія четырьмя Четвертями. Вотъ главныя судебныя мѣста или судебныя лица, коихъ вѣдомство простирается на всѣ дѣла гражданскія, возникающія въ каждой отдѣльной Четверти, такимъ образомъ, что можно съ любого изъ нихъ начинать всякое дѣло или же переводить его посредствомъ апелляціи изъ низшихъ судовъ въ высшіе.

Гражданскія дѣла начинаются и производятся у нихъ слѣдующимъ порядкомъ. Во-первыхъ, истецъ подаетъ челобитную,

въ которой онъ объясняетъ предметъ своего иска или причиненную ему обиду. На основаніи этой челобитной ему вручается выпись или приказъ, передаваемый имъ приставу или сержанту, о задержаніи отвѣтчика, который, послѣ того, долженъ представить удостовѣреніе, что онъ явится къ отвѣту въ назначенный день, иначе сержантъ можетъ обезпечить себя такими мѣрами, какія самъ признаетъ нужными.

Сержантовъ много, и они отличаются строгимъ и жестокимъ обращеніемъ съ арестантами, коихъ, обыкновенно, заковываютъ въ такіе тяжелые кандалы, какіе они только въ состояніи вынести, для того, чтобы сорвать съ нихъ большую взятку. Иногда изъ-за какихъ-нибудь шести пенсовъ вы увидите человѣка съ цѣпями на ногахъ, рукахъ и на шеѣ.

Когда тяжущіеся станутъ передъ судьей, проситель начинаетъ объяснять свое дѣло, основываясь на своей челобитной. Что касается до ходатаевъ, консулентовъ, повѣренныхъ и адвокатовъ для того, чтобы защищать вмѣсто истца его дѣло, то здѣсь нѣтъ ничего такого, и каждый обязанъ излагать свой искъ и защищать права свои такъ хорошо, какъ умѣетъ.

Если есть свидѣтели или другія доказательства, то ихъ предъявляютъ судьѣ. За неимѣніемъ ихъ или въ случаѣ неясности дѣла, при равносильныхъ доказательствахъ, судья спрашиваетъ того или другого изъ тяжущихся (кого ему самому вздумается, истца или отвѣтчика), согласенъ ли онъ принять на себя крестное цѣлованіе въ томъ, чѣмъ уличаетъ противника или въ чемъ отпирается. Тотъ, кто вслѣдствіе такого предложенія судьи приметъ на душу крестъ, считается правымъ и выигрываетъ тяжбу. Эта церемонія происходитъ не въ судѣ, но такъ, что истца, который согласится на присягу, одинъ изъ чиновниковъ ведетъ въ церковь, гдѣ она и совершается. Между тѣмъ деньги вѣшаютъ на гвоздь или подъ образомъ, и какъ скоро присягающій поцѣлуетъ крестъ предъ этимъ образомъ, то ему тотчасъ и отдаютъ ихъ.

Такой обрядъ крестнаго цѣлованія равняется у нихъ клятвѣ и почитается столь святымъ дѣломъ, что никто не дерзнетъ его нарушить или осквернить ложнымъ показаніемъ. Если обѣ стороны соглашаются поцѣловать крестъ въ спорномъ дѣлѣ,

то бросаютъ жребій. Тотъ, кому онъ достанется, почитается правымъ и выигрываетъ тяжбу. Сторона, признанная виновною, присуждается къ уплатѣ долга или штрафа и сверхъ того къ уплатѣ царской пошлины, заключающейся въ 20 пенсахъ на каждую марку, какъ было замѣчено выше.

По окончаніи такимъ образомъ дѣла, обвиненный отдается на руки приставу, который имѣетъ на то приказъ изъ суда, для представленія его на правежъ, если онъ не заплатитъ тотчасъ деньги или не удовлетворитъ просителя. Правежомъ называется мѣсто, находящееся близъ суда, гдѣ обвиненныхъ по рѣшенію и отказывающихся платить присужденный предметъ или сумму бьютъ батогами по икрамъ. Каждый день отъ восьми до одиннадцати часовъ утра ихъ ставятъ на правежъ и бьютъ до тѣхъ поръ, пока они не заплатятъ деньги. Все время послѣ полудня и ночью приставъ держитъ ихъ въ кандалахъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые представятъ достаточное обезпеченіе, что будутъ сами являться на правежъ въ назначенный часъ. На правежѣ человѣкъ сорокъ или пятьдесятъ ставятъ въ одинъ рядъ и каждое утро стегаютъ и бьютъ по икрамъ, между тѣмъ какъ они испускаютъ жалобные вопли. Послѣ годичнаго стоянія на правежѣ, если обвиненный не захочетъ или не состояніи удовлетворить кредитора, послѣднему дозволяется закономъ продать жену его и дѣтей, вовсе или на извѣстное число лѣтъ; а если предлагаемая за нихъ сумма недостаточна на полное удовлетвореніе, то онъ самъ можетъ взять ихъ себѣ въ рабы на нѣсколько лѣтъ или навсегда, смотря по количеству долга.

Спорныя дѣла, не утверждающіяся на прямыхъ доказательствахъ или основанныя на предположеніяхъ и обстоятельствахъ, которыя должны быть взвѣшены судьею, тянутся весьма долго и доставляютъ большія выгоды какъ судьѣ, такъ и прочимъ должностнымъ лицамъ. Напротивъ, дѣла, возникающія на основаніи записей или письменныхъ обязательствъ, рѣшаются у нихъ, большею частью, удовлетворительно и скоро. Эти записи или письменныя обязательства составляются весьма просто, именно такимъ образомъ: „се язъ Иванъ Васильевъ сынъ занялъ есми у Аѳонасья Дементьева сына сто рублевъ денегъ

московскихъ ходячихъ, отъ Крещенія до Сборнаго воскресенья, безъ росту. А полягутъ денги по сроцѣ, и мнѣ ему давати ростъ, по росчету, какъ ходитъ въ людѣхъ, на пять шестой. А на то послуси: Никита Сидоровъ сынъ и проч. А кабалу писалъ Гаврилко Яковлевъ сынъ, лѣта 7096". Свидѣтели и должникъ (если умѣютъ писать) означаютъ имена свои собственноручно на оборотѣ записи; другихъ же удостовѣрительныхъ знаковъ или печатей у нихъ не употребляется.

Если кто попадется въ какомъ-либо преступленіи (какъ-то: измѣнѣ, убійствѣ, воровствѣ и т. п.), то, прежде всего, приводятъ его къ князю и дьяку той области, гдѣ онъ числится, для допроса. Допросъ въ подобныхъ случаяхъ производится, обыкновенно, посредствомъ истязаній, что называется пыткой, состоящихъ въ томъ, что преступника бьютъ кнутьями, сдѣланными изъ ремней или бѣлой кожи, шириною въ палецъ, такъ что каждый ударъ производитъ рану, врѣзываясь въ тѣло, или привязываютъ къ вертелу и жарятъ на огнѣ, иногда же ломаютъ и вывертываютъ у него какой-либо членъ раскаленными щипцами, разрѣзываютъ тѣло подъ ногтями и т. п.

Сдѣланный такимъ образомъ допросъ, вмѣстѣ съ доказательствами и уликами, какія найдутся противъ обвиняемаго, отсылается въ Москву къ управляющему тою Четвертью, подъ вѣдѣніемъ коей состоитъ область, а онъ представляетъ его на разсмотрѣніе и рѣшеніе Думы, гдѣ только и могутъ быть окончательно рѣшаемы дѣла, относящіяся до жизни и смерти. Въ этомъ случаѣ считаютъ достаточнымъ однѣхъ уликъ, излагаемыхъ въ дѣлѣ, хотя сами члены Думы никогда не видали и не допрашивали обвиняемаго, который между тѣмъ содержится въ тюрьмѣ того мѣста, гдѣ совершено преступленіе, и никогда не пересылается туда, гдѣ рѣшается самое дѣло. Если подсудимаго найдутъ дѣйствительно виновнымъ, то приговариваютъ его къ смертной казни, смотря по роду преступленія, и управляющій Четвертью отсылаетъ этотъ приговоръ къ князю и дьяку для приведенія его въ исполненіе. Преступника везутъ на мѣсто казни съ связанными руками и съ зажженною восковою свѣчою, которую онъ держитъ между пальцами.

Различные виды употребляемой у нихъ смертной казни

суть: повѣшеніе, обезглавленіе, умерщвленіе ударомъ въ голову, утопленіе, погруженіе зимою подъ ледъ, сажаніе на колъ и т. п. Но большею частью преступниковъ, приговоренныхъ къ смерти лѣтомъ, не казнятъ до зимы: тогда убиваютъ ихъ ударомъ въ голову и пускаютъ подъ ледъ. Это, разумѣется, о простолюдинахъ. Что же касается до лицъ дворянскаго сословія, если кто изъ нихъ обкрадетъ или убьетъ бѣднаго мужика, то ихъ не такъ, легко наказываютъ или даже вовсе не призываютъ къ отвѣту. Причина та, что простолюдиновъ почитаютъ ихъ холопами, или крѣпостными рабами. Если какой-либо сынъ боярскій, или дворянинъ военнаго званія, совершитъ убійство или что украдетъ, то иногда посадятъ его въ тюрьму, по усмотрѣнію Царя; но если уже слишкомъ извѣстно, какимъ образомъ сдѣлано имъ преступленіе, то его, можетъ быть, высѣкутъ, и этимъ обыкновенно ограничивается все наказаніе.

Когда кто убьетъ своего человѣка, то весьма мало за него отвѣчаетъ или вовсе не считается виновнымъ по той же причинѣ, что слуга признается холопомъ или крѣпостнымъ, надъ жизнью котораго господинъ имѣетъ полную власть. Самое большое наказаніе за подобный поступокъ состоитъ въ какой-нибудь незначительной пенѣ въ пользу Царя, если преступникъ богатъ, такъ что судъ имѣетъ дѣло скорѣе съ кошелькомъ, нежели съ противозаконнымъ дѣйствіемъ. Письменныхъ законовъ у нихъ нѣтъ, кромѣ одной небольшой книги, въ коей опредѣляются время и образъ засѣданій въ судебныхъ мѣстахъ, порядокъ судопроизводства и другія тому подобныя судебныя формы и обстоятельства, но нѣтъ вовсе правилъ, какими могли бы руководствоваться судьи, чтобы признать самое дѣло правымъ или неправымъ. Единственный у нихъ законъ есть законъ изустный, т.-е. воля Царя, судей и другихъ должностныхъ лицъ. Все это показываетъ жалкое состояніе несчастнаго народа, который долженъ признавать источникомъ своихъ законовъ и блюстителями правосудія тѣхъ, противъ коихъ несправедливости и крайняго угнетенія ему бы необходимо было имѣть значительное количество хорошихъ и строгихъ законовъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

О военной силѣ, главныхъ военачальникахъ и жалованьѣ ихъ.

Военные въ Россіи называются дѣтьми боярскими или сыновьями дворянъ, потому что всѣ они принадлежатъ къ этому сословію, будучи обязаны къ военной службѣ по самому своему званію. Въ самомъ дѣлѣ, каждый воинъ въ Россіи есть дворянинъ, и нѣтъ иныхъ дворянъ, кромѣ военныхъ, на коихъ такая обязанность переходитъ по наслѣдству отъ предковъ, такъ что сынъ дворянина, рожденный воиномъ, всегда остается дворяниномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ воиномъ и не занимается ничѣмъ другимъ, кромѣ военной службы. Какъ скоро они достигаютъ того возраста, когда въ состояніи носить оружіе, то являются въ Разрядъ или къ великому констаблю и объявляютъ о себѣ; имена ихъ тотчасъ вносятъ въ книгу, и имъ даютъ извѣстныя земли для исправленія ихъ должности, обыкновенно, тѣ же самыя, какія принадлежали ихъ отцамъ, оттого, что земли, опредѣленныя на содержаніе войска, владѣніе коими условливается этою повинностью, все однѣ и тѣ же, безъ малѣйшаго увеличенія или уменьшенія. Но если Царю покажется достаточнымъ число лицъ, состоящихъ на такомъ жалованьѣ (ибо всѣ земли на всемъ пространствѣ государства уже заняты), то часто ихъ распускаютъ, и они не получаютъ ничего, кромѣ небольшого участка земли, раздѣленнаго на двѣ доли. Такое распоряженіе производитъ большіе безпорядки. Если у кого изъ военныхъ много дѣтей, и только одинъ сынъ получаетъ содержаніе отъ Царя, то остальные, не имѣя ничего, принуждены добывать себѣ пропитаніе несправедливыми

и дурными средствами, ко вреду и угнетенію мужиковъ, или простого народа. Это неудобство происходитъ вслѣдствіе того, что военныя силы государства содержатся на основаніи неизмѣннаго наслѣдственнаго порядка. Число войска, получающаго постоянное жалованье, слѣдующее: во-первыхъ, дворянъ, т.-е. окладныхъ или Царскихъ тѣлохранителей, считается до 15,000 всадниковъ съ ихъ начальниками, которые всегда должны быть въ готовности на службу.

Эти 15,000 всадниковъ раздѣляются на три разряда или степени, отличныя одна отъ другой какъ по значенію, такъ и по жалованью. Первый разрядъ составляютъ такъ называемые дворяне большіе или полкъ главныхъ окладныхъ, изъ коихъ одни получаютъ сто, другіе восемьдесятъ рублей въ годъ, и ни одинъ менѣе семидесяти. Второй разрядъ составляютъ середніе дворяне или вторые по количеству ихъ оклада. Дворянамъ этого разряда уплачиваются по шестидесяти или пятидесяти рублей въ годъ, и никому менѣе сорока. Къ третьему или низшему разряду принадлежатъ дѣти боярскія, самые послѣдніе по окладу. Изъ нихъ тѣ, коимъ дается наибольшее жалованье, получаютъ тридцать рублей въ годъ, а другіе только двадцать пять или двадцать, но никто менѣе двѣнадцати. Половина жалованья выдается имъ въ Москвѣ, другую же получаютъ они въ полѣ отъ главнаго военачальника, если бываютъ въ походѣ и участвуютъ въ военныхъ дѣйствіяхъ. Сумма всего выдаваемаго имъ годового жалованья, когда оно уплачивается имъ вполнѣ, простирается до 55.000 рублей.

Такое денежное жалованье получаютъ они сверхъ земель, приписанныхъ къ каждому изъ нихъ, какъ къ старшимъ, такъ и къ младшимъ, сообразно степенямъ. Тотъ, кто имѣетъ наименѣе земли, получаетъ еще двадцать рублей или марокъ въ годъ. Кромѣ этихъ 15.000 отборныхъ всадниковъ, находящихся при особѣ Государя, когда онъ самъ бываетъ на войнѣ, подобно римскимъ оруженосцамъ, называвшимся преторіанцами, Царь избираетъ еще 110 человѣкъ изъ дворянъ, наиболѣе знаменитыхъ по происхожденію и пользующихся его особенною довѣренностью. Въ списокъ ихъ вносятся имена тѣхъ, которые въ совокупности могутъ выставить отъ себя, въ случаѣ войны, до

65,000 всадниковъ, со всѣми необходимыми военными снарядами, по русскому обычаю, для чего они ежегодно получаютъ отъ Царя, собственно на себя и на ихъ отряды, около 40,000 рублей. Эти 65,000 человѣкъ должны каждый годъ отправляться въ походъ на границу къ землѣ крымскихъ татаръ (когда не получатъ иного назначенія), все равно, есть ли война съ татарами или нѣтъ. Повидимому, сосредоточеніе столь значительныхъ силъ подъ начальствомъ дворянъ ежегодно въ одномъ извѣстномъ мѣстѣ можетъ быть опасно для государства, но это дѣлается такъ, что Царю нечего бояться ни за себя, ни за свои владѣнія по слѣдующимъ причинамъ: во-1-хъ, потому, что дворянъ этихъ много, именно, 110 человѣкъ, и всѣ они смѣняются Царемъ такъ часто, какъ ему вздумается; во-2-хъ, они получаютъ все содержаніе отъ Царя, а сами по себѣ имѣютъ весьма ограниченный доходъ, притомъ выдаваемые имъ ежегодно 40,000 рублей они къ сроку должны немедленно уплачивать находящемуся подъ ними войску; въ-3-хъ, большею частью они находятся при особѣ Царя, принадлежа къ его Думѣ или вообще къ числу его совѣтниковъ въ пространномъ значеніи; въ-4-хъ, они болѣе походятъ на плательщиковъ, нежели на военачальниковъ, потому что сами никогда не ходятъ на войну, кромѣ тѣхъ, кто получитъ на то особое приказаніе отъ самого Царя. Такимъ образомъ, число всадниковъ, находящихся всегда въ готовности и получающихъ постоянное жалованье, простирается до 80,000 человѣкъ, не сполна, или же нѣсколько болѣе.

Если встрѣтится надобность въ большемъ числѣ войска (что, впрочемъ, рѣдко случается), то Царь беретъ на службу боярскихъ дѣтей, не получающихъ жалованья, сколько ему нужно, а если и ихъ недостаточно, то даетъ приказаніе дворянамъ, коимъ пожалованы имъ помѣстья, выставить каждому въ поле соразмѣрное число рабовъ, называемыхъ холопами и обрабатывающихъ землю, со всею аммуниціею, смотря по количеству всего набираемаго войска. Эти ратники по окончаніи службы немедленно снимаютъ съ себя оружіе и возвращаются къ своимъ прежнимъ рабскимъ занятіямъ.

Пѣхоты, получающей постоянное жалованье, Царь содержитъ до 12,000 человѣкъ, называемыхъ стрѣльцами. Изъ нихъ 5,000 должны находиться въ Москвѣ или въ иномъ мѣстѣ, гдѣ бы ни имѣлъ пребываніе Царь, и 2,000, называемые стремянными стрѣльцами, при самой его особѣ, принадлежа къ дворцу или дому, гдѣ онъ живетъ. Прочіе размѣщены въ укрѣпленныхъ городахъ, гдѣ остаются до тѣхъ поръ, пока не понадобится отправить ихъ въ походъ. Каждый изъ нихъ получаетъ жалованья по семи рублей въ годъ, сверхъ двѣнадцати мѣръ ржи и столько же овса. Наемныхъ солдатъ изъ иностранцевъ, коихъ называютъ нѣмцами, у нихъ въ настоящее время 4,300 человѣкъ, именно: поляковъ, т.-е. черкесъ (подвластныхъ полякамъ), около 4,000, изъ коихъ 3,500 размѣщены по крѣпостямъ; голландцевъ и шотландцевъ около 150; грековъ, турокъ, датчанъ и шведовъ, составляющихъ одинъ отрядъ, въ числѣ 100 человѣкъ или около того. Послѣднихъ употребляютъ только на границѣ, смежной съ татарами, и противъ сибиряковъ, а татаръ (коихъ иногда нанимаютъ, но только на время), наоборотъ, противъ поляковъ и шведовъ, почитая благоразумнѣйшею мѣрою употреблять ихъ на противоположной границѣ.

Главные начальники или полководцы этихъ войскъ, по названію ихъ и степенямъ, суть слѣдующіе. Во-первыхъ, большой воевода, т.-е. старшій военачальникъ или генералъ-лейтенантъ, подчиненный прямо Царю. Обыкновенно онъ избирается изъ четырехъ главныхъ дворянскихъ домовъ въ государствѣ, впрочемъ, такъ, что выборъ дѣлается не по степени храбрости или опытности въ дѣлахъ воинскихъ, а, напротивъ, считаютъ вполнѣ достойнымъ этой должности того, кто пользуется особеннымъ значеніемъ по знатности своего рода и вслѣдствіе этого расположеніемъ войска, хотя бы ничѣмъ болѣе не отличался. Стараются даже, чтобы эти оба достоинства, т.-е. знатность происхожденія и власть, никакъ не соединялись въ одномъ лицѣ, особенно если въ немъ замѣтятъ умъ или способность къ дѣламъ государственнымъ.

Большимъ воеводою, или генераломъ, бываетъ теперь, обыкновенно, въ случаѣ войны, одинъ изъ слѣдующихъ четырехъ: Князь Ѳеодоръ Ивановичъ Мстиславскій, Князь Иванъ Михайловичъ

Глинскій, Черкасскій и Трубецкой. Всѣ они знатны родомъ, но не отличаются никакими особенными качествами, и только Глинскій, какъ говорятъ, обладаетъ нѣсколько лучшими дарованіями. Чтобъ замѣнить этотъ недостатокъ воеводы или генерала, къ нему присоединяютъ другого, также въ качествѣ генералъ-лейтенанта, далеко не столь знатнаго родомъ, но болѣе замѣчательнаго по храбрости и опытности въ ратномъ дѣлѣ, такъ что онъ распоряжается всѣмъ съ одобренія перваго. Теперь главный у нихъ мужъ, наиболѣе употребляемый въ военное время, нѣкто Князь Дмитрій Ивановичъ Хворостининъ, старый и опытный воинъ, оказавшій, какъ говорятъ, большія услуги въ войнахъ съ татарами и поляками. Подъ воеводою и его генералъ-лейтенантомъ находятся еще четверо другихъ, которые командуютъ всею арміею, раздѣленною между ними, и могутъ быть названы генералъ-маіорами.

Каждый изъ четырехъ послѣднихъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи свою четверть, или четвертую часть, изъ коихъ первая называется правымъ полкомъ или правымъ крыломъ, вторая лѣвымъ полкомъ или лѣвымъ крыломъ, третья ручнымъ (Rusnoy) полкомъ или разъединяемымъ отрядомъ, потому что отсюда посылаются отдѣльныя лица для внезапныхъ нападеній, выручки или подкрѣпленія, смотря по обстоятельствамъ; наконецъ, четвертая называется сторожевымъ полкомъ или охраннымъ отрядомъ. Каждый изъ четырехъ генералъ-маіоровъ имѣетъ при себѣ двухъ товарищей (всѣхъ ихъ восемь), которые, по крайней мѣрѣ, два раза въ недѣлю должны дѣлать смотръ и ученіе своимъ отдѣльнымъ полкамъ или отрядамъ, также судить ихъ за всѣ проступки и безпорядки, происходящіе въ лагерѣ.

Эти восемь человѣкъ, обыкновенно, избираются изъ числа 110, о коихъ я говорилъ выше, получающихъ жалованье и раздающихъ его солдатамъ. Подъ ними находятся разные другіе начальники, какъ-то: головы, командующіе отрядами, состоящими изъ тысячи, пятисотъ и ста человѣкъ, пятидесятскіе или начальники пятидесяти, и десятскіе или начальники десяти человѣкъ.

Кромѣ воеводы или главнаго военачальника, о которомъ я говорилъ выше, есть у нихъ еще двое, носящіе названіе воеводъ, изъ коихъ одинъ главный надъ артиллеріею, называемый нарядньмъ воеводою, который имѣетъ подъ собою нѣсколько другихъ начальниковъ, необходимыхъ для тамого рода службы. Другой называется гулевымъ воеводою или разъѣзднымъ начальникомъ, подъ вѣдѣніемъ коего находится 1,000 отборныхъ всадниковъ, для разъѣздовъ и шпіонства; въ его распоряженіе отданъ подвижной городокъ, о которомъ мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ. Всѣ эти начальники и должностныя лица обязаны являться одинъ разъ въ день къ большому воеводѣ или главному военачальнику для полученія его приказаній и донесенія ему о разныхъ предметахъ, относящихся до службы.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

О сборѣ войскъ, вооруженіи и продовольствіи въ военное время.

Когда предстоитъ война, которая бываетъ каждый годъ съ татарами и часто съ поляками и шведами, начальники четырехъ Четвертей именемъ Царя разсылаютъ повѣстки ко всѣмъ областнымъ князьямъ и дьякамъ, для объявленія въ главныхъ городахъ каждой области, чтобы всѣ дѣти боярскіе, или сыновья дворянъ, являлись на службу на такую-то границу, въ такое-то мѣсто и въ такой-то день и тамъ представлялись бы такимъ и такимъ начальникамъ. Какъ скоро они являются на мѣсто, назначенное въ повѣсткахъ или объявленіяхъ, имена ихъ отбираются извѣстными лицами, опредѣленными къ тому Разрядомъ или главнымъ констаблемъ, въ качествѣ писцовъ отдѣльныхъ отрядовъ. Если кто изъ нихъ въ назначенный день не явится, то подвергается штрафу и строгому наказанію. Что касается до предводителя войска и другихъ главныхъ начальниковъ, то они посылаются на мѣсто самимъ Царемъ, съ такимъ порученіемъ и приказаніемъ, какія онъ самъ сочтетъ полезными для предстоящей службы. Когда соберется все войско, то распредѣляется оно на отряды или партіи, состоящіе изъ десяти, пятидесяти, ста, тысячи человѣкъ и проч., каждый отрядъ подъ своимъ начальникомъ, а изъ всѣхъ этихъ отрядовъ составляется четыре полка, или легіона (однако, гораздо многочисленнѣе легіоновъ римскихъ) подъ начальствомъ четырехъ предводителей, имѣющихъ значеніе генералъ-маіоровъ, какъ было сказано выше.

Вооруженіе ратниковъ весьма легкое. У простого всадника

нѣтъ ничего, кромѣ колчана съ стрѣлами подъ правою рукою и лука съ мечомъ на лѣвомъ боку, за исключеніемъ весьма немногихъ, которые берутъ съ собою сумы съ кинжалами, или дротикъ, или небольшое копье, висящее на боку лошади; но ближайшіе начальники ихъ имѣютъ при себѣ еще другое вооруженіе, какъ-то: латы или нѣчто подобное. У военачальника и другихъ главныхъ предводителей и знатныхъ лицъ лошади покрыты богатою сбруею, сѣдла изъ золотой парчи, узды также роскошно убраны золотомъ, съ шелковою бахромою и унизаны жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; сами они въ щегольской бронѣ, называемой булатной, изъ прекрасной блестящей стали, сверхъ которой обыкновенно надѣваютъ еще одежду изъ золотой парчи съ горностаевой опушкою; на головѣ у нихъ дорогой стальной шлемъ, съ боку мечъ, лукъ и стрѣлы, въ рукѣ копье съ прекраснымъ нарукавникомъ, и передъ ними везутъ шестоперъ или начальническій жезлъ. Ихъ сабли, луки и стрѣлы похожи на турецкіе. Убѣгая или отступая, стрѣляютъ они такъ же, какъ татары, и впередъ и назадъ.

Стрѣльцы, составляющіе пѣхоту, не носятъ никакого оружія, кромѣ самопала въ рукѣ, бердыша на спинѣ и меча сбоку. Стволъ ихъ самопала не такой, какъ у солдатскаго ружья, но гладкій и прямой, нѣсколько похожій на стволъ охотничьяго ружья; отдѣлка ложа очень груба и неискусна, и самопалъ весьма тяжелъ, хотя стрѣляютъ изъ него очень небольшою пулею.

Что касается до съѣстныхъ припасовъ, то Царь не даетъ никакого продовольствія ни начальникамъ, ни нижнимъ чинамъ, и ничего никому не отпускаетъ, кромѣ какъ иногда нѣкотораго количества хлѣба, и то на ихъ же деньги. Каждый обязанъ имѣть съ собою провіантъ на четыре мѣсяца и въ случаѣ недостатка можетъ приказать, чтобы добавочные припасы были ему привезены въ лагерь отъ того, кто обрабатываетъ его землю, или изъ другого мѣста. Много помогаетъ имъ то, что въ отношеніи жилища и пищи каждый русскій заранѣе приготовляется быть воиномъ, хотя главные начальники и другія значительныя лица возятъ съ собою палатки, похожія на наши, и имѣютъ у себя нѣсколько лучшіе запасы. Въ по-

ходъ они, обыкновенно, берутъ сушеный хлѣбъ, называемый сухарями, и нѣсколько муки, которую мѣшаютъ съ водою и такимъ образомъ дѣлаютъ небольшой комокъ тѣста, что называютъ толокномъ и ѣдятъ сырое вмѣсто хлѣба. Изъ мясного употребляютъ они въ пищу ветчину, или другое сушеное мясо, или рыбу, приготовленныя на манеръ голландскій. Если бы русскій солдатъ съ такою же твердостью духа исполнялъ тѣ или другія предпріятія, съ какою онъ переноситъ нужду и трудъ, или столько же былъ бы способенъ и навыченъ къ войнѣ, сколько равнодушенъ съ своему помѣщенію и пищѣ, то далеко превзошелъ бы нашихъ солдатъ, тогда какъ теперь много уступаетъ имъ и въ храбрости, и въ самомъ исполненіи военныхъ обязанностей. Это происходитъ частью отъ его рабскаго состоянія, которое не дозволяетъ развиться въ немъ сколько-нибудь значительной храбрости или доблестямъ, а частью отъ недостатка въ почестяхъ и наградахъ, на которыя ему нѣтъ никакой надежды, какую бы услугу онъ ни оказалъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

О походахъ, нападеніи и другихъ военныхъ дѣйствіяхъ.

Русскій Царь надѣется болѣе на число, нежели на храбрость своихъ воиновъ или на хорошее устройство своихъ силъ. Войско идетъ, или ведутъ его, безъ всякаго порядка, за исключеніемъ того, что четыре полка или легіона, на которые оно раздѣляется, находятся каждый у своего знамени, и такимъ образомъ всѣ вдругъ, смѣшанною толпою, бросаются впередъ по командѣ генерала. Знамя у нихъ съ изображеніемъ Св. Георгія. Большіе дворяне или старшіе всадники привязываютъ къ своимъ сѣдламъ по небольшому мѣдному барабану, въ который они бьютъ, отдавая приказаніе или устремляясь на непріятеля.

Кромѣ того, у нихъ есть барабаны большого размѣра, которые возятъ на доскѣ, положенной на четырехъ лошадяхъ. Этихъ лошадей связываютъ цѣпями, и къ каждому барабану приставляется по восьми барабанщиковъ. Есть у нихъ также трубы, которыя издаютъ дикіе звуки, совершенно различные отъ нашихъ трубъ. Когда они начинаютъ дѣло или наступаютъ на непріятеля, то вскрикиваютъ при этомъ всѣ за одинъ разъ такъ громко, какъ только могутъ, что вмѣстѣ съ звукомъ трубъ и барабановъ производитъ дикій, страшный шумъ. Въ сраженіи они прежде всего пускаютъ стрѣлы, потомъ дѣйствуютъ мечами, размахивая ими хвастливо надъ головами, прежде нежели доходятъ до ударовъ.

Пѣхоту (которою въ противномъ случаѣ надлежало бы

командовать въ порядкѣ) обыкновенно помѣщаютъ въ какой-нибудь засадѣ или удобномъ мѣстѣ, откуда бы она могла болѣе вредить непріятелю, съ меньшею опасностью для себя. Въ войнѣ оборонительной или въ случаѣ сильнаго нападенія татаръ на русскую границу, войско сажаютъ въ походную или подвижную крѣпость, называемую Вежа или Гуляй-городъ, которая возится при немъ подъ начальствомъ воеводы гулевого (или разъѣзднаго генерала), о которомъ я говорилъ прежде. Эта походная или подвижная крѣпость такъ устроена, что, смотря по надобности, можетъ быть растянута въ длину на одну, двѣ, три, четыре, пять, шесть или семь миль, именно на сколько ея станетъ. Она заключается въ двойной деревянной стѣнѣ, защищающей солдатъ съ обѣихъ сторонъ, какъ съ тылу, такъ и спереди, съ пространствомъ около трехъ ярдовъ между той и другой стѣной, гдѣ они могутъ не только помѣщаться, но также имѣютъ довольно мѣста, чтобъ заряжать свои огнестрѣльныя орудія и производить изъ нихъ пальбу, равно какъ и дѣйствовать всякимъ другимъ оружіемъ. Стѣны крѣпости смыкаются на обоихъ концахъ и снабжены съ каждой стороны отверстіями, въ которыя выставляется дуло ружья или какое-либо другое оружіе. Ее возятъ вслѣдъ за войскомъ, куда бы оно ни отправлялось, разобравъ на составныя части и разложивъ ихъ на телѣги, привязанныя одна къ другой и запряженныя лошадьми, коихъ, однако, не видно, потому что онѣ закрыты поклажей, какъ бы навѣсомъ. Когда привезутъ ее на мѣсто, гдѣ она должна быть поставлена, которое заранѣе избираетъ и назначаетъ гулевой воевода, то раскидываютъ, по мѣрѣ надобности, иногда на одну, иногда на двѣ, а иногда и на три мили или болѣе. Ставятъ ее очень скоро, не нуждаясь притомъ ни въ плотникѣ, ни въ какомъ-либо инструментѣ, ибо отдѣльныя доски такъ сдѣланы, чтобы прилаживать ихъ одну къ другой, что не трудно понять тѣмъ, коимъ извѣстно, какимъ образомъ производятся всѣ постройки у русскихъ.

Эта крѣпость представляетъ стрѣляющимъ хорошую защиту противъ непріятеля, особенно противъ татаръ, которые не берутъ съ собою въ поле ни пушекъ, ни другихъ орудій, кромѣ меча, лука и стрѣлъ. Внутри крѣпости ставятъ даже нѣсколько

полевыхъ пушекъ, изъ коихъ стрѣляютъ, смотря по надобности. Такихъ пушекъ они берутъ съ собою очень немного, когда воюютъ съ татарами; но въ войнѣ съ поляками, коихъ силы у нихъ на лучшемъ счету, запасаются орудіями всякаго рода и другими нужными предметами. Полагаютъ, что ни одинъ изъ христіанскихъ государей не имѣетъ такого хорошаго запаса военныхъ снарядовъ, какъ Русскій Царь, чему отчасти можетъ служить подтвержденіемъ Оружейная Палата въ Москвѣ, гдѣ стоятъ въ огромномъ количествѣ всякаго рода пушки, всѣ литыя изъ мѣди и весьма красивыя.

Русскій солдатъ, по общему мнѣнію, лучше защищается въ крѣпости или городѣ, нежели сражается въ открытомъ полѣ. Это замѣчено во всѣхъ войнахъ, и именно при осадѣ Пскова, за восемь лѣтъ тому назадъ, гдѣ Польскій король Стефанъ Баторій былъ отраженъ со всею его арміею, состоявшею изъ 100.000 человѣкъ, и принужденъ, наконецъ, снять осаду, потерявъ многихъ изъ лучшихъ своихъ вождей и солдатъ. Но въ открытомъ полѣ поляки и шведы всегда берутъ верхъ надъ русскими.

Тому, кто отличится храбростью передъ другими или окажетъ какую-либо особенную услугу, Царь посылаетъ золотой, съ изображеніемъ св. Георгія на конѣ, который носятъ на рукавахъ или шапкѣ, и это почитается самою большою почестью, какую только можно получить за какую бы то ни было услугу.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

О пріобрѣтеніяхъ и способѣ удерживать въ подчиненіи завоеванныя области.

Русскіе Цари въ послѣдніе годы весьма много распространили предѣлы своихъ владѣній. Подчинивъ себѣ княжество Московское (ибо до этого времени, какъ сказано выше, они были только князьями Владимірскими), прежде всего овладѣли они какъ самимъ Новгородомъ, такъ и его областью на западъ и сѣверо-западъ, чѣмъ значительно увеличили свои владѣнія и усилили свои средства для покоренія другихъ областей. Это было совершено Иваномъ, прадѣдомъ нынѣшняго Царя, Ѳеодора, около 1480 года. Онъ же началъ воевать съ Литвою и Ливоніею, но покореніе этихъ странъ, начатое имъ только нападеніемъ на нѣкоторыя ихъ части, продолжалъ и довершилъ сынъ его, Василій, покорившій сперва городъ Псковъ съ его областью, потомъ городъ Смоленскъ, также съ областью, и многіе другіе значительные города, съ принадлежавшимъ къ нимъ обширнымъ пространствомъ земли, около 1514 года. Побѣды эти, одержанныя имъ надъ леттами или литовцами въ то время, когда княземъ у нихъ былъ Александръ, онъ доконч
илъ скорѣе съ помощью внутреннихъ раздоровъ и измѣны нѣкоторыхъ изъ самихъ туземцевъ, нежели посредствомъ какой-либо особенной политики или собственною силою. Но всѣ завоеванія были утрачены сыномъ его, Иваномъ Васильевичемъ, за восемь или девять лѣтъ тому назадъ, по договору съ Польскимъ королемъ, Стефаномъ Баторіемъ, къ которому онъ принужденъ былъ превосходствомъ поляковъ, вслѣдствіе одержанной надъ нимъ побѣды, и внутренними раздорами въ своемъ госу-

дарствѣ. Несмотря на то, въ настоящее время Русскій Царь только съ этой стороны оставилъ имъ владѣнія ихъ, именно: города Смоленскъ, Витебскъ, Черниговъ и Бѣлгородъ въ Литвѣ; въ Ливоніи же нѣтъ у нихъ ни одного города, ни даже пяди земли.

Въ то время, когда Василій завоевалъ сначала эти земли, онъ дозволилъ туземцамъ удержать за собою ихъ владѣнія и жить во всѣхъ ихъ городахъ, съ тѣмъ только, чтобы они платили ему подать, находясь подъ управленіемъ русскихъ воеводъ. Но заговоры и бунты, открывшіеся вскорѣ послѣ того, заставили его поступить съ ними рѣшительнѣе. Итакъ, предпринявъ противъ нихъ вторичный походъ, онъ перебилъ и увезъ съ собою три части жителей изъ четырехъ, коихъ послѣ того отдалъ или продалъ татарамъ, служившимъ ему на войнѣ, а вмѣсто ихъ поселилъ столько своихъ русскихъ, сколько могло быть достаточнымъ для усиленія оставшихся туземцевъ вмѣстѣ съ его же военными гарнизонами. Несмотря, однако, на это, Царь сдѣлалъ ошибку въ томъ, что, взявъ отсюда простой народъ, который долженъ бы обрабатывать землю и очень легко и безъ всякой опасности могъ бы содержаться въ повиновеніи другими лучшими средствами, былъ послѣ того принужденъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, кормить эту страну (особенно большіе города) изъ доходовъ своихъ собственныхъ владѣній въ Россіи, оттого, что земля оставалась пустою и необработанною.

То же самое случилось съ пристанью Нарвою въ Ливоніи, гдѣ сынъ его, Иванъ Васильевичъ, для того, чтобы держать въ повиновеніи городъ и самую область, построилъ на другой сторонѣ рѣки городъ съ крѣпостью, названный Иваньгородъ. Крѣпость онъ велѣлъ сдѣлать такъ прочно и такъ оградить, что ее считали неприступною; послѣ же того, какъ она была окончена, въ награду архитектору, который былъ родомъ полякъ, велѣлъ ему выколоть ему оба глаза, чтобы онъ не могъ выстроить другой подобной крѣпости. Но какъ всѣхъ тамошнихъ жителей Царь оставилъ на прежнемъ мѣстѣ, не уменьшивъ ихъ количества или силы, то городъ и крѣпость вскорѣ послѣ того были переданы во владѣніе короля Шведскаго.

На юго-восточной сторонѣ они пріобрѣли царство Казанское и Астраханское, завоеванныя у татаръ покойнымъ Царемъ Иваномъ Васильевичемъ, отцомъ нынѣшняго Государя, первое лѣтъ за 35, а другое за 33 года тому назадъ. На сѣверъ къ Сибири принадлежитъ Царю весьма широкое и длинное пространство земли, отъ Вычегды до рѣки Оби, съ количествомъ около 1,000 миль, такъ что онъ величаетъ себя теперь Повелителемъ всея Сибирскія земли.

Области Пермь и Печора, населенныя народомъ, совершенно отличнымъ отъ русскихъ и говорящимъ другимъ языкомъ, покорены также въ недавнее время, и то болѣе страхомъ и грозою меча, нежели дѣйствительною силою, такъ какъ это народъ слабый и бѣдный, не имѣющій никакихъ средствъ къ защитѣ.

Русскій Царь держитъ въ повиновеніи свои настоящія владѣнія такимъ образомъ. Въ четырехъ главныхъ пограничныхъ городахъ: Псковѣ, Смоленскѣ, Астрахани и Казани опредѣлены извѣстныя лица изъ его думныхъ бояръ, хотя не самаго знатнаго происхожденія, но пользующіеся особеннымъ довѣріемъ, коимъ предоставлена большая власть (для поддержанія и твердости ихъ правленія), нежели прочимъ князьямъ, опредѣляемымъ въ другія мѣста, какъ было замѣчено выше, въ статьѣ объ управленіи областями. Этихъ сановниковъ Царь смѣняетъ иногда каждый годъ, иногда же въ два или въ три года разъ, но уже долѣе не оставляетъ ихъ на мѣстѣ, кромѣ лицъ, которыя пользуются самымъ высокимъ довѣріемъ и особеннымъ расположеніемъ, какъ сами по себѣ, такъ и по своей службѣ: иначе, если увеличить ихъ срокъ, они могутъ войти въ какія-либо близкія сношенія съ непріятелемъ (чему и были нѣкоторые примѣры), находясь столь далеко безъ всякаго надзора.

Кромѣ того, города весьма хорошо защищены траншеями, крѣпостями и орудіями, съ гарнизонами отъ двухъ до трехъ тысячъ человѣкъ въ каждомъ городѣ. На случай осады ихъ заранѣе снабжаютъ продовольствіемъ на два и на три года впередъ. Четыре крѣпости: Смоленскъ, Псковъ, Казань и Астрахань построены весьма хорошо и могутъ выдержать всякую осаду, такъ что ихъ почитаютъ даже неприступными.

Что касается до Печоры, Перми и той части Сибири, которая теперь принадлежитъ Царю, то ихъ удерживаютъ тѣмъ же простымъ способомъ, какимъ онѣ были покорены, то-есть, болѣе грозою меча, нежели самымъ оружіемъ. Во-первыхъ, Царь поселилъ въ этихъ странахъ столько же русскихъ, сколько тамъ туземцевъ, и содержитъ въ нихъ, сверхъ того, гарнизоны, хотя и незначительные по числу солдатъ, но достаточные для удержанія туземцевъ въ повиновеніи. Во-вторыхъ, здѣшніе начальники и судьи всѣ русскіе и смѣняются Царемъ очень часто, именно, каждый годъ по два и по три раза, несмотря на то, что здѣсь нечего слишкомъ опасаться какого-либо нововведенія. Въ-третьихъ, онъ раздѣляетъ ихъ на многія мелкія управленія, подобно трости, переломленной на нѣсколько мелкихъ частей, такъ что, будучи раздѣлены, они не имѣютъ никакой силы, которой, впрочемъ не имѣли и тогда, когда составляли одно цѣлое. Въ-четвертыхъ, Царь заботится, чтобы тамошніе жители не имѣли ни оружія, ни денегъ, и для того налагаетъ на нихъ подати и обираетъ ихъ, какъ только ему заблагоразсудится, не оставляя имъ никакихъ средствъ сбросить съ себя или облегчить это иго.

Въ Сибири, гдѣ Царь продолжаетъ свои завоеванія, построено нѣсколько крѣпостей и поставлены гарнизоны, въ числѣ около шести тысячъ солдатъ, изъ русскихъ и поляковъ, которые Царь усиливаетъ, отправляя туда новыя партіи для населенія, по мѣрѣ распространенія владѣній. Теперь, сверхъ того, во власти его находится братъ царя Сибирскаго, котораго нѣкоторые изъ военачальниковъ убѣдили оставить свою родину, обѣщавъ ему отличное содержаніе и лучшій образъ жизни съ Русскимъ Царемъ, нежели какой онъ велъ у себя въ Сибири. Его привезли въ прошедшемъ году, и теперь онъ живетъ вмѣстѣ съ Царемъ въ Москвѣ, получая хорошее содержаніе.

О правленіи Русскаго Царя, гдѣ бы то ни было, въ странахъ ли наслѣдственныхъ, или завоеванныхъ, можно сказать слѣдующее. Во-первыхъ, у народа отнимаютъ оружіе и другія средства къ защитѣ и не позволяютъ никому имѣть ихъ, кромѣ бояръ. Во-вторыхъ, безпрестанно отнимаютъ у него деньги, товары и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не оставляютъ ничего, кромѣ тѣла и жизни. Въ-третьихъ, Царь раздаетъ и раздѣляетъ

свои владѣнія на многія мелкія части, учреждая въ нихъ отдѣльныя управленія, такъ что нѣтъ ни у кого довольно владѣній для того, чтобы усилиться, хотя бы даже имѣлъ другія средства. Въ-четвертыхъ, области управляются людьми незначащими, не имѣющими сами по себѣ силы и совершенно чуждыми жителямъ тѣхъ мѣстъ, коими завѣдываютъ. Въ-пятыхъ, Царь смѣняетъ обыкновенно своихъ правителей одинъ разъ въ годъ, дабы они не могли слишкомъ сблизиться съ народомъ или войти въ сношенія съ непріятелемъ, если завѣдуютъ пограничными областями. Въ-шестыхъ, въ одно и то же мѣсто онъ назначаетъ правителей, непріязненныхъ другъ другу, дабы одинъ былъ акъ бы контролеромъ надъ другимъ, какъ-то: князей и дьяковъ, отчего, вслѣдствіе ихъ взаимной зависти и соперничества, здѣсь менѣе повода опасаться тѣсныхъ между ними сношеній; кромѣ того, Царь узнаетъ этимъ путемъ обо всѣхъ злоупотребленіяхъ. Въ-седьмыхъ, часто посылаетъ онъ тайно въ каждую область нарочныхъ, пользующихся особеннымъ его довѣріемъ, для развѣдыванія обо всемъ, тамъ происходящемъ, и обо всѣхъ тамошнихъ безпорядкахъ. Это очень обыкновенное дѣло, хотя такія лица посылаются невзначай, и никому неизвѣстно, въ какое время ихъ должно ожидать.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

О татарахъ и другихъ пограничныхъ народахъ, съ коими русскіе имѣютъ наиболѣе сношеній, военныхъ и мирныхъ.

Сосѣди, съ коими они находятся въ болѣе близкихъ сношеніяхъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время, суть: вопервыхъ, татары, во-вторыхъ, поляки, русскими называемые ляхами, по имени перваго основателя ихъ государства, котораго звали Ляхомъ или Лехомъ; но къ этому имени прибавлено слово *по*, означающее народъ, и такимъ образомъ составилось названіе полякъ, то-есть народъ или потомство Ляха, извѣстные у латинскихъ народовъ, по свойству ихъ письменнаго языка, подъ именемъ полянъ (Polanos); въ-третьихъ, шведы. Поляки и шведы пользуются большею извѣстностью въ Европѣ, нежели татары, которые живутъ отъ насъ далѣе (принадлежа къ азіатскимъ народамъ. Они раздѣляются на многія поколѣнія, различныя одно отъ другого и по названію, и по управленію. Самые значительные и могущественные изъ нихъ суть татары крымскіе (называемые нѣкоторыми Великимъ Ханомъ), которые живутъ на югѣ и юговостокѣ отъ Россіи и наиболѣе тревожатъ ее частыми набѣгами, обыкновенно, однажды въ годъ, проникая иногда очень далеко во внутреннія ея области. Въ 1571 году они дошли до Москвы съ 200.000-нымъ войскомъ, безъ всякаго боя или сопротивленія, оттого, что тогдашній Русскій Царь (Иванъ Васильевичъ), выступившій противъ нихъ со своею арміею, сбился съ дороги, но, какъ полагаютъ, съ намѣреніемъ, не смѣя вступить въ битву, потому что сомнѣвался въ своемъ

свои владѣнія на многія мелкія части, учреждая въ нихъ отдѣльныя управленія, такъ что нѣтъ ни у кого довольно владѣній для того, чтобы усилиться, хотя бы даже имѣлъ другія средства. Въ-четвертыхъ, области управляются людьми незначащими, не имѣющими сами по себѣ силы и совершенно чуждыми жителямъ тѣхъ мѣстъ, коими завѣдываютъ. Въ-пятыхъ, Царь смѣняетъ обыкновенно своихъ правителей одинъ разъ въ годъ, дабы они не могли слишкомъ сблизиться съ народомъ или войти въ сношенія съ непріятелемъ, если завѣдуютъ пограничными областями. Въ-шестыхъ, въ одно и то же мѣсто онъ назначаетъ правителей, непріязненныхъ другъ другу, дабы одинъ былъ акъ бы контролеромъ надъ другимъ, какъ-то: князей и дьяковъ, отчего, вслѣдствіе ихъ взаимной зависти и соперничектва, здѣсь менѣе повода опасаться тѣсныхъ между ними сносшеній; кромѣ того, Царь узнаетъ этимъ путемъ обо всѣхъ злоупотребленіяхъ. Въ-седьмыхъ, часто посылаетъ онъ тайно въ каждую область нарочныхъ, пользующихся особеннымъ его довѣріемъ, для развѣдыванія обо всемъ, тамъ происходящемъ, и обо всѣхъ тамошнихъ безпорядкахъ. Это очень обыкновенное дѣло, хотя такія лица посылаются невзначай, и никому неизвѣстно, въ какое время ихъ должно ожидать.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

О татарахъ и другихъ пограничныхъ народахъ, съ коими русскіе имѣютъ наиболѣе сношеній, военныхъ и мирныхъ.

Сосѣди, съ коими они находятся въ болѣе близкихъ сношеніяхъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время, суть: во-первыхъ, татары, во-вторыхъ, поляки, русскими называемые ляхами, по имени перваго основателя ихъ государства, котораго звали Ляхомъ или Лехомъ; но къ этому имени прибавлено слово *по*, означающее народъ, и такимъ образомъ составилось названіе полякъ, то-есть народъ или потомство Ляха, извѣстные у латинскихъ народовъ, по свойству ихъ письменнаго языка, подъ именемъ полянъ (Polanos); въ-третьихъ, шведы. Поляки и шведы пользуются большею извѣстностью въ Европѣ, нежели татары, которые живутъ отъ насъ далѣе (принадлежа къ азіатскимъ народамъ. Они раздѣляются на многія поколѣнія, различныя одно отъ другого и по названію, и по управленію. Самые значительные и могущественные изъ нихъ суть татары крымскіе (называемые нѣкоторыми Великимъ Ханомъ), которые живутъ на югѣ и юго-востокѣ отъ Россіи и наиболѣе тревожатъ ее частыми набѣгами, обыкновенно, однажды въ годъ, проникая иногда очень далеко во внутреннія ея области. Въ 1571 году они дошли до Москвы съ 200.000-нымъ войскомъ, безъ всякаго боя или сопротивленія, оттого, что тогдашній Русскій Царь (Иванъ Васильевичъ), выступившій противъ нихъ со своею арміею, сбился съ дороги, но, какъ полагаютъ, съ намѣреніемъ, не смѣя вступить въ битву, потому что сомнѣвался въ своемъ

дворянствѣ и военачальникахъ, будто бы замышлявшихъ выдать его татарамъ.

Самый городъ непріятель не взялъ, но зажегъ его предмѣстія, которыя, состоя изъ деревяннаго строенія, безъ камня, кирпича или глины, за исключеніемъ немногихъ наружныхъ покоевъ, сгорѣли съ такою быстротою и огонь такъ далеко распространился, что въ четыре часа не стало большей части города, имѣющаго до 30 миль или болѣе въ окружности. Зрѣлище было ужасное: при сильномъ и страшномъ огнѣ, обнявшемъ весь городъ, люди горѣли въ домахъ и на улицахъ; но еще болѣе погибло изъ тѣхъ, которые хотѣли пройти въ самыя дальнія отъ непріятеля ворота, гдѣ, собравшись отовсюду въ огромную толпу и перебивая другъ у друга дорогу, такъ стѣснились въ воротахъ и прилежащихъ къ нимъ улицахъ, что въ три ряда шли по головамъ одинъ другого, и верхніе давили тѣхъ, которые были подъ ними. Такимъ образомъ, въ одно и то же время отъ огня и давки погибло, какъ сказываютъ, 800.000 человѣкъ или болѣе.

Запаливъ городъ и насладившись зрѣлищемъ яркаго пламени, крымскій Ханъ возвратился домой съ своимъ войскомъ и прислалъ, какъ мнѣ говорили, Русскому Царю ножъ, чтобы онъ зарѣзалъ себя послѣ такой потери и въ такомъ отчаяніи, не смѣя уже ни встрѣтить непріятеля въ полѣ, ни положиться на своихъ друзей и подданныхъ. Главный поводъ къ безпрерывной враждѣ русскихъ съ крымцами составляютъ нѣкоторыя пограничныя земли, на которыя имѣютъ притязанія татары, между тѣмъ какъ ими владѣютъ русскіе. Татары утверждаютъ, что, кромѣ Астрахани и Казани (древняго владѣнія восточныхъ татаръ), вся страна отъ ихъ границъ на сѣверъ и западъ до города Москвы, не выключая и самой Москвы, принадлежитъ имъ. Такое показаніе кажется справедливымъ, судя по словамъ самихъ русскихъ, которые разсказываютъ объ особенномъ обрядѣ, который Русскій Царь долженъ былъ повторять каждый годъ въ знакъ своего подданства Великому Хану крымскому, и который заключался въ томъ, что Русскій Царь, стоя подлѣ ханской лошади, на которой тотъ сидѣлъ, долженъ былъ кормить ее овсомъ изъ собственной шапки, что происходило въ самомъ Кремлѣ Московскомъ. Этотъ обрядъ, какъ они говорятъ, продолжался до временъ Василія, дѣда нынѣшняго Царя, который, взявъ верхъ надъ Крымскимъ Царемъ, благодаря хитрости одного изъ своихъ дворянъ (Ивана Дмитріевича Бѣльскаго), принялъ охотно слѣдующій выкупъ, именно: означенный обрядъ замѣнилъ опредѣленною данью мѣхами, отъ которой также впослѣдствіи отказался отецъ нынѣшняго Царя. На этомъ основаніи они продолжаютъ вражду: русскіе защищаютъ свою страну и земли, ими пріобрѣтенныя, а крымскіе татары дѣлаютъ на нихъ набѣги одинъ или два раза въ годъ, иногда около Троицына дня, но чаще во время жатвы. Когда идетъ войною самъ Великій или Крымскій Ханъ, то ведетъ онъ съ собою огромную армію въ 100.000 или 200.000 человѣкъ. Въ противномъ случаѣ, они дѣлаютъ кратковременные и внезапные набѣги съ меньшимъ числомъ войска, кружась около границы, подобно тому, какъ летаютъ дикіе гуси, захватывая по дорогѣ все и стремясь туда, гдѣ видятъ добычу.

Обыкновенный ихъ способъ вести войну (такъ какъ они весьма многочисленны) заключается въ томъ, что они раздѣляются на нѣсколько отрядовъ и, стараясь привлечь русскихъ къ одному или двумъ мѣстамъ на границѣ, сами нападаютъ на какое-либо другое мѣсто, оставленное безъ защиты. Они сражаются и распредѣляютъ свои силы подобно русскимъ, о чемъ было говорено выше, съ тою только разницею, что всѣ выѣзжаютъ на коняхъ и не имѣютъ при себѣ ничего, кромѣ лука, колчана со стрѣлами и кривой сабли на манеръ турецкой. Они отличные наѣздники и такъ же хорошо стрѣляютъ назадъ, какъ и впередъ. Нѣкоторые, кромѣ другого оружія, берутъ съ собою пики, похожія на рогатины, съ которыми ходятъ на медвѣдей. Простой воинъ не носитъ другихъ доспѣховъ, кромѣ своей обычной одежды, т.-е. черной бараньей шкуры, надѣваемой днемъ шерстью вверхъ, а ночью шерстью внизъ, и такой же шапки. Но мурзы или дворяне подражаютъ туркамъ и въ одеждѣ и въ вооруженіи. Когда войску случается переходить чрезъ рѣку, они ставятъ вмѣстѣ трехъ или четырехъ лошадей и къ хвостамъ ихъ привязываютъ длинныя бревна, на которыя садятся, и такимъ образомъ пе-

регоняютъ лошадей черезъ рѣку. Въ рукопашномъ бою, когда дѣло доходитъ до общаго сраженія, они, какъ говорятъ, дѣйствуютъ лучше русскихъ, будучи свирѣпы отъ природы, но отъ безпрерывной войны дѣлаясь еще храбрѣе и кровожаднѣе, ибо не знаютъ никакихъ мирныхъ гражданскихъ занятій.

Несмотря на то, они хитрѣе, нежели можно думать, судя по ихъ варварскому быту. Дѣлая постоянные набѣги и грабя своихъ пограничныхъ сосѣдей, они очень смѣтливы и изобрѣтательны на всякія хитрости для своихъ выгодъ. Это доказали они, напримѣръ, въ войнѣ съ Бѣлою IV, королемъ Венгерскимъ, когда, сдѣлавъ на него нападеніе съ 500.000-нымъ войскомъ, одержали надъ нимъ блистательную побѣду. Убивъ, между прочимъ, королевскаго канцлера, Николая Чиника, они нашли у него собственную печать короля. Такой находкой воспользовались они тотчасъ для составленія поддѣльныхъ граматъ отъ королевскаго имени во всѣ города и селенія, лежавшіе близъ того мѣста, гдѣ происходило сраженіе, съ предписаніемъ, чтобъ жители ни въ какомъ случаѣ не выступали сами и не вывозили пожитковъ изъ своихъ жилищъ, но остались бы спокойно, ничего не опасаясь, и не предавали бы разоренное отечество въ руки столь презрѣннаго и варварскаго непріятеля, каковы татары (придавая себѣ еще множество другихъ позорныхъ названій), ибо хотя и утратилъ онъ свои снаряды и лишился нѣсколькихъ бродягъ, шедшихъ въ безпорядкѣ, однако не сомнѣвается возвратить потерянное и одержать сверхъ того рѣшительную побѣду, если только дикіе татары осмѣлятся сразиться съ нимъ въ полѣ. Съ этою цѣлью они заставили нѣкоторыхъ молодыхъ людей, взятыхъ въ плѣнъ, написать граматы на польскомъ языкѣ и, приложивъ къ нимъ королевскую печать, отправили ихъ во всѣ части Венгріи, лежащія подлѣ мѣста сраженія. Тогда венгерцы, собиравшіеся уже бѣжать съ своимъ имуществомъ, женами и дѣтьми, по полученіи извѣстія о пораженіи короля, успокоившись этими подложными граматами, остались дома и, такимъ образомъ, сдѣлались добычею татаръ, которые напали на нихъ внезапно всей своей массой и захватили ихъ прежде, нежели они успѣли принять какія-либо мѣры.

При осадѣ города или крѣпости они всегда вступаютъ въ продолжительные переговоры и дѣлаютъ заманчивыя предложенія, чтобы убѣдить къ сдачѣ, обѣщая исполнить все, что только потребуютъ жители, но, овладѣвъ мѣстомъ, становятся вполнѣ непріязненными и жестокими. Въ этомъ случаѣ у нихъ есть правило быть справедливыми только со своими. Они не любятъ вступать въ бой, но у нихъ есть нѣкоторыя засады, куда, показавшись однажды и сразившись слегка, они тотчасъ же удаляются, какъ будто отъ страха, и такимъ образомъ, если возможно, завлекаютъ сюда непріятеля. Но русскіе, зная хорошо ихъ обычаи, бываютъ съ ними весьма осторожны. Когда они дѣлаютъ набѣгъ съ небольшимъ числомъ войска, то сажаютъ на лошадей чучелъ, въ видѣ людей, чтобъ ихъ казалось болѣе. Устремляясь на непріятеля, бросаются они съ большимъ визгомъ и кричатъ всѣ вдругъ: Олла Билла, Олла Билла (Богъ въ помощь, Богъ въ помощь). Смерть до того презираютъ, что охотнѣе соглашаются умереть, нежели уступить непріятелю, и, будучи разбиты, грызутъ оружіе, если не могутъ уже сражаться или помочь себѣ. Изъ этого видно, какая разница между татариномъ, который предается столь отчаянной храбрости, и русскимъ или туркою. Солдатъ русскій, если онъ началъ уже разъ отступать, то все спасеніе свое полагаетъ въ скоромъ бѣгствѣ, а если взятъ непріятелемъ, то не защищается и не умоляетъ о жизни, будучи увѣренъ, что долженъ умереть. Турокъ же обыкновенно, какъ скоро потеряетъ надежду спастись бѣгствомъ, начинаетъ умолять о жизни, бросаетъ оружіе, протягиваетъ обѣ руки и поднимаетъ ихъ вверхъ, какъ бы дозволяя связать себя, надѣясь, что его оставятъ въ живыхъ, если онъ согласится быть рабомъ непріятеля.

Главную добычу, которой татары домогаются во всѣхъ войнахъ своихъ, составляетъ большое число плѣнныхъ, особенно мальчиковъ и дѣвочекъ, коихъ они продаютъ туркамъ и другимъ сосѣдямъ. Съ этою цѣлью они берутъ съ собою большія корзины, похожія на хлѣбныя, для того, чтобы осторожно возить съ собою взятыхъ въ плѣнъ дѣтей; но если кто изъ нихъ ослабѣетъ или занеможетъ на дорогѣ, то ударяютъ его о-земь или объ дерево и мертваго бросаютъ. Рядовые не

обязаны стеречь плѣнныхъ и другую добычу, дабы не отвлекаться отъ военныхъ занятій; но у нихъ есть особые отряды въ войскѣ, которые опредѣлены нарочно для того, чтобы принимать и стеречь плѣнныхъ и другую добычу.

Русскіе, смежные съ ними, привыкнувъ къ ежегоднымъ ихъ нападеніямъ въ лѣтнее время, держатъ у себя очень мало скота, кромѣ свиней, которыхъ татары не трогаютъ и не угоняютъ, потому что они одной религіи съ турками и не употребляютъ въ пищу свиного мяса. О Христѣ и Спасителѣ нашемъ у нихъ тѣ же понятія, какія принимаютъ турки въ своемъ алкоранѣ, т.-е. что Онъ родился отъ ангела Гавріила и Дѣвы Маріи, что Онъ былъ великій пророкъ и будетъ судьею вселенной въ послѣдній день. Во всѣхъ прочихъ предметахъ они сообразуются также съ правилами турокъ, испытавъ силы турецкія при взятіи ими у нихъ Азова, Каффы и другихъ городовъ близъ Евксинскаго или Чернаго моря, которые прежде того платили дань крымскимъ татарамъ. Такимъ образомъ, теперь даже въ Крымскіе Ханы обыкновенно избирается одинъ изъ дворянъ, назначаемыхъ Турецкимъ государемъ, и этимъ путемъ турки дошли наконецъ до того, что крымскіе татары отдаютъ имъ десятую часть своей добычи, пріобрѣтаемой войною съ христіанами.

Въ религіозномъ отношеніи отличаются они отъ турокъ тѣмъ, что у нихъ есть истуканы, сдѣланные изъ шелка или другой матеріи наподобіе человѣка, которыхъ они привязываютъ къ дверямъ своихъ походныхъ жилищъ для того, чтобы они были янусами или оберегателями ихъ дома. Не всякій можетъ дѣлать такихъ идоловъ, а только нѣкоторыя освященныя женщины, завѣдывающія этими и другими подобными предметами. Кромѣ того, у нихъ есть изображеніе ихъ Государя или Великаго Хана, въ огромномъ размѣрѣ, которое они выставляютъ въ походахъ на каждой стоянкѣ и передъ которымъ долженъ преклоняться каждый, мимо его проходящій, будь онъ татаринъ или иностранецъ. Они имѣютъ большую вѣру въ волшебство и во всякія предзнаменованія, что бы имъ ни случалось видѣть или слышать.

При вступленіи въ бракъ, они не уважаютъ ни свойства, ни кровнаго родства. Нельзя только жениться на матери, сестрѣ, дочери, и хотя новобрачный беретъ молодую къ себѣ въ домъ и живетъ съ нею, но не признаетъ ее своею женою до тѣхъ поръ, пока не будетъ у нихъ потомства. Тогда беретъ онъ у ея родственниковъ приданое, которое заключается въ лошадяхъ, овцахъ, коровахъ и проч.; если же по прошествіи извѣстнаго времени она окажется безплодной, то отправляютъ ее назадъ въ ея семейство.

Первыя у нихъ лица послѣ ихъ царя суть нѣкоторые князья, называемые ими мурзами или дивей-мурзами, изъ коихъ каждый имѣетъ въ своемъ распоряженіи отдѣльный отрядъ, извѣстный подъ именемъ орды и состоящій изъ 10, 20 или 40 тысячъ человѣкъ. Если царь имѣетъ въ нихъ нужду для войны, то они обязаны явиться и привести съ собою извѣстное число своихъ солдатъ, такъ, чтобы у каждаго было по крайней мѣрѣ двѣ лошади, одна для ѣзды, другая на убой, когда дойдетъ очередь ѣсть его лошадь, ибо ихъ пищу составляетъ большею частью лошадиное мясо, которое они ѣдятъ безъ хлѣба и безъ всего другого. По этой причинѣ, если русскому случится взять въ плѣнъ татарина, то онъ навѣрное найдетъ у него лошадиную ногу или другую часть лошади, привязанную къ сѣдлу.

Въ прошедшемъ году, въ бытность мою въ Москвѣ, пріѣзжалъ сюда Киріакъ-Мурза, племянникъ теперешняго Крымскаго царя (котораго отецъ прежде былъ царемъ) съ 300 татаръ и двумя женами, изъ которыхъ одна была вдова, оставшаяся послѣ его брата. Угостивъ его весьма хорошо по русскому обычаю, отправили къ нему на домъ, по случаю его пріѣзда, для того, чтобы приготовить ему ужинъ вмѣстѣ съ его товарищами, двѣ очень большія и жирныя лошади, изрубленныя въ куски и положенныя въ сани. Это мясо они предпочитаютъ всякому другому, увѣряя, что оно питательнѣе бычачьяго, бараньяго и проч. Но удивительно, что хотя всѣ они выѣзжаютъ на войну на лошадяхъ и всѣ ѣдятъ лошадиное мясо, все-таки, сверхъ того, каждый годъ приводятъ въ Москву для обмѣна на другія произведенія отъ 30 до 40 тысячъ татарскихъ лошадей, которыхъ называютъ конями. Они держатъ также боль-

шія стада коровъ и черныхъ овецъ болѣе для шкуры и молока, которое возятъ съ собою въ большихъ бутыляхъ, нежели для мяса, хотя изрѣдка ѣдятъ и его. Отчасти употребляютъ они также рисъ, винныя ягоды и другіе плоды; пьютъ же молоко или теплую кровь, мѣшая обыкновенно вмѣстѣ эти оба напитка. Иногда на пути кидаютъ лошади кровь изъ жилы и пьютъ ее теплою, пока она течетъ.

Городовъ они не строятъ, равно какъ вообще постоянныхъ жилищъ, но у нихъ есть подвижные дома, называемые полатыни вежами, устроенные на колесахъ, подобно пастушескимъ хатамъ. Эти повозки они берутъ съ собою, когда отправляются на другое мѣсто, и туда же перегоняютъ скотъ свой. Прибывъ на новую стоянку, они разставляютъ свои повозки рядами въ большомъ порядкѣ, такъ что между ними образуются улицы, и всѣ онѣ вмѣстѣ имѣютъ видъ большого города. Такимъ образомъ жизни довольствуется и самъ Царь, у котораго нѣтъ никакой другой столицы во всемъ царствѣ, кромѣ Агоры или деревяннаго города, который перевозятъ за нимъ всюду. Что касается до постоянныхъ и прочныхъ зданій, какія строятъ въ другихъ государствахъ, то, по мнѣнію ихъ, они вредны для здоровья и неудобны.

Переселеніе на новыя мѣста, вмѣстѣ съ домами и скотомъ, начинается у нихъ весною, по направленію отъ южныхъ странъ ихъ владѣній къ сѣвернымъ. Такимъ образомъ, подвигаясь все впередъ до тѣхъ поръ, пока не истравятъ всѣхъ луговъ, до самой отдаленной границы своей земли на сѣверѣ, возвращаются они послѣ того опять тѣмъ же путемъ на югъ, гдѣ и зимуютъ, останавливаясь на каждыхъ десяти или двѣнадцати миляхъ, ибо между тѣмъ трава уже подраcтетъ и становится удобною для пищи скота на возвратномъ пути. Отъ предѣловъ Щелкалы (Shalcan) по направленію къ Каспійскому морю до русской границы страна ихъ весьма удобна, особенно на югѣ и юго-востокѣ, но лежитъ безъ пользы, не будучи обработана.

Они вовсе не употребляютъ денегъ и потому предпочитаютъ мѣдь и сталь всѣмъ другимъ металламъ, особенно сталь булатную, изъ которой дѣлаютъ сабли, ножи и другія нужныя вещи. Что касается до золота и серебра, то они нарочно не

пускаютъ ихъ въ обращеніе (такъ точно, какъ вовсе не обрабатываютъ земли), чтобъ тѣмъ свободнѣе предаваться своей кочевой жизни и не подвергать страну свою набѣгамъ. Этимъ они много выигрываютъ передъ всѣми своими сосѣдями, на которыхъ всегда нападаютъ, между тѣмъ какъ сами постоянно свободны отъ ихъ набѣговъ. Изъ тѣхъ же, кто вторгался въ ихъ владѣнія (какъ, напримѣръ, въ древности Киръ и Дарій Гистаспъ, съ восточной и юго-восточной стороны), ни кто не имѣлъ успѣха, какъ видно изъ исторіи того времени, потому что, въ случаѣ нападенія на нихъ какого-либо непріятеля, они обыкновенно заманиваютъ его, показывая видъ, что бѣгутъ и уклоняются отъ него, какъ бы отъ страху, до тѣхъ поръ, пока не завлекутъ его довольно далеко въ свои внутреннія владѣнія, и когда окажется у него достатокъ въ жизненныхъ припасахъ и другихъ потребностяхъ, чо непремѣнно должно случиться тамъ, гдѣ ничего нельзя достать, преграждаютъ ему всѣ пути и запираютъ его своими толпами. Этою хитростью, какъ видно изъ исторіи Турецкаго государства Лаоника Халкакондила, они едва не захватили огромныя полчища Тамерлана, который могъ спастись только самымъ скорымъ бѣгствомъ къ рѣкѣ Танаису или Дону, потерявъ, однако, множество людей и военныхъ снарядовъ.

Въ Исторіи, написанной Пахимеромъ грекомъ (объ императорахъ Константинопольскихъ, отъ начала царствованія Михаила Палеолога до временъ Андроника Старшаго), встрѣчается, какъ помнится мнѣ, извѣстіе объ одномъ Нагаѣ, полководцѣ татарскомъ, служившемъ царю восточныхъ татаръ, по имени Казану, отъ котораго городъ и царство Казань, вѣроятно, заимствовали свое названіе, что онъ не принялъ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней, присланныхъ ему въ даръ Михаиломъ Палеологомъ, спрашивая, на что они годны и могутъ ли предостерегать отъ болѣзней, смерти или другихъ бѣдствій въ жизни или нѣтъ. Изъ этого можно заключить, что они всегда и прежде цѣнили предметы только по мѣрѣ ихъ употребленія и пользы для извѣстнаго назначенія.

Что касается до ихъ наружности и тѣлосложенія, то у нихъ лица широкія и плоскія, притомъ желтыя отъ загару и смуг-

лыя, взглядъ свирѣпый и страшный; надъ верхнею губою и на подбородкѣ нѣсколько рѣдкихъ волосъ; станъ легкій и стройный, а ноги короткія, какъ бы нарочно созданныя для верховой ѣзды, къ которой они привыкаютъ съ малолѣтства, выходя рѣдко пѣшкомъ по какимъ-либо дѣламъ. Говорятъ они скоро и громкимъ голосомъ, какъ бы выходящимъ изъ какой-нибудь пустоты; когда же поютъ, то можно подумать, что реветъ корова или воетъ большая цѣпная собака. Главное занятіе ихъ состоитъ въ стрѣльбѣ, къ которой они пріучаютъ дѣтей съ малолѣтства, не давая имъ ѣсть до тѣхъ поръ, пока не попадутъ въ цѣль, намѣченную на какомъ-нибудь обрубкѣ. Это тотъ же самый народъ, который греки и римляне называли иногда скиѳами, номадами или скиѳскими пастухами. Нѣкоторые полагаютъ, что турки происходятъ отъ крымскихъ татаръ, и это мнѣніе принимаетъ также греческій историкъ Лаоникъ Халкакондиласъ въ первой книгѣ своей исторіи Турецкаго государства, утверждая его на разныхъ, весьма вѣроятныхъ, предположеніяхъ. Сюда принадлежитъ, во-первыхъ, самое названіе, ибо слово турокъ значитъ пастухъ или человѣкъ, ведущій кочевую и дикую жизнь. Такъ дѣйствительно и называли всегда скиѳскихъ татаръ, между тѣмъ какъ греки именовали ихъ Σκνθαί νομάδες или скиѳскіе пастухи. Второе принимаемое имъ основаніе то, что турки (въ его время), жившіе въ Малой Азіи, именно въ Лидіи, Каріи, Фригіи и Каппадокіи, говорили тѣмъ же языкомъ, какимъ говорили татары, обитавшіе между рѣкою Танаисомъ или Дономъ и Сарматіею, которые, какъ очень хорошо извѣстно, суть самые эти татары, называемые крымскими. Даже теперь народный языкъ турецкій не много отличается отъ языка татарскаго. Третье доказательство то, что турки и крымскіе татары весьма близки между собою какъ по вѣрѣ, такъ и по промысламъ никогда не нападаютъ другъ на друга, кромѣ того, что турки (со временъ Лаоника) завладѣли нѣкоторыми городами по берегамъ Евксинскаго моря, которые прежде принадлежали крымскимъ татарамъ. Четвертое основаніе то, что Ортогулъ, сынъ Огузальпа и отецъ Отомана (перваго носившаго это имя всей турецкой націи), вышелъ изъ означенныхъ странъ въ Азіи и,

покоряя сосѣдей, дошелъ до окрестностей горы Тавра, гдѣ побѣдилъ жившихъ тамъ грековъ и такимъ образомъ распространилъ имя и владѣнія турокъ, проникнувъ до Евбеи, Аттики и другихъ областей Греціи. Таково мнѣніе Лаоника, жившаго среди турокъ во времена Турецкаго государя Амурата VI, около 1400 года, когда преданіе о происхожденіи ихъ было еще свѣжо, почему и могъ онъ вѣрнѣе попасть на истину.

Есть еще разные другіе татары, обитающіе на границѣ Россіи, какъ-то: нагайцы, черемисы, мордва, черкесы и щелкалы, которые отличаются отъ крымскихъ татаръ болѣе названіемъ, нежели управленіемъ или чѣмъ-либо другимъ. Исключеніе составляютъ одни черкесы, примыкающіе къ юго-западной границѣ со стороны Литвы, которые гораздо образованнѣе прочихъ татаръ, собою весьма красивы и благородны въ обращеніи, слѣдуя въ этомъ обычаямъ польскимъ. Нѣкоторые изъ нихъ подчинились королямъ Польскимъ и исповѣдуютъ христіанскую вѣру. Нагайцы живутъ къ востоку и почитаются лучшими воинами изо всѣхъ татаръ, но еще болѣе другихъ дики и свирѣпы. Черемисскіе татары, обитающіе между русскими и нагайцами, раздѣляются на луговыхъ (т.-е. живущихъ въ долинахъ) и нагорныхъ или жителей гористыхъ мѣстъ. Послѣдніе очень много безпокоили Русскихъ Царей, которые по этой причинѣ остаются теперь довольными тѣмъ, что могутъ покупать у нихъ миръ, платя ихъ мурзамъ или дивей-мурзамъ, т.-е. начальникамъ ихъ племенъ, ежегодную дань русскими произведеніями, за что они съ своей стороны обязаны служить Царю въ предпринимаемыхъ имъ войнахъ на нѣкоторыхъ извѣстныхъ условіяхъ. Говорятъ, что они справедливы и честны въ своихъ поступкахъ и потому ненавидятъ русскихъ, коихъ почитаютъ вообще лукавыми и несправедливыми. На этомъ основаніи простой народъ неохотно хранитъ съ ними договоры, но мурзы или князья, за получаемую съ нихъ дань, удерживаютъ его отъ нарушенія условій.

Самыми грубыми и дикими почитаются татары мордовскіе, которые какъ своими обычаями, такъ и страннымъ образомъ жизни отличаются отъ всѣхъ прочихъ. Что касается до ихъ религіи, то хотя они признаютъ единаго Бога, но поклоняются,

какъ Богу, каждому живому существу, которое прежде всего встрѣтятъ утромъ, и клянутся имъ въ продолженіе цѣлаго дня, что бы то ни было: лошадь, собака, кошка или другое какое животное. Если у кого изъ нихъ умретъ его пріятель, то онъ убиваетъ своего лучшаго коня и, содравъ съ него шкуру, несетъ ее на длинномъ шестѣ, впереди покойника, на кладбище. Это они дѣлаютъ, какъ сказываютъ русскіе, для того, чтобы у пріятеля былъ добрый конь, на которомъ бы онъ могъ доѣхать на небо, но вѣроятнѣе въ знакъ любви, которую оставшійся въ живыхъ питаетъ къ своему умершему другу, желая, чтобы вмѣстѣ съ нимъ умерло и самое дорогое для него животное.

Близъ царства Астраханскаго, составляющаго самую отдаленную часть русскихъ владѣній на юго-востокѣ, лежитъ область Щелкалы (Shalcan) и Мидія, куда ѣздятъ русскіе купцы добывать шелкъ сырецъ, сафьянъ, кожу и другія произведенія. Главные города въ Мидіи, гдѣ русскіе производятъ торговлю, суть: Дербентъ, построенный, по словамъ тамошнихъ жителей, Александромъ Великимъ, и Шамаха (Zamachiae), гдѣ находится складочное мѣсто шелка сырца. Въ здѣшнемъ краѣ, чтобы оживить шелковыхъ червей, которые лежатъ мертвыми цѣлую зиму, ихъ кладутъ весною на солнце и, дабы еще болѣе ускорить ихъ оживленіе и заставить ихъ скорѣе приняться за работу, собираютъ въ мѣшки, которые вѣшаютъ дѣтямъ подъ мышки. Что касается до червя, называемаго chrinisin (или по-нашему chrymson), который даетъ цвѣтной шелкъ, то онъ родится не въ Мидіи, а въ Ассиріи. На основаніи послѣдней грамоты, данной Царемъ въ мою бытность, торговля съ Дербентомъ и Шамахою, для вывоза отсюда шелка сырца и другихъ произведеній этого края, равно какъ съ Персіею и Бухаріею, внизъ по рѣкѣ Волгѣ и чрезъ Каспійское море, дозволена какъ англійскимъ, такъ и русскимъ купцамъ. Такое дозволеніе Царь почитаетъ за особенную съ его стороны милость, и, дѣйствительно, оно могло бы доставить много выгоды нашимъ англійскимъ купцамъ, если бы только вести торговлю надлежащимъ образомъ и правильно.

Всѣ татары вообще не имѣютъ совершенно никакого образованія. Письменныхъ законовъ у нихъ также нѣтъ, а замѣняются они нѣкоторыми правилами общественной жизни, переходящими по преданію и общими всѣмъ ордамъ. Правила эти такого рода. Во-первыхъ, повиноваться своему Царю и другимъ властямъ во всемъ, что бы они ни повелѣли относительно общественной службы. 2. За исключеніемъ зависимости для общественной пользы, каждый человѣкъ свободенъ и не обязанъ ни къ какому отчету. 3. Ни одинъ частный человѣкъ не можетъ владѣть какимъ-либо участкомъ земли, но вся страна въ своей цѣлости есть достояніе общее. 4. Презирать всякую лакомую пищу и разнообразіе въ яствахъ и довольствоваться тѣмъ, что прежде попадется подъ руку, дабы болѣе окрѣпнуть и быть всегда готовымъ къ исправленію своихъ обязанностей. 5. Носить простое платье и чинить его, когда оно худо, все равно необходимо ли то, или нѣтъ, для того, чтобы не было стыдно, если нужда заставитъ носить кафтанъ съ заплатами. 6. Брать или красть у чужеземца все, что только можно взять, такъ какъ они считаютъ себя врагами всѣхъ, кто не захочетъ покориться ихъ власти. 7. Въ отношеніи къ своей ордѣ и своему народу быть вѣрнымъ въ словѣ и дѣлѣ. 8. Не впускать иностранцевъ въ государство; если же кто изъ нихъ переступитъ за границу, то дѣлается рабомъ перваго, взявшаго его въ плѣнъ, за исключеніемъ купцовъ и другихъ лицъ, имѣющихъ при себѣ татарскій ярлыкъ или паспортъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

О пермякахъ, самоѣдахъ и лопаряхъ.

Пермяки и самоѣды, обитающіе на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ отъ Россіи, происходятъ также, какъ полагаютъ, отъ татаръ. Такое заключеніе подтверждается отчасти ихъ наружностью, ибо у нихъ вообще широкія и плоскія лица, какъ у татаръ, за исключеніемъ только черкесовъ. Пермяки почитаются народомъ очень древнимъ и въ настоящее время подвластны Россіи, Промышляютъ они звѣриною ловлею и мѣховою торговлею, такъ же какъ и самоѣды, которые живутъ далѣе къ Сѣверному морю Самоѣдами называютъ ихъ, по словамъ русскихъ, отъ самояденія, ибо въ старину они были людоѣдами и пожирали другъ друга. Мнѣніе это тѣмъ болѣе вѣроятно, что и въ настоящее время они ѣдятъ всякаго рода сырое мясо безъ различія, даже падаль. Сами же самоѣды утверждаютъ, что называются такъ отъ слова самое, выражая тѣмъ, что они суть народъ коренной или взросшій на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ живетъ и теперь, и что никогда не мѣняли его на другое, подобно большей части другихъ народовъ. Въ настоящее время они подвластны Русскому Царю.

Я говорилъ съ нѣкоторыми изъ нихъ и узналъ, что они признаютъ единаго Бога, олицетворяя его, однако, предметами, особенно для нихъ нужными или полезными. Такъ, они покланяются солнцу, оленю, лосю и пр. Но что касается до разсказа о золотой или ягѣ-бабѣ, о которой случалось мнѣ читать въ нѣкоторыхъ описаніяхъ этой страны, что она есть кумиръ въ видѣ старухи, дающей, на вопросы жреца, прорицательные отвѣты объ успѣхѣ предпріятій и о будущемъ, то я убѣдился, что это пустая басня. Только въ области Обдорской со стороны моря, близъ устья большой рѣки Оби, есть скала, которая отъ природы (впрочемъ, отчасти съ помощью воображенія) имѣетъ видъ женщины въ лохмотьяхъ съ ребенкомъ на рукахъ (такъ точно, какъ скала близъ Нордъ-Капа представляетъ собою монаха). На этомъ мѣстѣ, обыкновенно, собираются обдорскіе самоѣды, по причинѣ его удобства для рыбной ловли, и дѣйствительно иногда, по своему обычаю, колдуютъ и гадаютъ о хорошемъ или дурномъ успѣхѣ своихъ путешествій, рыбной ловли, охоты и тому под.

Они одѣваются въ оленьи шкуры, спускающіяся до самыхъ колѣнъ, шерстью вверхъ, съ такими же штанами и обувью, какъ мужчины, такъ и женщины. Всѣ они черноволосые и отъ природы нѣтъ у нихъ бороды, такъ что трудно различить мужчину отъ женщины, кромѣ того, что послѣднія носятъ клокъ волосъ, опущенный на уши. Они ведутъ дикій образъ жизни, переходя съ мѣста на мѣсто и не имѣя ни домовъ, ни земли, которые бы принадлежали кому-либо одному изъ нихъ въ особенности. Въ каждомъ отрядѣ начальники или правители у нихъ попы или жрецы.

На сѣверной сторонѣ отъ Россіи, близъ Кореліи, лежитъ Лапонія, которая простирается въ длину, начиная отъ самаго дальняго пункта на сѣверѣ (со стороны Нордъ-Капа) до самой отдаленной части на юго-востокѣ (русскими называемой Святымъ носомъ, а англичанами мысомъ благодати, capegrace), на 345 верстъ или миль. Отъ Святого носа до Кандалакса чрезъ Варсугу (Versega), какъ измѣряется ширина этого края, разстоянія 90 миль или около того. Вся страна состоитъ изъ озеръ или горъ, которыя близъ моря называются тундрами, потому что всѣ заключаются въ твердой и неровной скалѣ; но внутреннія части покрыты обильными лѣсами, растущими по горамъ, между коими лежатъ озера. Пища у нихъ весьма скудная и простая: хлѣба нѣтъ, и ѣдятъ они одну рыбу и живность. Они подвластны Русскому Царю и двумъ королямъ, Шведскому и Датскому, которые всѣ берутъ съ нихъ подать (какъ было замѣчено выше); но Русскій Царь имѣетъ самое значительное на нихъ вліяніе и получаетъ съ нихъ гораздо большую дань, нежели прочіе. Полагаютъ, что

первоначально они названы лопью по причинѣ ихъ краткой и отрывистой рѣчи. Русскіе раздѣляютъ всѣхъ лопарей на два рода: однихъ называютъ лопарями мурманскими, т.-е. норвежскими, потому что они держатся вѣроисповѣданія датчанъ, а датчанъ и норвежцевъ признаютъ здѣсь за одинъ и тотъже народъ. Другихъ, не имѣющихъ никакой вѣры и живущихъ дикарями и въ язычествѣ, безъ всякаго понятія о Богѣ, называютъ дикими лопарями.

Весь народъ находится въ совершенномъ невѣжествѣ и не употребляетъ даже никакихъ письменныхъ знаковъ или буквъ. Но зато превосходитъ онъ всѣ другіе народы колдовствомъ и чародѣйствомъ, хотя, впрочемъ, разсказъ, слышанный мною объ очарованіи кораблей, плавающихъ вдоль ихъ береговъ, и способности ихъ производить вѣтеръ, попутный для своихъ друзей и противный для тѣхъ, кому хотятъ вредить, посредствомъ узловъ, навязанныхъ на веревкѣ, отчасти подобный разсказу объ Эоловыхъ мѣхахъ, есть не что иное, какъ басня, выдуманная, какъ кажется, ими самими для устрашенія мореходцевъ, чтобы они не приближались къ ихъ берегамъ. Оружіе ихъ составляютъ длинный лукъ и ружье, которыми они превосходно дѣйствуютъ, умѣя ихъ скоро заряжать и разряжать и мѣтко попадать въ цѣль, вслѣдствіе безпрерывнаго упражненія (по необходимости) въ стрѣльбѣ на охотѣ за дичью. Обыкновенно лѣтомъ отправляются они большими партіями къ морю, именно къ Вардгузу, Колѣ, Когеру (Kogor) и заливу Витя-губѣ (Vedagoba), гдѣ ловятъ треску и семгу, которую продаютъ потомъ русскимъ, датчанамъ и норвежцамъ, а съ недавняго времени и англичанамъ, привозящимъ туда сукно для промѣна лопарямъ и корельцамъ на рыбу, рыбій жиръ и мѣха, коихъ у нихъ также довольно много. Главный торгъ ихъ бываетъ въ Колѣ на Петровъ день, въ присутствіи начальника Вардгузы (резидента короля Датскаго) или посланнаго отъ него для назначенія цѣны рыбѣ, рыбьему жиру, мѣхамъ и другимъ произведеніямъ, также сборщика податей Русскаго Царя для полученія подати, платимой всегда впередъ при покупкѣ или продажѣ. По окончаніи лова, лодки вытаскиваются на берегъ, гдѣ, будучи опрокинуты килемъ вверхъ,

остаются до открытія весны. Они ѣздятъ на саняхъ, запряженныхъ оленями, которыхъ лѣтомъ пасутъ на островѣ, называемомъ Килдинъ, гдѣ почва гораздо лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ этой страны, а на зиму, когда выпадетъ снѣгъ, пригоняютъ домой и употребляютъ для санной ѣзды.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

О церковномъ управленіи и духовныхъ лицахъ.

Церковное управленіе совершенно сходно съ греческимъ, такъ какъ здѣшняя Церковь составляетъ часть Церкви Греческой и никогда не признавала надъ собой владычества Латинской Церкви, которое присвоилъ себѣ папа. Для соблюденія большаго порядка въ описаніи ихъ безконечныхъ обрядовъ, нежели какой соблюдаютъ сами туземцы при отправленіи ихъ, я предложу вкратцѣ: во-первыхъ, какіе у нихъ духовные чины или должности, вмѣстѣ съ ихъ духовною расправою и порядкомъ отправленія должностей; во-вторыхъ, какіе у нихъ догматы вѣры; въ-третьихъ, какъ совершается у нихъ литургія или церковная служба, равно какъ и самыя таинства; въ-четвертыхъ, какіе, сверхъ того, существуютъ у нихъ странныя церемоніи и суевѣрные обряды.

Должностей или чиновъ духовныхъ какъ по числу, такъ и по названію и по степенямъ, у нихъ столько же, сколько и въ западныхъ Церквахъ. Во-первыхъ, патріархъ, потомъ митрополиты, архіепископы, владыки или епископы, протопопы или протоіереи, попы или священники, дьяконы, монахи, монахини и пустынножители.

Патріархъ или главный правитель въ дѣлахъ вѣры до прошедшаго года былъ Константинопольскій, котораго называли патріархомъ Сіонскимъ, оттого что, будучи изгнанъ изъ Константинополя (мѣста своего пребыванія) турками, онъ перешелъ на островъ Сіонъ (Sio), иногда называемый Хіосъ (Chio), гдѣ и основалъ свой патріаршій престолъ. Русскіе Цари и духовенство отправляли ему каждый годъ дары и признавали

себя въ духовной отъ него зависимости и въ подчиненіи тамошней Церкви. Этотъ обычай, сколько извѣстно, они соблюдаютъ съ тѣхъ поръ, какъ начали исповѣдывать христіанскую вѣру; но какъ давно они ее приняли, я не могъ узнать навѣрное, потому что у нихъ нѣтъ ни исторіи, ни памятниковъ старины, о коихъ я бы слышалъ, относительно происшествій, бывшихъ въ государствѣ по дѣламъ церковнымъ или общественнымъ. Разсказываютъ только, что лѣтъ за триста какой-то императоръ Константинопольскій женился на дочери великаго князя этой страны, который сначала не соглашался отдать ее за Греческаго императора, оттого что послѣдній исповѣдывалъ христіанскую вѣру. Разсказъ этотъ совершенно согласуется съ повѣствованіемъ Лаоника Халкакондила въ четвертой книгѣ его Турецкой исторіи, гдѣ онъ упоминаетъ о такомъ бракѣ Греческаго императора Іоанна съ дочерью короля Сарматскаго, и подтверждается также ихъ собственнымъ сказаніемъ, что въ это время они еще не исповѣдывали христіанскую вѣру, а приняли ее и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно измѣнились, заимствовавъ евангельское ученіе, уже въ то время искаженное разными суевѣріями, отъ Греческой Церкви, которая сама находилась тогда въ упадкѣ и была преисполнена множествомъ суевѣрныхъ обрядовъ и грубыхъ заблужденій какъ относительно догматовъ вѣры, такъ и церковнаго управленія, что видно изъ 8 и 9 книги Исторіи Никифора Григорія. Но что касается до времени, когда они приняли христіанскую вѣру, то мнѣ кажется, что русскіе въ этомъ отношеніи ошибаются, судя по тому, что я нашелъ въ Польской Исторіи, именно въ главѣ третьей второй книги, гдѣ упоминается, что около 990 года Владиміръ, Князь Русскій, женился на Аннѣ, сестрѣ Василія и Константина, императоровъ Константинопольскихъ; вслѣдъ затѣмъ русскіе приняли и вѣру и названіе христіанъ. Хотя это свидѣтельство относится къ древнѣйшему времени, нежели собственное сказаніе русскихъ, но конечный выводъ въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же, именно, что касается до истины и чистоты ученія, сообщившаго русскимъ первые начатки религіи, тѣмъ болѣе, что Церковь Греческая и тогда была уже преисполнена многими заблужденіями и суевѣріемъ.

Въ бытность мою здѣсь въ 1588 году, въ Москву пріѣхалъ патріархъ Константинопольскій или Сіонскій, по имени Іеронимъ, изгнанный, какъ говорятъ нѣкоторые, турками, а по словамъ другихъ—лишенный своего сана греческимъ духовенствомъ. Царь, совершенно преданный суевѣрной набожности, принялъ его съ большими почестями. Его спутники разсказывали, что до пріѣзда своего въ Москву онъ былъ въ Италіи у папы. Цѣль его пріѣзда была вступить съ Царемъ въ переговоры о слѣдующихъ пунктахъ: во-первыхъ, о союзѣ между нимъ и королемъ Испанскимъ, какъ государемъ, наиболѣе могущимъ содѣйствовать ему въ борьбѣ съ турками, для чего самаго происходили также сношенія между русскими и персіянами. Равнымъ образомъ грузинцы отправляли пословъ къ Русскому Царю для заключенія союза, дабы напасть на турокъ со всѣхъ сторонъ ихъ владѣній, пользуясь простотою теперешняго повелителя Турціи. Договоръ этотъ поддерживалъ и посланникъ императора Нѣмецкаго, прибывшій въ то же время ходатайствовать о нападеніи на польскія области, пограничныя съ Россіею, и о займѣ денегъ у Русскаго Царя, для продолженія войны за брата императора, Максимиліана, противъ сына короля Шведскаго, теперешняго короля Польскаго. Но переговоры о союзѣ между русскими и испанцами, которые шли довольно успѣшно въ то время, когда я прибылъ въ Москву, такъ что былъ уже назначенъ и посолъ въ Испанію, разрушились по случаю побѣдъ, одержанныхъ въ прошедшемъ году Ея Величествомъ королевою Англійскою надъ королемъ Испанскимъ. Это было причиною дурного пріема, сдѣланнаго Русскимъ Царемъ и его Думой тогдашнему англійскому послу, такъ какъ они обманулись въ своихъ политическихъ расчетахъ относительно предполагаемаго союза съ Испаніею.

Второе намѣреніе его, для котораго первый предметъ служилъ только вступленіемъ, состояло въ томъ, чтобы, въ отмщеніе туркамъ и греческому духовенству, свергнувшему его съ престола, переговорить съ Царемъ о подчиненіи Русской Церкви власти папы Римскаго, и по его недавнему прибытію изъ Рима можно думать, что онъ былъ присланъ съ такою цѣлью самимъ папою, который и прежде нѣсколько разъ, хотя тщетно,

домогался этого, а именно, при послѣднемъ Царѣ, Иванѣ Васильевичѣ, чрезъ легата своего, Антонія, но, вѣроятно, считалъ самымъ надежнымъ средствомъ достигнуть своихъ намѣреній чрезъ переговоры и посредничество самого ихъ патріарха. Когда же и это не удалось, то патріархъ прибѣгнулъ къ переговорамъ третьяго рода, замысливъ отказаться отъ патріаршества и перенести патріаршій престолъ изъ Константинополя или Сіона въ Москву. Предложеніе его было такъ хорошо принято и одобрено Царемъ (какъ предметъ истинно религіозный и мудрый), что не хотѣли и слышать ни о какихъ другихъ переговорахъ, особенно съ иностранными послами, до тѣхъ поръ, пока не было кончено это дѣло.

Причины, по коимъ патріархъ убѣдилъ перенести престолъ свой въ городъ Москву, были слѣдующія: во-первыхъ, что престолъ патріаршій находился подъ властью турокъ, враговъ вѣры, почему и слѣдовало его перевести въ какое-нибудь другое государство, исповѣдующее вѣру христіанскую; во-вторыхъ, потому что Русская Церковь оставалась въ это время единственною законною дщерью Церкви Греческой, слѣдуя одному съ нею ученію и одинаковымъ обрядамъ, между тѣмъ какъ прочіе единовѣрцы подчинились туркамъ и отступились отъ истинной религіи. Хитрый грекъ, чтобы выгоднѣе продать свой плохой товаръ, старался прельстить Царя честью, какая будетъ ему и его народу отъ перенесенія патріаршаго престола въ главный городъ и столицу его царства. Что касается до права перенесенія престола и назначенія себѣ преемника, то онъ нисколько не сомнѣвался, что это право вполнѣ принадлежитъ ему.

Такимъ образомъ, Царь, вмѣстѣ съ своей Думой и важнѣйшими лицами изъ духовенства, составивъ соборъ въ Москвѣ, положили митрополита Московскаго переименовать въ патріархи всей Греческой Церкви съ тою же властью и юрисдикціею, какая принадлежала прежде патріарху Константинопольскому или Сіонскому. Для большаго порядка и торжества, это приведено было въ исполненіе такъ: 25 января 1588 года Греческій патріархъ, въ сопровожденіи русскаго духовенства, прибылъ въ соборъ Пречистыя Богородицы, находящійся внутри

Кремля, пройдя сперва процессіей по всему городу и благословляя народъ двумя перстами, гдѣ онъ произнесъ рѣчь, отдалъ письменный актъ о своемъ отреченіи и положилъ свой патріаршій жезлъ, который тутъ же принялъ митрополитъ Московскій. Сверхъ того, при посвященіи этого новаго патріарха происходили многіе другіе церемоніальные обряды.

День этотъ праздновали всѣ жители города; имъ велѣно было оставить свои работы и присутствовать при торжествѣ. Въ тотъ же день Царь и Царица прислали великому патріарху богатые дары, какъ-то: серебряную посуду, золотую парчу, мѣха и проч., которые несены были по московскимъ улицамъ съ большою пышностью, а при отъѣздѣ онъ получилъ еще множество другихъ даровъ отъ Царя, дворянства и духовенства. Такимъ образомъ, патріаршій престолъ Константинопольскій или Сіонскій, существовавшій со времени Никейскаго собора, перенесенъ въ Москву, или, по крайней мѣрѣ, они увѣрены, что имѣютъ патріарха съ тѣми же самыми правами и съ тою же властью, какими пользовался первый. Хитрый грекъ, употребивъ въ свою пользу ихъ суевѣріе, отправился теперь съ богатой добычей въ Польшу, не думая о томъ, продолжится ли у нихъ патріаршество или нѣтъ.

Обстоятельство это очень легко можетъ вести къ раздѣленію Церквей Греческой и Русской, если русскіе удержатъ за собою патріаршество, за которое такъ дорого заплатили, а греки, какъ можно думать, изберутъ себѣ другого патріарха, не разсуждая о томъ, былъ ли этотъ патріархъ изгнанъ турками или лишенъ сана своимъ же духовенствомъ. Въ такомъ случаѣ, быть-можетъ, и папѣ удастся подчинить Русскую Церковь престолу Римскому, для чего самаго онъ могъ даже выдумать такую уловку и посѣять раздоръ между Церквами, если только не будетъ тому препятствіемъ то, что Русскіе Цари хорошо знаютъ изъ примѣровъ другихъ христіанскихъ государей, какой вредъ можетъ произойти и для нихъ и для государства отъ такого подчиненія ихъ Римскому папѣ. Съ этой цѣлью покойный Царь Иванъ Васильевичъ много старался развѣдать о власти папы надъ христіанскими государями и

отправлялъ нарочно въ Римъ, чтобы узнать объ устройствѣ и образѣ дѣйствій тамошняго двора.

Въ одно время съ патріархомъ Іеронимомъ былъ изгнанъ турками Ларисскій архіепископъ, Димитрій, который теперь въ Англіи и выставляетъ причиною изгнанія ихъ обоихъ турками то, что будто бы они не приняли новаго календаря папы съ новымъ счисленіемъ года. До какой степени это невѣроятно, можно судить по слѣдующимъ обстоятельствамъ. Во-первыхъ, между папою и турецкимъ государемъ вовсе нѣтъ такихъ тѣсныхъ или дружественныхъ сношеній, чтобы послѣдній рѣшился изгнать подданнаго за ослушаніе папскаго постановленія, особенно въ такомъ дѣлѣ, какъ измѣненіе порядка времени въ его собственномъ государствѣ. Во-вторыхъ, турки мало заботятся о расчисленіи времени и объ опредѣленіи настоящаго и точнаго числа лѣтъ отъ воплощенія Христа, котораго они признаютъ не иначе, какъ замѣчено было выше. Въ-третьихъ, упомянутый патріархъ теперь въ Неаполѣ, въ Италіи, куда, вѣроятно, онъ никакъ бы не отправился, чтобы не быть почти въ рукахъ папы и такъ отъ него близко, если бы онъ точно былъ изгнанъ за сопротивленіе его постановленію.

Вѣдомство патріаршаго престола, переведеннаго теперь въ Москву, заключается во власти надъ всѣми церквами не только въ Россіи и другихъ царскихъ владѣніяхъ, но всюду надъ всѣми церквами христіанскаго міра, бывшими прежде подъ властью патріарха Константинопольскаго или Сіонскаго: по крайней мѣрѣ, Русскій патріархъ воображаетъ, что имѣетъ тѣ же самыя права. Ему подчинена также въ видѣ собственной его епархіи область Московская, кромѣ другихъ вѣдомствъ. Дворъ или мѣстопребываніе его въ Москвѣ.

До постановленія этого новаго патріарха у нихъ былъ всего одинъ митрополитъ, который назывался митрополитомъ Московскимъ. Теперь же, для большей пышности церковной и вслѣдствіе вновь учрежденнаго патріаршества, поставлены два митрополита, одинъ въ Новгородѣ Великомъ, другой въ Ростовѣ. Должность ихъ заключается въ томъ, чтобы принимать отъ патріарха всѣ его приказанія по церковнымъ дѣламъ и передавать ихъ для исполненія архіепископамъ, сверхъ того,

что каждый изъ нихъ управляетъ собственною епархіею. Архіепископовъ четыре: Смоленскій, Казанскій, Псковскій и Вологодскій. Обязанность ихъ одинакова съ обязанностью митрополитовъ, съ тою разницею, что имъ принадлежитъ особая судебная часть, какъ викарнымъ митрополитовъ и какъ стоящимъ выше епископовъ. За ними слѣдуютъ владыки, или епископы, коихъ шестеро: Крутицкій, Рязанскій, Тверской, Новоторгскій, Коломенскій, Владимірскій, Суздальскій. Каждый изъ нихъ завѣдываетъ обширною епархіею, потому что и всѣ прочія области государства раздѣлены между ними.

Дѣла, подлежащія духовной власти митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, почти тѣ же самыя, какими завѣдываетъ духовенство въ другихъ странахъ христіанскихъ. Кромѣ власти надъ духовными лицами и управленія дѣлами чисто духовными, къ ихъ вѣдомству относятся всѣ дѣла по завѣщаніямъ, также бракамъ и разводамъ, жалобы на нѣкоторыя обиды и проч. Для этого у нихъ есть свои чиновники или правители, называемые боярами владычными, изъ лицъ свѣтскаго званія, имѣющихъ степень князей или дворянъ. Они управляютъ ихъ дѣлами и держатъ за нихъ судъ. Кромѣ разныхъ притѣсненій, дѣлаемыхъ ими простому народу, они также тягостны для поповъ, какъ князья и дьяки для бѣдныхъ простолюдиновъ въ подчиненныхъ имъ областяхъ. Самъ по себѣ архіепископъ или епископъ не имѣетъ власти рѣшать поступающія къ нему дѣла и не иначе можетъ сдѣлать приговоръ, какъ съ согласія своего чиновника-дворянина. Причина та, что эти бояре или дворяне опредѣляются на свои мѣста не епископами, а самимъ Царемъ или его Думою, и никому, кромѣ него, не должны давать отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Если епископъ при вступленіи въ должность получитъ право избрать самъ себѣ чиновника, то это почитается особеннымъ и высокимъ къ нему благоволеніемъ. Впрочемъ, сказать правду, духовенство, какъ въ отношеніи своихъ помѣстьевъ и доходовъ, такъ и въ отношеніи своей власти и юрисдикціи, находится совершенно въ рукахъ и управленіи Царя и его Думы и въ томъ и въ другомъ случаѣ пользуется только тѣмъ значеніемъ, какое они захотятъ ему предоставить. У епископовъ есть также

свои помощники, составляющіе соборы, какъ они ихъ называютъ), въ которыхъ засѣдаютъ попы, принадлежащіе къ ихъ епархіи и живущіе въ городахъ, гдѣ они сами имѣютъ пребываніе, въ числѣ двадцати четырехъ членовъ при каждомъ. Съ ними разсуждаютъ они объ особенныхъ и нужныхъ дѣлахъ по своей должности.

Доходы и суммы, назначенные для поддержанія достоинства ихъ, довольно значительны. Ежегодный доходъ патріарха съ помѣстьевъ, кромѣ другихъ статей, простирается до 3,000 рублей или марокъ, а митрополитовъ и архіепископовъ до 2,500 рублей. Изъ епископовъ одни получаютъ 1,000 рублей, другіе 800, иные 500 и проч. Были и такіе, которымъ приходилось даже, какъ сказывали мнѣ, десять или двѣнадцать тысячъ рублей въ годъ, какъ, напримѣръ, митрополитъ Новгородскій.

Одежда ихъ, когда они бываютъ въ полномъ облаченіи и въ торжественныхъ случаяхъ: митра на головѣ, на подобіе папской, осыпанная жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, риза, обыкновенно изъ золотой парчи, изукрашенная жемчугомъ, и жезлъ въ рукѣ, обдѣланный густо вызолоченнымъ серебромъ, съ крестомъ на верхнемъ концѣ или загнутый на подобіе пастушескаго посоха. Обыкновенная же одежда ихъ, когда они выѣзжаютъ или выходятъ со двора: клобукъ на головѣ чернаго цвѣта, который спускается сзади, а спереди накрываетъ подобно капишону. Верхняя одежда ихъ, называемая рясою, есть мантія изъ черной шелковой матеріи со многими нашитыми на ней полосами бѣлаго атласа, каждая шириною около двухъ пальцевъ, и пастырскій жезлъ, который всегда носятъ впереди нихъ. Сами они идутъ вслѣдъ за нимъ, благословляя народъ двумя перстами съ удивительной граціей.

Избраніе или назначеніе епископовъ и прочихъ духовныхъ лицъ зависитъ совершенно отъ Царя. Ихъ всегда опредѣляютъ на мѣста изъ монастырей, такъ что нѣтъ ни одного епископа, архіепископа или митрополита, который бы не былъ прежде монахомъ, и по этой причинѣ всѣ они холостые и должны оставаться въ безбрачномъ состояніи, давая обѣтъ цѣломудрія при самомъ своемъ постриженіи. Какъ скоро Царь изберетъ кого-либо по своему желанію, то его посвящаютъ въ соборной

церкви той епархіи, къ которой онъ принадлежитъ, со многими обрядами, весьма сходными съ тѣми, какъ посвящаютъ и въ папской церкви. Есть у нихъ также діаконы и архидіаконы.

Что касается до объясненія въ проповѣдяхъ Слова Божія, поученія или увѣщаній, то это у нихъ не въ обычаѣ и выше ихъ знаній, потому что все духовенство не имѣетъ совершенно никакихъ свѣдѣній ни въ другихъ предметахъ, ни въ Словѣ Божіемъ. Обыкновенно только два раза въ годъ, именно, перваго сентября (который считается у нихъ первымъ днемъ года) и въ день Св. Іоанна Крестителя, каждый митрополитъ, архіепископъ и епископъ въ своей соборной церкви говорятъ народу обычную рѣчь такого или почти такого содержанія: если кто имѣетъ злобу на своего ближняго, то долженъ ее оставить; если кто замышляетъ заговоръ или бунтъ противъ своего Государя, то да остережется; если кто не соблюдалъ постовъ и обѣтовъ и не исполнялъ прочихъ своихъ обязанностей по уставу церковному, тотъ да исправится, и проч. Но такова и самая форма, потому что вся рѣчь содержитъ въ себѣ именно столько же словъ, и отнюдь не болѣе, сколько мною исчислено. Несмотря на это, она произносится весьма торжественно, надъ аналоемъ, нарочно для того поставленнымъ, какъ будто бы проповѣдникъ собирался читать пространное разсужденіе о существѣ Божіемъ. Въ Москвѣ всегда самъ Царь присутствуетъ при этомъ торжественномъ поученіи.

Будучи сами невѣждами во всемъ, они стараются всѣми средствами воспрепятствовать распространенію просвѣщенія, какъ бы опасаясь, чтобы не обнаружилось ихъ собственное невѣжество и нечестіе. По этой причинѣ они увѣрили Царей, что всякій успѣхъ въ образованіи можетъ произвести переворотъ въ государствѣ и, слѣдовательно, долженъ быть опаснымъ для ихъ власти. Въ этомъ случаѣ они правы, потому что человѣку разумному и мыслящему, еще болѣе возвышенному познаніями и свободнымъ воспитаніемъ, въ высшей степени трудно переносить принудительный образъ правленія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, еще при покойномъ Царѣ, привезли изъ Польши въ Москву типографскій станокъ и буквы, и здѣсь была основана типографія съ позволенія самого Царя и къ величайшему его удовольствію. Но вскорѣ домъ ночью подожгли, и станокъ съ буквами совершенно сгорѣлъ, о чемъ, какъ полагаютъ, постаралось духовенство.

Священники, которыхъ зовутъ попами, опредѣляются епископами почти безъ всякаго предварительнаго испытанія ихъ въ познаніяхъ и поставляются безъ особенныхъ обрядовъ, кромѣ того, что на маковкѣ выстригаются у нихъ волосы (а не бреются, потому что этого они не терпятъ) шириною въ ладонь или болѣе, и это мѣсто помазуетъ елеемъ епископъ, который, при постановленіи священника, надѣваетъ на него сперва стихарь, потомъ возлагаетъ ему на грудь крестъ изъ бѣлой шелковой или изъ другой матеріи, который онъ долженъ носить не болѣе восьми дней, и такимъ образомъ даетъ ему власть служить и пѣть въ церкви, равно какъ совершать таинства.

Священники суть люди совершенно необразованные, что, впрочемъ, вовсе не удивительно, потому что сами поставляющіе ихъ, епископы, какъ было сказано выше, точно таковы же и не извлекаютъ никакой особенной пользы изъ какихъ бы то ни было свѣдѣній или изъ самаго Священнаго Писанія, кромѣ того, что читаютъ его и поютъ. Общая ихъ обязанность состоитъ въ томъ, чтобы отправлять литургію, совершать таинства по принятымъ у нихъ обрядамъ, хранить и украшать образа, наконецъ, соблюдать всѣ другіе обряды, принятые ихъ Церковью. Число духовенства очень значительно, потому что здѣшніе города раздѣляются на нѣсколько небольшихъ приходовъ, хотя безъ всякаго соблюденія равенства между ними относительно числа домовъ и соразмѣрности собирающагося въ нихъ народа, какъ бываетъ вездѣ, гдѣ не заботятся о распространеніи познанія и ученія о Богѣ, чего, впрочемъ, и невозможно достигнуть тамъ, гдѣ, вслѣдствіе неравнаго распредѣленія обывателей и приходовъ, происходитъ неравенство и недостатокъ въ жалованьѣ для безбѣднаго отправленія должности.

Священнику дозволяется вступать въ бракъ только однажды, и если первая жена его умретъ, то онъ не можетъ жениться на другой, иначе долженъ лишиться своего сана, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прихода. Они основываются въ этомъ случаѣ на одномъ мѣстѣ въ посланіи св. Павла къ Тимофею, 1. 3, 2; но они

не такъ его поняли, полагая, что Апостолъ говоритъ здѣсь о разныхъ женахъ въ преемственномъ порядкѣ то, что сказано имъ въ отношеніи къ одному и тому же времени. Если, однако, священникъ, по смерти первой жены своей, захочетъ непремѣнно жениться на другой, то его не называютъ болѣе попомъ, а распопомъ или бывшимъ священникомъ. По этой причинѣ попы очень дорожатъ своими женами, которыя пользуются большимъ уваженіемъ и считаются самыми почетными изо всѣхъ приходскихъ женщинъ.

Что касается до жалованья, получаемаго священникомъ, то у нихъ нѣтъ обычая давать ему десятину хлѣба или чего другого, но онъ долженъ зависѣть отъ усердія своихъ прихожанъ и собирать, какъ умѣетъ, на прожитокъ доходы отъ молебновъ, исповѣдей, браковъ, похоронъ, панихидъ и такъ называемыхъ молитвъ за живыхъ и усопшихъ, потому что, кромѣ общей службы въ церквахъ, каждому частному лицу священникъ обыкновенно читаетъ еще особенную молитву по какому бы то ни было поводу или дѣлу, собирается ли онъ куда ѣхать, идти, плыть водою или пахать землю, словомъ, при всякомъ его предпріятіи. Молитвы эти не приспособлены къ обстоятельствамъ замышляемаго дѣла, но избираются случайно изъ обыкновенныхъ молитвъ церковныхъ, однако ихъ считаютъ святѣе и дѣйствительнѣе, когда онѣ произносятся священникомъ, нежели когда читаются кѣмъ-либо самимъ. Сверхъ того, у нихъ есть обычай праздновать одинъ разъ въ годъ день Святого, во имя котораго сооружена церковь. Въ это время всѣ сосѣди и обыватели ближайшихъ приходовъ собираются въ церковь, гдѣ бываетъ праздникъ, чтобы отслужить молебенъ ея Святому за себя и своихъ родственниковъ, и тутъ священникъ получаетъ плату за свои труды. Такія приношенія доставляютъ имъ по нѣскольку десятковъ фунтовъ въ годъ, болѣе или менѣе, смотря по степени вѣрованія и уваженія къ Святому церкви. Въ такой день, празднуемый ежегодно, священникъ всегда нанимаетъ въ подмогу себѣ нѣсколько другихъ сосѣднихъ священниковъ, будучи обязанъ приносить Святому болѣе молитвъ, нежели сколько самъ можетъ успѣть. Кромѣ того, они ходятъ по домамъ своихъ прихожанъ со святою водою и куреніями, обыкновенно одинъ разъ каждые четыре мѣсяца, и такимъ образомъ, окропивъ и окуривъ хозяина, жену его и всѣхъ домашнихъ, съ ихъ пожитками, получаютъ за то большую или меньшую плату, смотря по достатку хозяина. Все это вмѣстѣ доставитъ священнику на его содержаніе около 30 или 40 рублей въ годъ, изъ коихъ десятую часть онъ платитъ епископу своей епархіи.

Попа или священника можно узнать по длиннымъ волосамъ, закинутымъ за уши, по его рясѣ съ широкимъ воротомъ и посоху въ рукѣ. Прочая одежда его та же, что и простого народа. Когда онъ совершаетъ обѣдню или служитъ въ церкви, то надѣваетъ стихарь, а иногда и ризу, въ болѣе торжественные дни. Кромѣ обыкновенныхъ поповъ или священниковъ у нихъ есть еще такъ называемые черные попы, которые могутъ занимать священническія мѣста, хотя пострижены въ монахи въ какомъ-либо монастырѣ. Повидимому, они здѣсь то же самое, что и священники-монахи въ папской Церкви. Подъ священникомъ въ каждой церкви есть еще дьякъ (deacon), который исполняетъ только обязанность приходскаго клерка. Что касается до протопоповъ или протоіереевъ и ихъ архидіаконовъ, которые готовятся быть посвященными въ протопопы, то они служатъ только въ соборныхъ церквахъ.

Монашествующихъ у нихъ безчисленное множество, гораздо болѣе, нежели въ другихъ государствахъ, подвластныхъ папѣ. Каждый городъ и значительная часть всей страны ими наполнены, ибо они умѣли сдѣлать (такъ точно, какъ добились того же католическіе монахи посредствомъ суевѣрія и лицемѣрства), что всѣ лучшія и пріятнѣйшія мѣста въ государствѣ заняты обителями или монастырями, сооруженными во имя того или другого Святого. Число монаховъ тѣмъ болѣе значительно, что они размножаются не только отъ суевѣрія жителей, но и потому, что монашеская жизнь наиболѣе отстранена отъ притѣсненій и поборовъ, падающихъ на простой народъ, что и заставляетъ многихъ надѣвать монашескую рясу, какъ лучшую броню противъ такихъ нападеній. Кромѣ лицъ, поступающихъ въ это званіе по доброй волѣ, есть и такіе, которыхъ принуждаютъ постригаться въ монахи, вслѣдствіе

какой-либо опалы. Къ послѣднимъ большею частью принадлежатъ члены знатнаго дворянства. Нѣкоторые идутъ въ монастыри, какъ въ мѣста неприкосновенныя, и постригаются здѣсь въ монахи, чтобы избѣгнуть наказанія, которое заслужили по законамъ государства, ибо успѣвшій поступить въ монастырь и надѣть рясу прежде, нежели его схватятъ, пользуется навсегда защитой противъ всякаго закона, все равно, какое бы ни совершилъ преступленіе, исключая измѣны. Но такое условіе допускается съ тѣмъ, что никто не можетъ поступить въ монастырь (кромѣ лицъ, которыхъ принимаютъ по Царскому повелѣнію) иначе, какъ отдавъ ему свои помѣстья или принеся съ собою капиталъ, который обязанъ внести въ общую монастырскую казну. Одни вносятъ 1.000 рублей, другіе болѣе; но съ капиталомъ менѣе трехъ или четырехсотъ рублей никого не принимаютъ.

Постриженіе въ монахи совершается слѣдующимъ образомъ. Прежде всего игуменъ снимаетъ съ постригаемаго свѣтское или обыкновенное его платье, потомъ надѣваетъ на него бѣлую фланелевую рубаху и сверхъ нея длинную мантію, висящую до земли, и опоясываетъ ее широкимъ кожанымъ поясомъ. Самая верхняя одежда его сдѣлана изъ гарусной или шелковой матеріи и весьма похожа цвѣтомъ и покроемъ на одежду завѣдывающихъ чисткою печныхъ трубъ. Затѣмъ выстригаютъ ему волосы на маковкѣ, шириною въ ладонь или болѣе, до самой кожи, и въ то самое время, когда игуменъ стрижетъ волосы, произноситъ онъ слѣдующія или подобныя слова: какъ эти волосы отнимаются отъ главы твоей, такъ точно принимаемъ мы теперь и совершенно отдѣляемъ тебя отъ міра и всѣхъ суетъ мірскихъ и проч. Окончивъ это, помазуетъ онъ маковку головы его елеемъ, надѣваетъ на него рясу и, такимъ образомъ, принимаетъ въ число братіи. Постриженники даютъ обѣтъ вѣчнаго цѣломудрія и воздержанія отъ мяса.

Кромѣ того, что монахи владѣютъ помѣстьями (весьма значительными), они самые оборотливые купцы во всемъ государствѣ и торгуютъ всякаго рода товарами. Нѣкоторые изъ монастырей имѣютъ доходу отъ помѣстьевъ по тысячѣ или

по двѣ тысячи рублей въ годъ. Одинъ монастырь, называемый Троицкимъ, получаетъ отъ помѣстьевъ и повинностей въ его пользу до ста тысячъ рублей или марокъ годового дохода. Онъ построенъ въ родѣ крѣпости, обнесенъ вокругъ стѣною, на которой поставлены огнестрѣльныя орудія, и въ этой оградѣ занимаетъ большое пространство земли со множествомъ зданій. Здѣсь однихъ монаховъ, не считая должностныхъ лицъ и служителей, до 700 человѣкъ. Нынѣшняя Царица, не имѣя дѣтей отъ Царя, своего супруга, давала много обѣтовъ Святому Сергію, покровителю этого монастыря, чтобы онъ благословилъ ее чадородіемъ. Каждый годъ ходитъ она туда пѣшкомъ, на богомолье изъ Москвы, что составляетъ около 80 англійскихъ миль, въ сопровожденіи пяти или шести тысячъ женщинъ, одѣтыхъ въ синія платья, и съ четырьмя тысячами солдатъ, составляющихъ ея тѣлохранителей. Но Святой Сергій до сихъ поръ не услышалъ молитвы ея.

О степени просвѣщенія монаховъ можно судить по епископамъ, которые суть самыя избранныя лица изо всѣхъ монастырей. Я говорилъ съ однимъ изъ нихъ въ Вологдѣ и, желая испытать его знанія, далъ ему Священное Писаніе на русскомъ языкѣ, открывъ первую главу Евангелія Св. Матѳея. Онъ принялся читать весьма хорошо. Тутъ спросилъ я его прежде всего, какую часть Священнаго Писанія онъ прочелъ теперь? Онъ отвѣчалъ, что не можетъ сказать навѣрное.—Сколько было Евангелистовъ въ Новомъ Завѣтѣ?—Онъ отвѣчалъ, что не знаетъ.—Сколько было Апостоловъ?—По его мнѣнію, 12.—Какимъ образомъ надѣется онъ быть спасеннымъ?—На этотъ вопросъ отвѣчалъ онъ мнѣ, сообразно ученію Русской Церкви, что не знаетъ еще, будетъ ли спасенъ или нѣтъ, но если Богъ пожалуетъ или помилуетъ и спасетъ его, то онъ будетъ этому очень радъ; если же нѣтъ, то нечего дѣлать.—Я спросилъ его, для чего онъ постригся въ монахи? Онъ отвѣтилъ: для того, чтобы покойно ѣсть хлѣбъ свой. Вотъ просвѣщеніе русскихъ монаховъ, о которомъ хотя и нельзя судить по одному человѣку, но по невѣжеству его можно отчасти заключать и о невѣжествѣ прочихъ.

Такъ же много у нихъ и женскихъ монастырей, изъ кото-

рыхъ иные принимаютъ только вдовъ и дочерей дворянъ, когда Царь намѣревается оставить ихъ въ безбрачномъ состояніи для пресѣченія рода, который онъ желаетъ погасить. О жизни монаховъ и монахинь нечего разсказывать тѣмъ, коимъ извѣстно лицемѣріе и испорченность нравовъ этого сословія. Сами русскіе, хотя, впрочемъ, преданные всякому суевѣрію, такъ дурно отзываются о нихъ, что всякій скромный человѣкъ поневолѣ долженъ замолчать.

Кромѣ монаховъ, у нихъ есть особенные блаженные, которыхъ они называютъ святыми людьми, очень похожіе на Гимнософистовъ и по своей жизни, и поступкамъ, хотя не имѣютъ ничего общаго съ ними относительно познаній и образованія. Они ходятъ совершенно нагіе, даже зимою въ самые сильные морозы, кромѣ того, что посрединѣ тѣла перевязаны лохмотьями, съ длинными волосами, распущенными и висящими по плечамъ, а многіе еще съ веригами на шеѣ или посрединѣ тѣла. Ихъ считаютъ пророками и весьма святыми мужами, почему и дозволяютъ имъ говорить свободно все, что хотятъ, безъ всякаго ограниченія, хотя бы даже о самомъ Богѣ. Если такой человѣкъ явно упрекаетъ кого-нибудь въ чемъ бы то ни было, то ему ничего не возражаютъ, а только говорятъ, что заслужили это по грѣхамъ; если же кто изъ нихъ, проходя мимо лавки, возьметъ что-нибудь изъ товаровъ, для отдачи, куда ему вздумается, то купецъ, у котораго онъ такимъ образомъ что-либо взялъ, почтетъ себя весьма любимымъ Богомъ и угоднымъ святому мужу. Но такого рода людей немного, потому что ходить голымъ въ Россіи, особенно зимою, очень не легко и весьма холодно. Въ настоящее время, кромѣ другихъ, есть одинъ въ Москвѣ, который ходитъ голый по улицамъ и возстановляетъ всѣхъ противъ правительства, особенно же противъ Годуновыхъ, которыхъ почитаютъ притѣснителями всего государства. Былъ еще такой же другой, умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по имени Василій, который рѣшался упрекать покойнаго Царя въ его жестокости и во всѣхъ угнетеніяхъ, какимъ онъ подвергалъ народъ. Тѣло его перенесли недавно въ великолѣпную церковь, близъ царскаго дворца, въ Москвѣ, и причли его къ лику Святыхъ.

Онъ творилъ здѣсь много чудесъ, за что ему дѣлали обильныя приношенія не только простолюдины, но и знатное дворянство, и даже самъ Царь и Царица, посѣщающіе этотъ храмъ съ большимъ благоговѣніемъ. Былъ еще одинъ такой же, пользовавшійся большимъ уваженіемъ, въ Псковѣ (по имени Никола Псковскій), который сдѣлалъ много добра въ то время, когда отецъ нынѣшняго Царя пришелъ грабить городъ, вообразивъ, что замышляютъ противъ него бунтъ. Царь, побывавъ прежде у Блаженнаго на дому, послалъ ему подарокъ, а святый мужъ, чтобы отблагодарить Царя, отправилъ къ нему кусокъ сырого мяса, между тѣмъ какъ въ то время былъ у нихъ постъ. Увидѣвъ это, Царь велѣлъ сказать ему, что онъ удивляется, какъ святой мужъ предлагаетъ ему ѣсть мясо въ постъ, когда Святая Церковь запрещаетъ это. „Да развѣ Ивашка думаетъ,—сказалъ Никола,—что съѣсть постомъ кусокъ мяса какого-нибудь животнаго грѣшно, а нѣтъ грѣха ѣсть столько людского мяса, сколько уже съѣлъ?“ Угрожая Царю, что съ нимъ случится какое-нибудь ужасное происшествіе, если онъ не перестанетъ умерщвлять людей и не оставитъ городъ, онъ такимъ образомъ спасъ въ это время жизнь множеству народа. Вотъ почему блаженныхъ народъ очень любитъ, ибо они, подобно пасквилямъ, указываютъ на недостатки знатныхъ, о которыхъ никто другой и говорить не смѣетъ. Но иногда случается, что за такую дерзкую свободу, которую они позволяютъ себѣ, прикидываясь юродивыми, отъ нихъ тайно отдѣлываются, какъ это и было съ однимъ или двумя въ прошедшее царствованіе за то, что они уже слишкомъ смѣло поносили правленіе Царя.

—✽✽✽—

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

О церковной службѣ и совершеніи таинствъ.

Утренняя служба называется у нихъ заутреней. Совершаютъ ее слѣдующимъ образомъ. Священникъ входитъ въ церковь въ сопровожденіи своего дьячка. Дошедши до половины церкви, начинаетъ онъ громкимъ голосомъ: Благослови, Владыко, т.-е. Благослови насъ, Отецъ Небесный, подразумѣвая подъ этимъ Христа; потомъ прибавляетъ: Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, единъ Богъ во святой Троицѣ, и повторяетъ трижды: Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй. Послѣ того онъ идетъ въ алтарь или во Святая Святыхъ (какъ они его называютъ), куда входитъ чрезъ Царскія двери или небесныя врата, чрезъ которыя никто не можетъ входить, кромѣ одного священника. Здѣсь, стоя передъ алтаремъ или престоломъ, поставленнымъ къ задней стѣнѣ, онъ читаетъ молитву Господню и опять говоритъ: Господи помилуй, всего двѣнадцать разъ. Потомъ прославляетъ Святую Троицу, Отца, Сына и Святаго Духа, во вѣки вѣковъ, на что дьячки и народъ отвѣчаютъ: Аминь. Затѣмъ священникъ читаетъ псалмы на тотъ день и, возгласивъ: Пріидите поклонимся и припадемъ ко Христу, и проч., какъ самъ, такъ равно дьячки и весь народъ обращаются къ образамъ, висящимъ на стѣнѣ, и, крестясь, дѣлаютъ три земныхъ поклона. Послѣ того читаетъ онъ еще десять заповѣдей и Вѣрую, по служебнику. По окончаніи этого, дьячокъ, стоящій внѣ Царскихъ дверей, читаетъ сказаніе по книгѣ рукописной (потому что печатныхъ книгъ у нихъ нѣтъ) о жизни какого-либо Святого, чудесахъ его и проч. Книга эта раздѣлена на нѣсколько частей, сообразно

каждому дню года, и читается у нихъ нараспѣвъ, подобно тому, какъ у папистовъ поется Евангеліе. Послѣ всей этой церемоніи, продолжающейся часъ, полтора или два, онъ читаетъ еще нѣсколько молитвъ, относящихся къ тому, что было сказано въ житіи Святого, и тѣмъ служба оканчивается. Въ продолженіе всего этого времени передъ образами горитъ множество восковыхъ свѣчей (нѣкоторыя толщиною въ человѣческую руку), поставленныхъ прихожанами по обѣщанію или изъ покаянія.

Около 9 часовъ утра совершается у нихъ другая служба, называемая обѣднею, весьма похожая на службу папскую, извѣстную подъ этимъ же именемъ. Въ торжественный или праздничный день къ службѣ прибавляютъ еще слова: Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, и проч., также: Тебе Бога Хвалимъ, и проч., и поютъ это болѣе торжественнымъ и страннымъ образомъ.

Послѣобѣденная служба называется вечернею, которую священникъ начинаетъ, какъ и заутреню, словами: Благослови, Владыко, и чтеніемъ опредѣленныхъ на то псалмовъ. Послѣ того онъ поетъ стихъ: Благослови, душе моя, Господа, и проч., а по окончаніи его священникъ, дьячки и народъ поютъ всѣ въ одинъ голосъ: Господи помилуй, тридцать разъ сряду, между тѣмъ какъ мальчики, находящіеся въ церкви, отвѣчаютъ на это всѣ вдругъ, бормоча такъ скоро, какъ только успѣваютъ шевелить губами: аминь, аминь, аминь, аминь (Yerij), или аллилуія, аллилуія, аллилуія (Prayse), и проч., также тридцать разъ сряду, производя чрезвычайно странные звуки. Потомъ священникъ читаетъ, а въ праздники поетъ первый псаломъ: Блаженъ мужъ, и проч.; по окончаніи же его прибавляетъ: аллилуія, десять разъ сряду. Затѣмъ священникъ читаетъ какую-нибудь часть Евангелія, оканчивая его также словомъ аллилуія, которое повторяется три раза. Наконецъ, прочитавъ молитву въ честь Святого, котораго память празднуется въ этотъ день, онъ оканчиваетъ свою вечернюю службу. Во все это время священникъ стоитъ у престола въ алтарѣ, или во Святая Святыхъ, не выходя оттуда ни разу въ продолженіе всей службы, а дьячокъ или дьячки, которыхъ много

въ соборныхъ церквахъ, стоятъ внѣ алтаря, неподалеку отъ Царскихъ дверей, или небесныхъ вратъ, ибо въ самый алтарь не должны входить во всю службу, хотя въ другое время обязаны мести въ немъ полъ, содержать его въ опрятности и ставить свѣчи передъ образами. Народъ въ продолженіе всей службы стоитъ въ самой срединѣ церкви, а нѣкоторые на паперти, потому что мѣстъ для сидѣнія у нихъ въ церквахъ нѣтъ.

Таинство крещенія совершается у нихъ слѣдующимъ образомъ. Младенца приносятъ въ церковь (что дѣлается въ первые восемь дней послѣ его рожденія). Если онъ благороднаго происхожденія, то его привозятъ съ особенною пышностью въ богатыхъ саняхъ или въ повозкѣ съ сидѣньемъ и подушками, обитыми золотой парчой, и вообще такъ парадно, какъ только кому возможно. Священникъ уже заранѣе дожидается младенца, стоя на церковной паперти, гдѣ подлѣ него ставится и купель съ водою. Онъ начинаетъ съ объясненія провожатымъ, что они привезли младенца невѣрующаго для того, чтобы обратить его въ христіане, и проч.; потомъ даетъ наставленіе воспріемникамъ, которыхъ бываетъ по два или по три, по извѣстной формѣ, написанной у него въ книгѣ, поучая ихъ, въ чемъ заключается ихъ обязанность относительно воспитанія младенца послѣ его крещенія, именно, что должно внушать ему познаніе о Богѣ и Христѣ Спасителѣ, но такъ какъ Богъ есть существо высочайшее, и мы не можемъ надѣяться достигнуть до него безъ посредниковъ (такъ точно, какъ въ томъ случаѣ, когда мы обращаемся съ какою-нибудь просьбою къ Царю или какому-нибудь Государю), то они должны научить его, какіе святые суть лучшіе и важнѣйшіе предстатели за насъ предъ Богомъ, и проч. Послѣ этого повелѣваетъ онъ дьяволу, именемъ Господа Бога и съ особымъ заклинаніемъ, выйти изъ воды и, прочитавъ нѣкоторыя молитвы, погружаетъ младенца три раза въ воду вмѣстѣ съ головою и ушами, ибо они считаютъ необходимымъ, чтобы не оставалось ни одной части тѣла, не бывшей въ водѣ.

Слова, произносимыя священникомъ при погруженіи младенца въ воду и составляющія вмѣстѣ съ тѣмъ формулу кре-

щенія, суть тѣ же самыя, какія предписаны въ Евангеліи и употребляются у насъ, т.-е.: Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Что касается до того, что будто они измѣняютъ эту формулу и говорятъ: Святымъ Духомъ (какъ я объ нихъ слышалъ), слѣдуя обычаю нѣкоторыхъ еретиковъ Греческой Церкви, то я удостовѣрился, что это несправедливо, какъ изъ свидѣтельства тѣхъ, которые часто бывали у нихъ на крестинахъ, такъ и на основаніи самаго ихъ служебника, гдѣ очень отчетливо излагается весь порядокъ крещенія.

Какъ скоро младенецъ окрещенъ, священникъ помазываетъ ему елеемъ, смѣшаннымъ съ солью, лобъ и обѣ стороны лица, потомъ ротъ, проводя пальцемъ по губамъ его, какъ дѣлали прежде католическіе священники, и произнося въ то же время нѣкоторыя, относящіяся къ тому, молитвы: Да содѣлаетъ его Господь добрымъ христіаниномъ, и проч., что все совершается на паперти. Тогда уже младенецъ, какъ христіанинъ, могущій входить въ самый храмъ, вносится въ церковь, при чемъ священникъ идетъ впереди, и здѣсь подносятъ его къ главному образу, положивъ на подушку и держа ее у подножія Святого, чтобы онъ, какъ заступникъ, предстательствовалъ за него предъ Богомъ. Если младенецъ боленъ или слабъ (особенно зимою), то употребляютъ тепловатую воду. Послѣ крещенія у младенца обыкновенно состригаютъ съ головы нѣсколько волосъ и, завернувъ ихъ въ кусокъ воска, кладутъ въ сокровенномъ мѣстѣ церкви, какъ памятникъ совершеннаго таинства.

Таковъ у нихъ обрядъ крещенія, который, по ихъ мнѣнію, есть лучшій и совершеннѣйшій, какъ и всѣ другіе догматы ихъ вѣры, переданные имъ, какъ они говорятъ, лучшею изъ Церквей, разумѣя подъ этимъ Церковь Греческую. Вотъ почему стараются они всѣми силами обращать въ свою Церковь какъ невѣрныхъ, такъ и христіанъ другихъ исповѣданій, подвергая ихъ вторичному крещенію по русскому обычаю. Взявши въ плѣнъ какого-нибудь татарина, они обыкновенно обѣщаютъ ему жизнь съ условіемъ, чтобы онъ крестился. Несмотря на то, имъ очень немногихъ удается убѣдить на такой выкупъ жизни, по причинѣ врожденной ненависти татаръ къ русскимъ

и потому, что они считаютъ ихъ лукавыми и несправедливыми. На другой годъ послѣ того, какъ крымскіе татары сожгли Москву, былъ взятъ въ плѣнъ какой-то Дивѣй-Мурза, одинъ изъ начальниковъ, бывшихъ въ этомъ походѣ, съ 300 другихъ татаръ, и всѣмъ имъ обѣщали сохранить жизнь, если они согласятся окреститься по русскому обряду; но всѣ они отказались, осыпая упреками тѣхъ, которые старались ихъ къ тому склонить. Тогда уже повели ихъ всѣхъ къ Москвѣ-рѣкѣ, протекающей чрезъ городъ, и окрестили самымъ жестокимъ образомъ: ударяя по головѣ, бросали ихъ въ воду, для чего была нарочно сдѣлана во льду прорубь. Напротивъ, изъ плѣнныхъ ливонцевъ многіе соглашаются креститься въ другой разъ по русскому обычаю, чтобы пользоваться большею свободою и сверхъ того пріобрѣсть себѣ что-нибудь на прожитокъ, получая, обыкновенно, при этомъ награду отъ Царя. Изъ англичанъ, съ тѣхъ поръ, какъ они начали пріѣзжать сюда, не было ни одного, который бы до того забылъ Бога, свою вѣру и отечество, чтобы рѣшился перекреститься въ русскую вѣру, по страху ли, предпочтенію, или по какимъ-либо другимъ причинамъ, кромѣ одного Ричарда Рельфа, который, занимаясь прежде безбожною торговлею, какъ содержатель кабака (вопреки тамошнимъ постановленіямъ) и будучи лишенъ права торговать, между тѣмъ какъ царскіе чиновники отняли у него все имущество, самъ перешелъ въ прошедшемъ году въ русскую вѣру; перекрестившись, живетъ онъ теперь также идолопоклонникомъ, какъ прежде былъ человѣкомъ развратнымъ и мотомъ.

Принимающіе такимъ образомъ русское крещеніе отправляются сперва въ какой-либо монастырь, для того, чтобы ознакомиться здѣсь съ ученіемъ и обрядами Церкви. При этомъ соблюдаются слѣдующія обыкновенія. Прежде всего на иновѣрца надѣваютъ новое, чистое платье русскаго покроя и возлагаютъ ему на голову вѣнецъ или (лѣтомъ) гирлянду изъ цвѣтовъ; потомъ помазуютъ голову его елеемъ, въ руки даютъ восковую свѣчу и читаютъ надъ нимъ молитвы по четыре раза въ день въ продолженіе цѣлой недѣли. Во все это время онъ долженъ воздерживаться отъ мясной и молочной пищи.

По прошествіи семи дней онъ обмывается въ банѣ, а въ восьмой день приводится въ церковь, гдѣ монахи наставляютъ его, какъ должно оказывать почтеніе образамъ, поклоняться предъ ними, ударять головою въ землю, креститься и другимъ подобнымъ обрядамъ, составляющимъ самую значительную часть русской религіи.

Причащаются они всего однажды въ годъ, Великимъ постомъ, незадолго до Святой недѣли. Никакъ не болѣе трехъ человѣкъ допускаются къ причастію въ одно и то же время. Что касается до самаго причащенія, то при этомъ исполняются слѣдующіе обряды. Сперва исповѣдываются они во всѣхъ грѣхахъ своихъ предъ священникомъ, котораго называютъ отцомъ духовнымъ, потомъ приходятъ въ церковь и призываются къ причастному столу, который, въ видѣ алтаря, стоитъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ верхняго конца церкви, какъ въ Голландіи. Здѣсь прежде всего спрашиваетъ ихъ священникъ, съ чистымъ ли сердцемъ предстали они, т.-е. не оставили ли за собою какого грѣха, въ которомъ не покаялись. Если они отвѣчаютъ: нѣтъ, то допускаются къ столу. Тутъ священникъ прочитываетъ нѣкоторыя обычныя молитвы, между тѣмъ какъ причастники стоятъ съ сложенными руками, какъ кающіеся или скорбящіе. Окончивъ молитвы, священникъ беретъ ложку и наполняетъ ее краснымъ виномъ, потомъ кладетъ въ нее небольшой кусокъ хлѣба и, смѣшавъ ихъ вмѣстѣ, подноситъ ложку къ каждому изъ причастниковъ, которые всѣ стоятъ въ порядкѣ, произнося при этомъ безъ всякой разстановки слѣдующія обычныя слова этого таинства: Пріимите, ядите, и проч.; Пійти отъ нея, и проч. Послѣ этого онъ опять подаетъ имъ порознь хлѣбъ и вино, разбавленное тепловатою водою, чтобъ яснѣе представить кровь (какъ они думаютъ) и вмѣстѣ воду, которая текла изъ ребра Христова. Пока обрядъ этотъ совершается, причастники разнимаютъ руки, а потомъ, сложивъ ихъ снова, три раза обходятъ за священникомъ вокругъ причастнаго стола и затѣмъ возвращаются на свои мѣста. Наконецъ, прочитавъ нѣсколько другихъ молитвъ, онъ отпускаетъ причастниковъ, совѣтуя имъ быть веселыми и бодрыми въ продолженіе семи слѣдующихъ дней, по прошествіи кото-

рыхъ приказываетъ имъ зато поститься столько же времени послѣ. Это исполняютъ они съ такою ревностью, что не ѣдятъ ничего, кромѣ хлѣба съ солью, немного капусты и кой-какихъ травъ или кореньевъ, а пьютъ только воду, квасъ или медъ.

Такъ совершаются у нихъ таинства. Изъ этого легко можно видѣть, въ чемъ они отступаютъ отъ постановленій Христовыхъ и какіе обряды прибавили сами отъ себя или же заимствовали у грековъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

О дагматахъ русской церкви и ея заблужденіяхъ.

Главныя заблужденія ихъ въ отношеніи къ вѣрѣ, по мнѣнію моему, слѣдующія. Во-первыхъ, что касается до Слова Божія, то они не читаютъ всенародно нѣкоторыхъ книгъ Священнаго Писанія, каковы, наприм., книги Моисея, особенно послѣднія четыре: Исходъ, Левитъ, Числа и Второзаконія, признавая ихъ недостовѣрными и утратившими свое значеніе со времени пришествія Христова, такъ какъ ими не устанавливается никакого различія между закономъ нравственнымъ и обрядовымъ. Книгъ пророческихъ они не отвергаютъ, но не читаютъ ихъ публично въ церквахъ по той же самой причинѣ, что въ нихъ содержатся только прообразованія о Христѣ и они относятся (какъ они говорятъ) только къ евреямъ. Одинъ Псалтырь у нихъ въ большомъ уваженіи: его поютъ и читаютъ каждый день въ церквахъ. Новый Завѣтъ они признаютъ и читаютъ весь, исключая Апокалипсиса, котораго не читаютъ (хотя и не отвергаютъ его), потому что не могутъ понять и не имѣютъ такой возможности, какъ Западная Церковь, удостовѣриться въ исполненіи заключающихся здѣсь пророчествъ, особенно, что касается до вѣроотступничества антихристовой церкви. Однако, и у нихъ были свои антихристы Греческой Церкви, и даже самое паденіе ихъ и наказаніе за то владычествомъ турокъ они могутъ найти въ числѣ пророченій этой же книги.

Во-вторыхъ (что собственно составляетъ источникъ всѣхъ ихъ прочихъ заблужденій какъ относительно ученія ихъ о вѣрѣ, такъ и въ отношеніи къ обрядамъ), полагаютъ они,

вмѣстѣ съ папистами, что преданія ихъ Церкви имѣютъ одинаковое значеніе съ Священнымъ Писаніемъ. Съ этой точки они отдаютъ предпочтеніе своей Церкви передъ всѣми прочими, утверждая, что у нихъ сохраняются самыя истинныя и справедливыя преданія, сообщенныя Апостолами греческой Церкви, а отъ нея полученныя ими.

Въ 3-хъ, что Церковь (разумѣя подъ этимъ греческую и въ особенности патріарха и его синодъ, какъ главу всего прочаго духовенства) имѣетъ верховную власть толковать Священное Писаніе, и что всѣ обязаны почитать эти толкованія непогрѣшительными и истинными.

Въ 4-хъ, говоря о Божественныхъ свойствахъ и о трехъ лицахъ Единосущнаго Божества, они утверждаютъ, что Святый Духъ исходитъ только отъ Отца, а не отъ Сына.

5. О дѣлахъ Христа у нихъ существуетъ множество заблужденій, почти тѣхъ же самыхъ, какъ и въ папской Церкви, именно, что онъ есть единый Искупитель, но не единый заступникъ предъ Богомъ. Главное ихъ доказательство (когда съ ними о томъ заговорятъ), приводимое ими въ защиту этого заблужденія, заключается въ неумѣстномъ и странномъ сравненіи Бога съ земнымъ Владыкою или Государемъ, котораго должно о чемъ-либо просить чрезъ посредство ближайшихъ къ нему особъ. Въ этомъ случаѣ они отдаютъ еще преимущество однимъ предъ другими, какъ-то: Благословенной Дѣвѣ Маріи, которую называютъ Пречистою или Пренепорочною, и Св. Николаю, именуемому у нихъ Скорымъ Помощникомъ. Они говорятъ, что Богъ назначилъ ему для служенія 300 главныхъ Ангеловъ. Это довело ихъ до ужаснаго идолопоклонства, притомъ самаго грубаго и невѣжевеннаго, состящаго въ томъ, что они съ такимъ же благовѣніемъ честятъ свои образа, какъ бы самого Бога, принося имъ молитвы, благодаренія, жертвы или поклоняясь имъ до самой земли и ударяя объ нее головою. Такъ какъ всѣ эти почести они оказываютъ только образу Святого, а не самому его изображенію, то говорятъ, что поклоняются не идолу, а Святому въ его образѣ и оттого нисколько не оскорбляютъ Бога, забывая заповѣдь Господню, которая запрещаетъ творить кумиръ и всякое подобіе

для того, чтобы ему поклоняться, или вообще для какого бы то ни было употребленія. Стѣны ихъ церквей увѣшаны образами, писанными на гладкихъ доскахъ и богато украшенными жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, хотя нѣкоторые изъ нихъ сдѣланы выпуклыми, такъ что отстаютъ отъ доски, по большей мѣрѣ, на дюймъ. Такіе образа называютъ они чудотворными и когда хотятъ поставить ихъ въ церковь, то никакъ не скажутъ, что образъ купленъ, но всегда говорятъ, что онъ вымѣненъ на деньги.

6. Относительно средствъ оправданія, они согласны съ папистами, что не только вѣрой, но и дѣлами должно служить Христу и что это opus operatum, или дѣло изъ любви къ дѣлу, должно быть непремѣнно угодно Богу. Поэтому все заключается у нихъ въ молитвахъ, постахъ, обѣтахъ и приношеніяхъ Святымъ, подаяніи милостыни, крестныхъ знаменіяхъ и тому подобныхъ обрядахъ. Какъ Царь, такъ и дворянство и простой народъ всегда носятъ съ собою четки не только въ церкви, но и въ другихъ общественныхъ мѣстахъ, особенно въ какихъ-нибудь засѣданіяхъ или торжественныхъ собраніяхъ, какъ, напримѣръ, въ судахъ, при общественныхъ совѣщаніяхъ, переговорахъ съ посланниками и т. п.

7. Вмѣстѣ съ папистами они думаютъ, что ни одинъ человѣкъ не можетъ быть увѣренъ въ своемъ спасеніи до послѣдняго рѣшенія въ день судный.

8. Исповѣдываются они наединѣ священнику и думаютъ, что вслѣдствіе этого имъ отпускаются тѣ грѣхи, въ которыхъ они именно сознаются, и въ особенности священнику.

9. Они признаютъ три таинства: крещеніе, причащеніе и елеосвященіе или соборованіе. Впрочемъ, послѣднее они не полагаютъ столь же необходимымъ для спасенія, какъ таинство крещенія, но считаютъ за великое наказаніе и гнѣвъ Божій, если кто умретъ безъ соборованія.

10. Крещеніе они почитаютъ необходимымъ и думаютъ, что всякій, надъ кѣмъ не совершено это таинство, будетъ неминуемо осужденъ.

11. Они перекрещиваютъ всѣхъ христіанъ, не принадлежащихъ къ греческой Церкви какъ скоро они переходятъ

въ русскую вѣру, потому что почитаютъ ихъ отдѣленными отъ истинной Церкви, которая, по ихъ мнѣнiю, есть только Церковь греческая.

12. Въ яствахъ и питьѣ они наблюдаютъ различiе, считая употребленiе одного безгрѣшнѣе, чѣмъ употребленiе другого. На этомъ основанiи запрещается у нихъ во время постовъ ѣсть мясо и даже молочную пищу—суевѣрный обычай папистовъ,—что русскiе соблюдаютъ такъ строго и съ такою слѣпою ревностью, что скорѣе согласятся умереть, нежели съѣсть кусокъ мяса, яйцо или тому подобное, даже въ жестокой болѣзни, если бы это было нужно для сохраненiя здоровья.

13. Не позволяется у нихъ вступать въ бракъ всѣмъ духовнымъ лицамъ, исключая священниковъ, которые, впрочемъ, также не могутъ жениться болѣе одного раза, какъ было сказано выше. Даже свѣтскимъ лицамъ неохотно разрѣшаютъ вступать въ бракъ больше двухъ разъ. Этимъ предлогомъ пользуются теперь противъ единственнаго брата Царя, шестилѣтняго ребенка, о которомъ не молятся въ церквахъ (между тѣмъ, какъ это всегда соблюдается въ отношенiи къ лицамъ Царской крови) на томъ основанiи, что онъ отъ шестого брака и, слѣдовательно, незаконнорожденный. Такое приказанiе отдано священникамъ самимъ Царемъ, по проискамъ Годунова, который увѣрялъ его, что отстраненiе любви народной отъ ближайшаго наслѣдника есть весьма хорошая политическая мѣра.

Есть еще у нихъ множество другихъ ложныхъ мнѣнiй въ отношенiи къ вѣрѣ, но это главныя заблужденiя, внушенныя имъ частью преданiями, которыя имъ сообщены Церковью греческою, а въ особенности незнанiемъ Священнаго Писанiя. Послѣднее хотя есть у нихъ на польскомъ языкѣ (совершенно сходномъ съ ихъ языкомъ, за исключенiемъ нѣкоторыхъ словъ), но очень немногiе читаютъ его съ такимъ благочестiемъ, какого требуетъ это занятiе; для простого же народа, если бы онъ захотѣлъ читать, нѣтъ нужнаго числа книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта, хотя простыхъ служебниковъ у нихъ чрезвычайно много.

Всѣ эти недостатки происходятъ отъ лицъ духовныхъ, которыя, будучи сами невѣжественны и неблагочестивы, изо всѣхъ силъ стараются удерживать народъ въ такомъ же невѣжествѣ и слѣпотѣ для своихъ выгодъ и доходовъ, а отчасти и отъ тамошняго образа правленiя, такъ какъ Цари, на которыхъ особенно лежитъ такая обязанность, не желаютъ замѣнить его какими-нибудь нововведенiями, а, напротивъ, стараются удержать ту религiю, которая наиболѣе къ нему подходитъ. Несмотря на то, нѣтъ сомнѣнiя, что если бы они хотя сколько-нибудь хранили Слово Божiе (хотя безъ обыкновенныхъ способовъ къ достиженiю истиннаго смысла и разумѣнiя его), то и Богъ имѣлъ бы между ними своихъ избранныхъ, что отчасти подтверждается также словами одного русскаго изъ жителей Москвы, который сказалъ по секрету одному изъ моихъ слугъ жителей, разсуждавшему объ ихъ образахъ и суевѣрiи, что Богъ просвѣтилъ Англiю и можетъ съ ними сдѣлать то же самое, если только Ему будетъ угодно.

Что касается до преслѣдованiй по дѣламъ вѣры, то я ничего не слыхалъ объ этомъ, кромѣ того, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ двое, мужъ и жена, содержались цѣлыхъ 28 лѣтъ въ тюрьмѣ, до тѣхъ поръ, пока они превратились въ совершенныхъ уродовъ по волосамъ, ногтямъ, цвѣту лица и проч. и, наконецъ, были сожжены въ Москвѣ, въ маленькомъ домѣ, который нарочно для того подожгли. Вина ихъ осталась тайною, но вѣроятно, что они были наказаны за какую-нибудь религiозную истину, хотя священники и монахи увѣрили народъ, что эти люди были злые и проклятые еретики.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

О брачныхъ обрядахъ.

Брачные обряды у нихъ отличны отъ обрядовъ въ другихъ странахъ. Жениху, хотя онъ никогда не видалъ прежде своей невѣсты, не позволяютъ видѣть ее во все время, пока продолжается сватовство, въ которомъ дѣйствующимъ лицомъ не онъ самъ, а мать его или какая другая пожилая его родственница или знакомая. Какъ скоро изъявлено согласіе (какъ родителями, такъ и самими вступающими въ бракъ, ибо если бракъ заключенъ безъ вѣдома и согласія родителей, то онъ считается незаконнымъ), отцы съ обѣихъ сторонъ, или заступающіе ихъ мѣсто, съ другими близкими родственниками, сходятся и говорятъ о приданомъ, которое бываетъ весьма значительно, смотря по состоянію родителей, такъ что нерѣдко какой-нибудь торговецъ (какъ они называютъ ихъ) даетъ за своею дочерью 1,000 рублей или болѣе.

Отъ мужчины никогда не требуется и вовсе у нихъ не въ обычаѣ, чтобы онъ дѣлалъ какой-нибудь даръ въ видѣ вознагражденія за приданое; но если у него будетъ уже дитя, то жена, отъ которой оно родилось, получаетъ на прожитокъ третью часть по смерти мужа; а когда у него двое или болѣе отъ нея дѣтей, то получаетъ она еще болѣе, по благоусмотрѣнію мужа. Но если мужъ умретъ, не оставивъ дѣтей отъ жены, то ее отсылаютъ домой въ ея семейство безъ всякаго вознагражденія, кромѣ того, что ей возвращается ея приданое, въ томъ случаѣ, когда послѣ мужа останется настолько имѣнія. Условившись о приданомъ, договаривающіяся лица пишутъ взаимное обязательство какъ о выдачѣ приданаго, такъ

и о совершеніи брака въ назначенный день. Если невѣста не была еще прежде замужемъ, то отецъ ея и родственники обязаны кромѣ того удостовѣрить въ ея непорочности, вслѣдствіе чего возникаютъ большія ссоры и тяжбы, когда мужъ возымѣетъ сомнѣніе насчетъ поведенія и честности жены своей. По окончаніи переговоровъ, вступающіе въ бракъ начинаютъ посылать другъ другу подарки, сначала невѣста, потомъ женихъ, но все не видятся между собою до самаго совершенія брака. Наканунѣ свадебнаго дня невѣсту отвозятъ въ колымагѣ, или (зимою) въ саняхъ, въ домъ жениха, съ приданымъ и кроватью, на которой будутъ спать молодые, потому что кровать всегда доставляется со стороны невѣсты и обыкновенно бываетъ очень роскошно отдѣлана и стоитъ большихъ денегъ. Здѣсь невѣста ночуетъ съ своею матерью и другими женщинами, но женихъ не встрѣчаетъ и даже ни разу не видитъ ее.

Въ день, назначенный для совершенія брака, на невѣсту надѣваютъ покрывало изъ тонкаго вязанья или полотна, которое накидывается ей на голову и опускается до пояса. Послѣ того невѣста и женихъ, въ сопровожденіи своихъ родственниковъ, отправляются въ церковь, всѣ верхами, хотя бы церковь находилась подлѣ самаго дома и сами они были простого званія. Слова, произносимыя во время совершенія брака, и другіе соблюдаемые при этомъ обряды весьма сходны съ нашими, не исключая и того, что невѣстѣ также подаютъ кольцо. Какъ скоро она его надѣнетъ и провозглашены будутъ слова брачнаго союза, руку ея соединяютъ съ рукою жениха, который во все это время стоитъ по одну сторону алтаря, или стола, а невѣста по другую. Когда такимъ образомъ священникъ свяжетъ брачный узелъ, невѣста подходитъ къ жениху, стоящему у самаго конца аналоя, и падаетъ ему въ ноги, прикасаясь головою къ его обуви, въ знакъ ея покорности и послушанія, а женихъ накрываетъ ее полою кафтана или верхней одежды, въ знакъ обязанности своей защищать и любить ее. Послѣ того женихъ и невѣста становятся рядомъ у самаго конца аналоя, и здѣсь къ нимъ подходятъ сперва отецъ и другіе родные невѣсты, въ знакъ будущаго между ними свойства и любви. Вмѣстѣ съ тѣмъ отецъ жениха подноситъ ломоть хлѣба свя-

щеннику, который тутъ же отдаетъ его отцу и другимъ родственникамъ невѣсты, заклиная его передъ Богомъ и образами, чтобы онъ выдалъ приданое въ цѣлости и сполна въ назначенный день и чтобы всѣ родственники хранили другъ къ другу неизмѣнную любовь. Тутъ они разламываютъ хлѣбъ на куски и ѣдятъ его въ изъявленіе истиннаго и чистосердечнаго согласія на исполненіе этой обязанности и въ знакъ того, что будутъ съ тѣхъ поръ какъ бы крохами одного хлѣба или участниками одного стола.

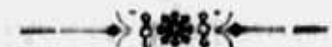
По окончаніи этихъ обрядовъ, женихъ беретъ невѣсту за руку и вмѣстѣ съ нею и родными, которые за ними слѣдуютъ, идетъ на паперть, гдѣ встрѣчаютъ ихъ съ сосудами и чашами, наполненными медомъ и русскимъ виномъ. Сперва женихъ беретъ полную чарку или небольшую чашку и выпиваетъ ее за здоровье невѣсты, а за нимъ сама невѣста, приподнявъ покрывало и поднося чарку къ губамъ какъ можно ниже, чтобы не видѣлъ ее женихъ, отвѣчаетъ ему тѣмъ же. По возвращеніи изъ церкви, женихъ идетъ не къ себѣ домой, а въ домъ къ своему отцу; такъ точно и невѣста отправляется къ своимъ, и здѣсь оба угощаютъ порознь своихъ родственниковъ. При входѣ въ домъ жениха и невѣсты, на нихъ бросаютъ изъ оконъ зерновой хлѣбъ въ знакъ будущаго изобилія и плодородности.

Вечеромъ невѣсту привозятъ въ домъ отца женихова, гдѣ она и проводитъ ночь, все еще не снимая покрывала съ головы. Во всю эту ночь она не должна произносить ни одного слова, ибо такъ приказывается ей по особому преданію матерью ея и другими пожилыми женщинами изъ ея родственницъ, дабы женихъ не могъ ни слышать, ни видѣть ее до другого дня послѣ брака. Также въ продолженіе трехъ слѣдующихъ дней не услышишь отъ нея ничего, кромѣ нѣсколькихъ опредѣленныхъ словъ за столомъ, которыя она должна сказать жениху съ особенною важностью и почтительностью. Если она держитъ себя иначе, то это считается для нея весьма предосудительнымъ и остается пятномъ на всю ея жизнь, да и самимъ женихомъ вовсе не будетъ одобрено.

По прошествіи трехъ дней супруги отправляются въ свой собственный домъ и даютъ общій пиръ своимъ роднымъ съ

обѣихъ сторонъ. Въ день свадьбы и во все время празднествъ жениха величаютъ молодымъ княземъ, а невѣсту молодою княгинею.

Въ обращеніи съ своими женами мужья обнаруживаютъ варварскія свойства, обходясь съ ними скорѣе какъ съ своими прислужницами, нежели равными. Исключеніемъ пользуются только жены дворянъ, которыхъ, по крайней мѣрѣ, повидимому, мужья болѣе уважаютъ, чѣмъ въ низшемъ классѣ людей. Есть у нихъ также грубый обычай, противный доброму порядку вещей и самому Слову Божію, именно тотъ, что мужъ, разлюбившій жену, или по какой-либо другой причинѣ, можетъ идти въ монастырь и постричься въ монахи подъ видомъ благочестія и, такимъ образомъ, оставить свою жену, чтобы она заботилась сама о себѣ, какъ умѣетъ.



ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

О другихъ обрядахъ русской церкви.

Другихъ церковныхъ обрядовъ у нихъ также очень много, особенно употребляютъ они во зло изображеніе креста, которое выставляютъ на большихъ дорогахъ, на церковныхъ главахъ, на воротахъ домовъ. Сами себя они также безпрестанно осѣняютъ крестнымъ знаменіемъ, возлагая для того руку на лобъ и потомъ на обѣ стороны груди съ чрезвычайною набожностью, какъ можно думать, судя по ихъ тѣлодвиженіямъ. Еще не было бы такъ прискорбно, если бы они вмѣстѣ съ тѣмъ не увѣряли, что въ этомъ именно заключается религіозная преданность и поклоненіе, которыя слѣдуетъ оказывать единому Богу, и не употребляли свое нѣмое знаменіе и осѣненіе вмѣсто благодареній и всѣхъ другихъ обязанностей ихъ въ отношеніи къ Богу. Вставши утромъ, они становятся противъ какого-нибудь храма, на главѣ котораго поставленъ крестъ, и, поклоняясь ему, вмѣстѣ съ тѣмъ осѣняютъ себѣ крестнымъ знаменіемъ лобъ и обѣ стороны груди. Такъ они благодарятъ Богаза ночное успокоеніе, не произнося никакихъ словъ, кромѣ какъ иногда: Господи помилуй. Садясь за столъ и вставая изъ-за него, благодарятъ они также Бога крестнымъ осѣненіемъ лба и груди, и только весьма немногіе прибавляютъ иногда одно или два слова изъ какой-нибудь обыкновенной молитвы, нисколько не относящіяся къ настоящему ихъ дѣлу. Давая присягу при рѣшеніи какого-нибудь спорнаго дѣла по законамъ, они клянутся крестомъ и цѣлуютъ подножіе его, какъ бы считая его самимъ Богомъ, имя котораго только и должно быть употребляемо при этомъ судебномъ доказательствѣ. Входя куда-нибудь

въ домъ, гдѣ всегда на стѣнѣ виситъ образъ, они передъ нимъ крестятся и дѣлаютъ поклонъ. Приступая къ какому-либо дѣлу, ничтожному или важному, вооружаются они прежде всего знаменіемъ креста, и это также вся молитва ихъ Богу за успѣхъ въ дѣлѣ. Такимъ образомъ, они служатъ Богу крестнымъ знаменіемъ только вслѣдствіе невѣжественнаго и пустого обычая, нисколько не понимая, что значитъ крестъ Христовъ и сила этого креста. И, несмотря на то, всѣхъ другихъ христіанъ они считаютъ никакъ не лучше турокъ въ сравненіи съ собою, потому, какъ они говорятъ, что они не поклоняются кресту, когда видятъ гдѣ-либо его изображеніе, и не крестятся, какъ русскіе.

Святая вода у нихъ въ такомъ же употребленіи и уваженіи, какъ у папистовъ, но превосходятъ они ихъ еще тѣмъ, что не только въ сосудахъ святятъ воду, но во всѣхъ ихъ рѣкахъ однажды въ годъ. Такой обрядъ совершается въ Москвѣ съ большимъ торжествомъ и пышностью, въ присутствіи самого Царя со всѣмъ дворянствомъ, начинаясь ходомъ въ видѣ процессіи черезъ всѣ улицы къ Москвѣ-рѣкѣ, въ слѣдующемъ порядкѣ. Впереди идутъ два дьякона съ хоругвями, изъ коихъ на одной изображеніе Пречистой Дѣвы, а на другой Св. Михаила, поражающаго змія; за ними слѣдуютъ другіе дьяконы и московскіе священники, по два въ рядъ, одѣтые въ ризы, съ образами на груди, которые несутъ на помочахъ или поясахъ, надѣтыхъ у нихъ на шеѣ. За священниками идутъ епископы въ полномъ облаченіи, потомъ монахи и игумены и, наконецъ, патріархъ въ богатомъ одѣяніи, съ шаромъ на вершинѣ митры въ знакъ его верховной власти надъ этою Церковью. Позади ихъ всѣхъ идетъ Царь со всѣмъ своимъ дворянствомъ. Ходъ этотъ тянется на пространствѣ цѣлой мили или болѣе. Пришедши къ рѣкѣ, дѣлаютъ большую прорубь во льду на назначенномъ мѣстѣ, шириною въ полторы перши, и ограждаютъ его, чтобы народъ не слишкомъ стѣснился. Тогда патріархъ начинаетъ читать нѣкоторыя молитвы, заклиная дьявола выйти изъ воды, а потомъ, бросивъ въ нее соли и окуривъ ее ладаномъ, освящаетъ такимъ образомъ воду во всей рѣкѣ. Поутру передъ тѣмъ всѣ москвичи чертятъ мѣ-

ломъ кресты на всякой двери и на каждомъ окнѣ для того, чтобы дьяволъ, изгнанный заклинаніями изъ воды, не влетѣлъ въ ихъ дома.

Когда церемонія окончится, то сначала царскіе тѣлохранители, а потомъ и всѣ городскіе обыватели идутъ съ своими ведрами и ушатами зачерпнуть освященной воды для питья и всякаго употребленія. Вы также увидите тутъ женщинъ, которыя погружаютъ дѣтей своихъ съ головою и ушами въ воду, и множество мужчинъ и женщинъ, которые бросаются въ прорубь кто нагой, кто въ платьѣ, тогда какъ, повидимому, можно отморозить палецъ, опустивъ его въ воду. Послѣ людей, ведутъ къ рѣкѣ лошадей и даютъ имъ пить освященную воду, чтобы и ихъ освятить. День, въ который совершается это освященіе рѣкъ, называется Крещеніемъ. То же самое повторяется епископами во всемъ государствѣ.

У нихъ есть также обычай давать своимъ опасно больнымъ пить святую воду, въ предположеніи, что этимъ можно исцѣлить ихъ или, по крайней мѣрѣ, освятить. Многіе погибаютъ отъ такого необдуманнаго суевѣрія, какъ это случилось съ единственнымъ сыномъ боярина Бориса въ бытность мою въ Москвѣ, котораго онъ погубилъ, по словамъ врачей, заставивъ его напиться холодной святой воды и принеся его голаго въ церковь Святого Василія въ сильный зимній морозъ, тогда какъ онъ былъ отчаянно боленъ.

У нихъ есть образъ Христа, который они называютъ нерукотвореннымъ (что значитъ сдѣланный безъ помощи рукъ), вѣря разсказамъ своихъ поповъ и преданію. Образъ этотъ они носятъ съ собою въ крестные ходы на длинномъ шестѣ, въ особенной кіотѣ, и поклоняются ему, какъ великой тайнѣ.

Всякій разъ, какъ варится пиво, у нихъ есть обычай приносить часть сусла священнику въ церковь и по освященіи вливать его въ пиво, отчего оно получаетъ такую силу, что кто его напьется, рѣдко остается трезвымъ. Точно также освящается у нихъ первый снопъ во время жатвы.

Сверхъ того, совершается здѣсь еще одинъ торжественный обрядъ въ Вербное воскресенье и на основаніи весьма древняго преданія: въ этотъ праздникъ патріархъ проѣзжаетъ

черезъ Москву верхомъ на лошади, которую Царь ведетъ подъ уздцы, а народъ взываетъ: Осанна! и бросаетъ свое верхнее платье подъ ноги лошади. Патріархъ платитъ въ этотъ день Царю за хорошую службу положенную дань, 200 рублей. За недѣлю до Рождества совершается еще обрядъ, подобный этому: каждый епископъ въ своей соборной церкви показываетъ трехъ отроковъ, горящихъ въ пещи, куда ангелъ слетаетъ съ церковной крыши, къ величайшему удивленію зрителей, при множествѣ пылающихъ огней, производимыхъ посредствомъ пороха такъ называемыми халдейцами, которые въ продолженіе всѣхъ двѣнадцати дней должны бѣгать по городу, переодѣтые въ шутовское платье и дѣлая разныя смѣшныя штуки, чтобы оживить обрядъ, совершаемый епископомъ. Въ Москвѣ Царь и Царица всегда бываютъ при этомъ торжествѣ, хотя всякій годъ повторяется одно и то же безъ всякаго прибавленія чего-нибудь новаго.

Кромѣ постовъ по средамъ и пятницамъ въ продолженіе цѣлаго года (по средамъ въ воспоминаніе того, что Христосъ былъ въ этотъ день преданъ, а по пятницамъ въ воспоминаніе того, что Онъ въ этотъ день страдалъ), они соблюдаютъ еще четыре большіе поста въ году. Первый, который они называютъ Великимъ, бываетъ въ одно время съ нашимъ, другой въ половинѣ лѣта, третій во время жатвы, четвертый передъ святками. Эти посты соблюдаютъ они не по какому-либо предписанію, а по одному суевѣрію. Въ первую недѣлю Великаго поста они ничего не употребляютъ въ пищу, кромѣ хлѣба и соли, а пьютъ только одну воду; не занимаются также никакими дѣлами и и только говѣютъ и постятся. Великимъ постомъ у нихъ бываетъ три всенощныхъ бдѣнія, которыя они называютъ стояніемъ, а въ послѣднюю пятницу такъ назыьаемая великая всенощная. Въ это время всѣ прихожане должны находиться въ церкви и оставаться въ ней съ 9 часовъ вечера до 6 утра, стоя все время на ногахъ, исключая земныхъ поклоновъ, которые они кладутъ предъ образами, именно въ числѣ ста семидесяти поклоновъ въ продолженіе всей ночи.

При похоронахъ у нихъ существуетъ также множество суевѣрныхъ и языческихъ обрядовъ, какъ, напримѣръ, они

кладутъ въ руки покойнику письмо къ Св. Николаю, котораго почитаютъ главнымъ своимъ заступникомъ и стражемъ вратъ Царствія Небеснаго, какимъ паписты считаютъ Петра.

Въ зимнее время, когда все бываетъ покрыто снѣгомъ и земля такъ замерзаетъ, что нельзя дѣйствовать ни заступомъ, ни ломомъ, они не хоронятъ покойниковъ, а ставятъ ихъ (сколько ни умретъ въ теченіе зимы) въ домѣ, выстроенномъ въ предмѣстіи или за городомъ, который называютъ Божедомъ, или Божій домъ: здѣсь трупы накладываются другъ на друга, какъ дрова въ лѣсу, и отъ мороза становятся твердыми, какъ камень; весною же, когда ледъ растаетъ, всякій беретъ своего покойника и предаетъ его тѣло землѣ.

Кромѣ того, совершаютъ они годовыя и мѣсячныя поминки по усопшемъ. Въ такіе дни священникъ служитъ имъ панихиды на могилѣ покойника и за трудъ свой получаетъ опредѣленную плату. Когда кто у нихъ умретъ, то приглашаютъ они женщинъ-плакальщицъ, которыя приходятъ рыдать по усопшемъ и, по языческому обычаю, испускаютъ вопли, стоя надъ тѣломъ (иногда въ домѣ, а иногда при выносѣ тѣла) и спрашивая покойника, чего ему недоставало и зачѣмъ онъ вздумалъ умереть? Мертвыхъ хоронятъ въ одеждѣ, въ которой они ходили: въ кафтанѣ, штанахъ, сапогахъ, шляпѣ и другомъ платьѣ.

Есть еще у нихъ много другихъ пустыхъ и суевѣрныхъ обрядовъ, о которыхъ и долго и скучно было бы разсказывать. Изъ всего этого можно судить, какъ далеко отстали они отъ истиннаго познанія и исполненія обязанностей христіанской религіи, промѣнявъ Слово Божіе на свои пустыя преданія и превративъ все во внѣшніе и смѣшные обряды безъ всякаго уваженія къ духу и истинѣ, которыхъ требуетъ Богъ отъ настоящаго ему поклоненія.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

О домашней или частной жизни Царя.

Домашняя жизнь Царя, сколько она извѣстна, состоитъ въ слѣдующемъ. Обыкновенно встаетъ онъ около четырехъ часовъ утра. Когда одѣнется и умоется, къ нему приходитъ его отецъ духовный или придворный священникъ съ крестомъ, которымъ благословляетъ его, прикасаясь сперва ко лбу, потомъ къ ланитамъ Царя, и даетъ ему поцѣловать конецъ креста. Затѣмъ такъ называемый крестный дьякъ (Chresby Deyack Profery) вноситъ въ комнату живописную икону съ изображеніемъ Святого, празднуемаго въ тотъ день, ибо каждый день у нихъ имѣетъ своего Святого, какъ бы своего патрона. Образъ этотъ онъ ставитъ къ прочимъ образамъ, которыми установлена вся комната, сколько можно помѣстить на стѣнѣ, съ горящими передъ ними лампадами и восковыми свѣчами. Образа богато и пышно украшены жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. Когда поставятъ образа на мѣсто, Царь начинаетъ креститься по русскому обычаю, осѣняя сперва голову, потомъ обѣ стороны груди и произнося: „Господи помилуй, помилуй мя, Господи, сохрани меня грѣшнаго отъ злаго дѣйствія“. Съ этими словами онъ обращается къ образу или къ Святому того дня, котораго поминаетъ въ молитвѣ, вмѣстѣ съ Богородицею (называемою у нихъ Пречистою), Св. Николаемъ или другимъ Святымъ, въ котораго болѣе вѣруетъ, падая передъ нимъ на землю и ударяя объ нее головою. Такой молитвѣ Царь посвящаетъ четверть часа или около того.

Затѣмъ входитъ опять духовникъ или придворный священникъ съ серебряною чашею, наполненною святою водою, и кро-

пиломъ Св. Василія (какъ они его называютъ), которымъ окропляетъ сперва образа, потомъ Царя. Святую воду приносятъ каждый день свѣжую изъ дальнихъ и ближнихъ монастырей, такъ что присылаетъ ее Царю игуменъ, отъ имени того Святого, въ честь котораго построенъ монастырь, въ знакъ особеннаго благоволенія его къ Царю.

Окончивъ этотъ религіозный обрядъ, Царь посылаетъ къ Царицѣ спросить, хорошо ли она почивала и проч., и чрезъ нѣсколько времени самъ идетъ здороваться съ нею въ средней комнатѣ, находящейся между ея и его покоями. Царица почиваетъ особо и не имѣетъ ни общей комнаты, ни общаго стола съ Царемъ, исключая какъ въ заговѣнье или наканунѣ постовъ, когда обыкновенно раздѣляетъ съ нимъ и ложе и столъ. Послѣ утренняго свиданія, идутъ они вмѣстѣ въ свою домовую церковь или часовню, гдѣ читается или поется утренняя служба,называемая заутренею, которая продолжается около часу. Возвратясь изъ церкви домой, Царь садится въ большой комнатѣ, въ которой для свиданія съ нимъ и на поклонъ являются тѣ изъ бояръ, которые въ милости при дворѣ. Здѣсь Царь и бояре, если имѣютъ что сказать, передаютъ другъ другу. Такъ бываетъ всякій день, если только здоровье Царя или другой случай не заставятъ его измѣнить принятому обыкновенію.

Около девяти часовъ утра идетъ онъ въ другую церковь въ Кремлѣ, гдѣ священники съ пѣвчими отправляютъ полное богослуженіе, называемое обѣднею, которая продолжается два часа, и въ это время Царь обыкновенно разговариваетъ съ членами Думы своей, съ боярами или военачальниками, которые о чемъ-либо ему докладываютъ, или же самъ отдаетъ имъ свои приказанія. Бояре также разсуждаютъ между собою, какъ будто бы они находились въ Думѣ. По окончаніи обѣдни Царь возвращается домой и отдыхаетъ до самаго обѣда.

За обѣдомъ прислуживаютъ ему слѣдующимъ образомъ: во-первыхъ, каждое блюдо, какъ только оно отпускается къ накладчику, долженъ прежде отвѣдывать поваръ въ присутствіи главнаго дворецкаго или его помощника. Потомъ принимаютъ его дворяне-слуги, называемые жильцами, и несутъ къ царскому столу, причемъ идетъ впереди ихъ главный дворецкій или его помощникъ. Здѣсь кушанье принимаетъ крайчій (Erastnoy), который каждое блюдо даетъ отвѣдывать особому для того чиновнику, а потомъ ставитъ его передъ Царемъ. Число блюдъ, подаваемыхъ за обыкновеннымъ столомъ у Царя, бываетъ около семидесяти, но приготовляютъ ихъ довольно грубо, съ большимъ количествомъ чесноку и соли, подобно тому, какъ въ Голландіи. Въ праздникъ или при угощеніи какого-либо посланника приготовляютъ гораздо болѣе блюдъ. За столомъ подаютъ вмѣстѣ по два блюда и никогда болѣе трехъ, дабы Царь могъ кушать ихъ горячія, сперва печенья, потомъ жареное, наконецъ похлебки. Въ столовой есть еще другой столъ, за коимъ сидятъ нѣкоторыя изъ знатнѣйшихъ лицъ, находящихся при дворѣ, и духовникъ царскій или капеланъ. По одну сторону комнаты стоитъ столъ съ прекрасною и богатою посудою и большимъ мѣднымъ чаномъ, наполненнымъ льдомъ и снѣгомъ, въ коихъ поставлены кубки, подаваемые къ столу. Чашу, изъ которой пьетъ самъ Царь, въ продолженіе всего обѣда держитъ особый чиновникъ (taster) и подноситъ ее Царю съ привѣтствіемъ всякій разъ, какъ онъ ее потребуетъ. Когда поставятъ кушанье на столъ, то, обыкновенно, раскладываютъ его на нѣсколько блюдъ, которыя потомъ отсылаетъ Царь къ тѣмъ дворянамъ и чиновникамъ, кому онъ самъ заблагоразсудитъ. Это почитается великимъ благоволеніемъ и честью.

Послѣ обѣда Царь ложится отдыхать и, обыкновенно, почиваетъ три часа, если только не проводитъ одинъ изъ нихъ въ банѣ или на кулачномъ бою. Спать послѣ обѣда есть обыкновеніе, общее какъ Царю, такъ и всѣмъ русскимъ. Послѣ отдыха идетъ онъ къ вечернѣ и, возвратясь оттуда, большею частью проводитъ время съ Царицею до ужина. Тутъ увеселяютъ его шуты и карлы мужского и женскаго пола, которые кувыркаются передъ нимъ и поютъ пѣсни по-русски, и это самая любимая его забава между обѣдомъ и ужиномъ. Другая особенная потѣха есть бой съ дикими медвѣдями, которыхъ ловятъ въ ямахъ и тенетами и держатъ въ желѣзныхъ

клѣткахъ, пока Царь не пожелаетъ видѣть это зрѣлище. Бой съ медвѣдемъ происходитъ слѣдующимъ образомъ: въ кругъ, обнесенный стѣною, ставятъ человѣка, который долженъ возиться съ медвѣдемъ, какъ умѣетъ, потому что бѣжать некуда. Когда спустятъ медвѣдя, то онъ прямо идетъ на своего противника съ отверзтою пастью. Если человѣкъ съ перваго раза дастъ промахъ и подпуститъ къ себѣ медвѣдя, то подвергается большой опасности; но такъ какъ дикій медвѣдь весьма свирѣпъ, то это свойство даетъ перевѣсъ надъ нимъ охотнику. Нападая на человѣка, медвѣдь поднимается обыкновенно на заднія лапы и идетъ къ нему съ ревомъ и разинутою пастью. Въ это время, если охотникъ успѣетъ ему всадить рогатину въ грудь между двумя передними лапами (въ чемъ, обыкновенно, успѣваетъ) и утвердить другой конецъ ея у ноги такъ, чтобы держать его по направленію къ рылу медвѣдя, то, обыкновенно, съ одного разу сшибаетъ его. Но часто случается, что охотникъ даетъ промахъ, и тогда лютый звѣрь или убиваетъ, или раздираетъ его зубами и когтями на части. Если охотникъ хорошо выдержитъ бой съ медвѣдемъ, его ведутъ къ царскому погребу, гдѣ онъ напивается допьяна въ честь Государя, и въ этомъ вся его награда за то, что онъ жертвовалъ жизнью для потѣхи Царской. Чтобы пользоваться этимъ удовольствіемъ, Царь содержитъ нѣсколько ловчихъ, опредѣленныхъ для ловли дикихъ медвѣдей. Травлею Царь забавляется обыкновенно по праздникамъ. Иногда проводитъ онъ время, разсматривая работу своихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ и ювелировъ, портныхъ, швей, живописцевъ и т. п., а потомъ идетъ ужинать. Когда приходитъ время спать, священникъ читаетъ нѣсколько молитвъ, и Царь молится и крестится, какъ и поутру, около четверти часа, послѣ чего ложится.

Теперешній Царь, по имени Өеодоръ Ивановичъ, относительно своей наружности, росту малаго, приземистъ и толстоватъ, тѣлосложенія слабаго и склоненъ къ водяной: носъ у него ястрибиный, поступь нетвердая отъ нѣкоторой разслабленности въ членахъ; онъ тяжелъ и недѣятеленъ, но всегда улыбается такъ, что почти смѣется. Что касается до другихъ свойствъ его, то онъ простъ и слабоуменъ, но весьма любезенъ и хорошъ въ обращеніи, тихъ, милостивъ, не имѣетъ склонности къ войнѣ, мало способенъ къ дѣламъ политическимъ и до крайности суевѣренъ. Кромѣ того, что онъ молится дома, ходитъ онъ обыкновенно каждую недѣлю на богомолье въ какой-нибудь изъ ближнихъ монастырей. Отъ роду ему 34 года или около того, а царствуетъ онъ почти шесть лѣтъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

О домашнемъ или придворномъ штатѣ Царя.

Главные чиновники царскаго двора суть слѣдующіе: первая должность конюшаго боярина или начальника конюшеннаго вѣдомства. Она заключаетъ въ себѣ не болѣе того, сколько выражаетъ самое названіе, то-есть обязанность главнаго надзора надъ лошадьми, а не то Magister Equitum или начальникъ всадниковъ, потому что на это мѣсто опредѣляются другіе, смотря по обстоятельствамъ (какъ о томъ сказано было выше). Должность конюшаго занимаетъ теперь Борисъ Өеодоровичъ Годуновъ, братъ Царицы. Лошадей царскихъ, назначенныхъ для войны (кромѣ другихъ, употребляемыхъ для обыкновенной работы), до 10.000; всѣ онѣ содержатся въ окрестностяхъ Москвы. Вторая должность дворецкаго, занимаемая въ настоящее время Григоріемъ Васильевичемъ Годуновымъ. Третья—казначея, который хранитъ всѣ царскія деньги, драгоцѣнныя вещи, серебряную посуду и проч. Ее занимаетъ Степанъ Васильевичъ Годуновъ. Четвертая должность контролера, которою завѣдываетъ Андрей Петровичъ Клешнинъ. Пятая—постельничаго; это мѣсто занимаютъ нынѣ Истома Безобразовъ. Шестая—крайчихъ (Tasters), которыми теперь Өеодоръ Александровичъ и Иванъ Васильевичъ Годуновы. Седьмая—фурьеровъ, которыхъ теперь трое изъ лицъ высшаго сословія и еще нѣсколько различныхъ другихъ, подчиненныхъ имъ дворянъ. Вотъ обыкновенные царскіе чиновники, наиболѣе почетные.

Кромѣ того въ комнатахъ царскихъ и при его особѣ находится двѣсти человѣкъ (называемые жильцами-стряпчими), всѣ дѣти дворянъ. Постоянныхъ тѣлохранителей его составляютъ 2,000 стрѣльцовъ, стоящіе день и ночь съ заряженными ружьями, зажженными фитилями и другими нужными снарядами. Они не входятъ во дворецъ и сторожатъ на дворѣ, гдѣ живетъ Царь. Въ ночное время подлѣ царской спальни находится главный постельничій (Chamberlaine), съ однимъ или двумя другими, наиболѣе приближенными къ Царю. Въ смежной съ нею комнатѣ помѣщается еще шестеро другихъ лицъ, извѣстныхъ своею вѣрностью и преданностью. Въ третьей комнатѣ ложатся нѣсколько молодыхъ дворянъ изъ числа означенныхъ выше двухсотъ, называемыхъ жильцами-стряпчими, которые очередуются по сорока человѣкъ каждую ночь. Кромѣ этихъ, есть еще нѣсколько молодыхъ людей, называемыхъ истопниками и находящихся на стражѣ у каждыхъ воротъ и каждой двери во дворѣ.

Стрѣльцы, коихъ числомъ 2,000 (какъ было сказано выше), сторожатъ дворецъ царскій или опочивальню по двѣсти пятидесяти въ ночь; другіе двѣсти пятьдесятъ человѣкъ караулятъ во дворѣ и около казначейства. Дворецъ или домъ царскій въ Москвѣ построенъ въ видѣ крѣпости, обнесенъ стѣнами, уставленными множествомъ хорошихъ орудій, и заключаетъ въ себѣ большое пространство земли со многими домами, назначенными для жительства людямъ, извѣстнымъ своею вѣрностью и преданностью Царю.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

О домашней жизни и свойствахъ русскаго народа.

О домашней жизни и свойствахъ русскаго народа можно имѣть нѣкоторое понятіе изъ того, что было сказано въ главѣ объ общественномъ состояніи и обычаяхъ государства. Что касается до ихъ тѣлосложенія, то они большею частью роста

высокаго и очень полны, почитая за красоту быть толстыми и дородными и вмѣстѣ съ тѣмъ стараясь отпускать и растить длинную и окладистую бороду. Но большею частью они вялы и недѣятельны, что, какъ можно полагать, происходитъ частью отъ климата и сонливости, возбуждаемой зимнимъ холодомъ, частью же отъ пищи, которая состоитъ преимущественно изъ кореньевъ, лука, чеснока, капусты и подобныхъ растеній, производящихъ дурные соки; они ѣдятъ ихъ и безъ всего и съ другими кушаньями.

Столъ у нихъ болѣе нежели страненъ. Приступая къ ѣдѣ, они обыкновенно выпиваютъ чарку или небольшую чашку водки, называемой русскимъ виномъ, потомъ ничего не пьютъ до конца стола, но тутъ уже напиваются вдоволь и всѣ вмѣстѣ, цѣлуя другъ друга при каждомъ глоткѣ, такъ что послѣ обѣда съ ними нельзя ни о чемъ говорить, и всѣ отправляются на скамьи, чтобы соснуть, имѣя обыкновеніе отдыхать послѣ обѣда, такъ точно какъ и ночью. Если наготовлено много разнаго кушанья, то подаютъ сперва печенья (ибо жаренаго они употребляютъ мало), а потомъ похлебки. Напиваться допьяна каждый день въ недѣлю у нихъ дѣло весьма обыкновенное. Главный напитокъ ихъ медъ, а люди побѣднѣе пьютъ воду и жидкій напитокъ, называемый квасомъ, который, какъ мы сказали, есть не что иное, какъ вода, заквашенная съ небольшою примѣсью солода.

Такая пища могла бы произвести въ нихъ разныя болѣзни, но они ходятъ два или три раза въ недѣлю въ баню, которая служитъ имъ вмѣсто всякихъ лекарствъ. Всю зиму и большую часть лѣта топятъ они свои печи, устроенныя подобно баннымъ печамъ въ Германіи, и палати (potlads) ихъ такъ нагрѣваютъ домъ, что иностранцу сначала навѣрное не понравится. Эти двѣ крайности, особенно зимою, жаръ внутри домовъ и стужа на дворѣ, вмѣстѣ съ пищею, придаютъ имъ темный болѣзненный цвѣтъ лица, потому что кожа отъ холода и жара измѣняется и сморщивается, особенно у женщинъ, у которыхъ цвѣтъ лица большею частью гораздо хуже, чѣмъ у мужчинъ. По моему мнѣнію, это происходитъ оттого, что онѣ постоянно сидятъ въ жаркихъ покояхъ, занимаются топкою бань и печей и часто парятся.

Русскій человѣкъ, привыкнувъ къ обѣимъ крайностямъ, и къ жару и къ стужѣ, можетъ переносить ихъ гораздо легче, нежели иностранцы. Вы нерѣдко увидите, какъ они (для подкрѣпленія тѣла) выбѣгаютъ изъ бань въ мылѣ и, дымясь отъ жару, какъ поросенокъ на вертелѣ, кидаются нагіе въ рѣку или окачиваются холодною водою, даже въ самый сильный морозъ. Женщины, стараясь скрыть дурной цвѣтъ лица, бѣлятся и румянятся такъ много, что каждый можетъ замѣтить. Однако, тамъ никто не обращаетъ на это вниманія, потому что таковъ у нихъ обычай, который не только вполнѣ нравится мужьямъ, но даже сами они позволяютъ своимъ женамъ и дочерямъ покупать бѣлила и румяна для крашенія лица и радуются, что изъ страшныхъ женщинъ онѣ превращаются въ красивыя куклы. Отъ краски морщится кожа, и онѣ становятся еще безобразнѣе, когда ее смоютъ. Одежда ихъ сходна съ греческою. Бояре одѣваются такимъ образомъ. Во-первыхъ, на голову надѣваютъ тафью или небольшую ночную шапочку, которая закрываетъ немного поболѣе маковки и обыкновенно богато вышита шелкомъ и золотомъ и украшена жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Волосы на головѣ стригутъ плотно до самой кожи, кромѣ того, когда кто бываетъ въ опалѣ у Царя. Тогда отращаетъ онъ волосы до плечъ, закрывая ими лицо какъ можно уродливѣе и безобразнѣе. Сверхъ тафьи носятъ большую шапку изъ мѣха чернобурой лисицы, почитаемаго за лучшій мѣхъ, съ тіарою или длинною тульею, которая возвышается изъ мѣховой опушки на подобіе персидской или вавилонской шапки. На шею, всегда голую, надѣвается ожерелье изъ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней, шириною въ три и четыре пальца. Сверхъ рубахи, изукрашенной шитьемъ, потому что лѣтомъ они дома носятъ ее одну, надѣвается зипунъ или легкая шелковая одежда, длиною до колѣнъ, которая застегивается спереди, и потомъ кафтанъ, или узкое застегнутое платье, съ персидскимъ кушакомъ, на которомъ вѣшаютъ ножи и ложку. Кафтаны шьются, обыкновенно, изъ золотой парчи и спускаются до самыхъ лодыжекъ. Сверхъ кафтана надѣваютъ распашное платье изъ дорогой шелковой матеріи, подбитое мѣхомъ и обшитое золотымъ галуномъ: оно

называется ферезью. Другая верхняя одежда изъ камлота или подобной матеріи есть охабень, весьма длинный, съ рукавами и воротникомъ, украшеннымъ каменьями и жемчугомъ. При выходѣ изъ дому набрасывается сверхъ всей этой одежды, которая очень легка, хотя состоитъ изъ нѣсколькихъ платьевъ, такъ называемая однорядка, похожая на охабень, съ тою разницею, что шьется безъ воротника; она бываетъ, обыкновенно, изъ тонкаго сукна или камлота. Сапоги, которые носятъ вмѣсто исподняго платья, съ заправленными въ нихъ онучками (вмѣсто носковъ), дѣлаются изъ персидской кожи, называемой сафьяномъ, и вышиваются жемчугомъ. Нижнее платье обыкновенно изъ золотой парчи. Со двора они всегда выѣзжаютъ верхомъ, хотя бы на самое близкое разстояніе, что соблюдается и боярскими дѣтьми или дворянами.

Боярскіе дѣти или дворяне одѣваются точно такъ же, употребляя только другую матерію на платья, но кафтанъ или нижнее платье и у нихъ бываетъ иногда изъ золотой парчи, а прочее платье суконное или шелковое.

Благородныя женщины, называемыя женами боярскими, носятъ на головѣ тафтяную повязку (обыкновенно красную), а сверхъ нея шлыкъ, называемый науруса (obrosa), бѣлаго цвѣта. Сверхъ этого шлыка надѣваютъ шапку (въ видѣ головного убора, изъ золотой парчи), называемую шапкою земскою, съ богатою мѣховою опушкою, съ жемчугомъ и каменьями; но съ недавняго времени перестали унизывать шапки жемчугомъ, потому что жены дьяковъ и купеческія стали подражать имъ. Въ ушахъ носятъ серьги въ два дюйма и болѣе, золотыя, съ рубинами, сапфирами или другими драгоцѣнными каменьями. Лѣтомъ часто надѣваютъ покрывало изъ тонкаго бѣлаго полотна или батиста, завязываемое у подбородка, съ двумя длинными висящими кистями. Все покрывало густо унизано дорогимъ жемчугомъ. Когда выѣзжаютъ верхомъ или выходятъ со двора въ дождливую погоду, то надѣваютъ бѣлыя шляпы съ цвѣтными завязками, называемыя шляпами земскими. На шеѣ носятъ ожерелье въ три и четыре пальца шириною, украшенное дорогимъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Верхняя одежда широкая, называемая опашень,

обыкновенно красная, съ пышными и полными рукавами, висящими до земли, застегивается спереди большими золотыми или, по крайней мѣрѣ, серебряными вызолоченными пуговицами, величиною почти съ грецкій орѣхъ. Сверху, подъ воротникомъ, къ ней пришитъ еще другой большой широкій воротникъ изъ дорогого мѣха, который виситъ почти до половины спины. Подъ опашнемъ или верхнею одеждою носятъ другую, называемую лѣтникомъ, шитую спереди безъ разрѣза, съ большими широкими рукавами, коихъ половина до локтя дѣлается, обыкновенно, изъ золотой парчи, подъ нею же ферезь земскую, которая надѣвается свободно и застегивается до самыхъ ногъ. На рукахъ носятъ весьма красивое запястье, шириною пальца въ два, изъ жемчуга и дорогихъ каменьевъ. У всѣхъ на ногахъ сапожки изъ бѣлой, желтой, голубой или другой цвѣтной кожи, вышитые жемчугомъ. Такова парадная одежда знатныхъ женщинъ въ Россіи.

Платье простыхъ дворянскихъ женъ отличается только матеріею, но покрой одинъ и тотъ же.

Что касается до мужиковъ и женъ ихъ, то они одѣваются очень бѣдно: мужчина ходитъ въ однорядкѣ или широкомъ платьѣ, которое спускается до самыхъ пять и подпоясано кушакомъ, изъ грубаго бѣлаго или синяго сукна, съ надѣтою подъ нимъ шубою или длиннымъ мѣховымъ или овчиннымъ камзоломъ, въ мѣховой шапкѣ и въ сапогахъ. У мужиковъ побѣднѣе однорядки изъ коровьей шкуры. Такъ одѣваются они зимою. Лѣтомъ обыкновенно не носятъ они ничего, кромѣ рубахи на тѣлѣ и сапогъ на ногахъ. Женщина, когда она хочетъ нарядиться, надѣваетъ красное или синее платье и подъ нимъ теплую мѣховую шубу зимою, а лѣтомъ только двѣ рубахи (ибо такъ они ихъ называютъ), одну на другую, и дома, и выходя со двора. На головѣ носятъ шапки изъ какой-нибудь цвѣтной матеріи, многія также изъ бархата или золотой парчи, но большею частью повязки. Безъ серегъ серебряныхъ или изъ другого металла и безъ креста на шеѣ вы не увидите ни одной русской женщины, ни замужней, ни дѣвицы.

Что касается до ихъ свойствъ и образа жизни, то они обладаютъ хорошими умственными способностями, не имѣя, однако, тѣхъ средствъ, какія есть у другихъ народовъ для развитія ихъ дарованій воспитаніемъ и наукою. Правда, они могли бы заимствоваться въ этомъ случаѣ отъ поляковъ и другихъ сосѣдей своихъ; но уклоняются отъ нихъ изъ тщеславія, предпочитая свои обычаи обычаямъ всѣхъ другихъ странъ. Отчасти причина этому заключается и въ томъ (какъ было замѣчено мною выше), что образъ ихъ воспитанія, чуждый всякаго основательнаго образованія и гражданственности, признается ихъ властями самымъ лучшимъ для ихъ государства и наиболѣе согласнымъ съ ихъ образомъ правленія, которое народъ едва ли бы сталъ переносить, если бы получилъ какое-нибудь образованіе и лучшее понятіе о Богѣ, равно какъ и хорошее устройство. Съ этою цѣлью Цари уничтожаютъ всѣ средства къ его улучшенію и стараются не допускать ничего иноземнаго, что могло бы измѣнить туземные обычаи. Такія дѣйствія можно бы было столько-нибудь извинить, если бы они не налагали особый отпечатокъ на самый характеръ жителей. Видя грубые и жестокіе поступки съ ними всѣхъ главныхъ должностныхъ лицъ и другихъ начальниковъ, они такъ же безчеловѣчно поступаютъ другъ съ другомъ, особенно съ своими подчиненными и низшими, такъ что самый низкій и убогій крестьянинъ (какъ они называютъ простолюдина), унижающійся и ползающій передъ дворяниномъ, какъ собака, и облизывающій пыль у ногъ его, дѣлается несноснымъ тираномъ, какъ скоро получаетъ надъ кѣмъ-нибудь верхъ. Отъ этого бываетъ здѣсь множество грабежей и убійствъ. Жизнь человѣка считается ниночемъ. Часто грабятъ въ самыхъ городахъ на улицахъ, когда кто запоздаетъ вечеромъ, но на крикъ ни одинъ человѣкъ не выйдетъ изъ дому подать помощь, хотя бы и слышалъ вопли. Я не хочу говорить о странныхъ убійствахъ и другихъ жестокостяхъ, какія у нихъ случаются. Едва ли кто повѣритъ, чтобы подобныя злодѣйства могли происходить между людьми, особенно такими, которые называютъ себя христіанами.

Бродягъ и нищенствующихъ у нихъ несчетное число: голодъ и крайняя нужда до того ихъ изнуряютъ, что они просятъ милостыни самымъ ужаснымъ, отчаяннымъ образомъ, го-

воря: подай и зарѣжь меня, подай и убей меня и т. п. Отсюда можно заключить, каково обращеніе ихъ съ иностранцами, когда они такъ безчеловѣчны и жестоки къ своимъ единоземцамъ. И несмотря на то, нельзя сказать навѣрное, что преобладаетъ въ этой странѣ—жестокость или невоздержаніе. Впрочемъ, о послѣднемъ я и говорить не стану, потому что оно такъ грязно, что трудно найти приличное для него выраженіе. Все государство преисполнено подобными грѣхами. И удивительно ли это, когда у нихъ нѣтъ законовъ для обузданія блуда, прелюбодѣянія и другихъ пороковъ?

Что касается до вѣрности слову, то русскіе большею частью считаютъ его почти нипочемъ, какъ скоро могутъ что-нибудь выиграть обманомъ и нарушить данное обѣщаніе. По истинѣ можно сказать, какъ вполнѣ извѣстно тѣмъ, которые имѣли съ ними болѣе дѣла по торговлѣ, что отъ большого до малаго, за исключеніемъ весьма немногихъ, которыхъ очень трудно отыскать, всякій русскій не вѣритъ ничему, что говоритъ другой, но зато и самъ не скажетъ ничего такого, на что бы можно было положиться. Эти свойства дѣлаютъ ихъ презрѣнными въ глазахъ всѣхъ ихъ сосѣдей, особенно татаръ, которые считаютъ себя гораздо честнѣе и справедливѣе русскихъ. Тѣ, которые внимательно обсуждали состояніе обоихъ народовъ, полагаютъ, что ненависть къ образу правленія и поступкамъ русскихъ была до сихъ поръ главною причиною язычества татаръ и ихъ отвращенія отъ христіанской вѣры.